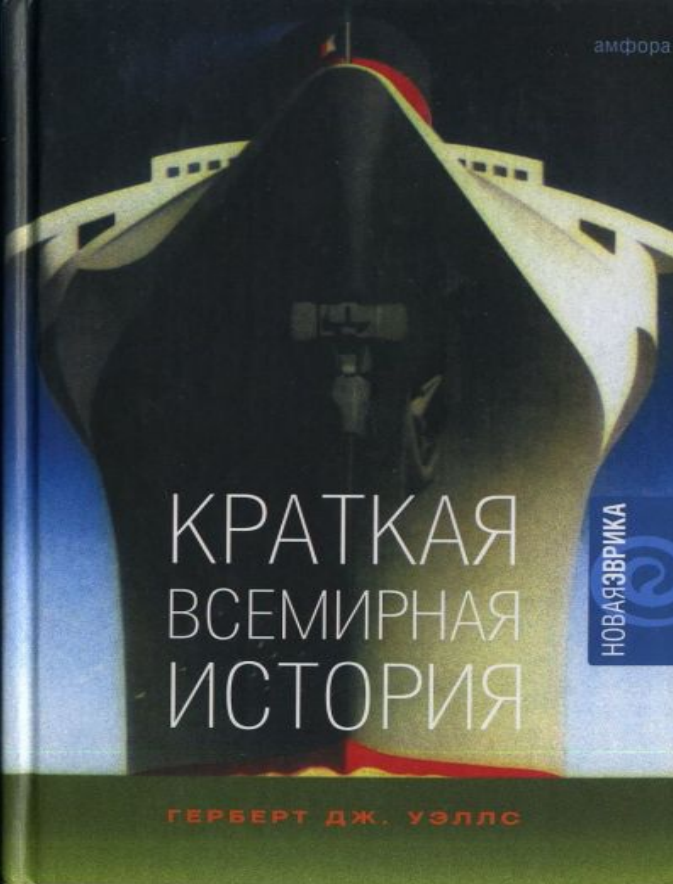

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

The background of the cover is a photograph of the bow of a large cargo ship, viewed from a low angle looking up. The ship's hull is dark, and the upper sections are white with red accents. The ship is set against a clear blue sky.

амфора

КРАТКАЯ ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

НОВАЯ ЗВРИКА

ГЕРБЕРТ ДЖ. УЭЛЛС

Annotation

Книга известного английского писателя Г. Дж. Уэллса является, по сути, уникальным проектом: она читается как роман, но роман, дающий обобщенный обзор всемирной истории, без усложнений и спорных вопросов.

- [Краткая всемирная история](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [I. ОБЕЗЬЯНЫ И ГОМИНИДЫ](#)
 - [II. НЕАНДЕРТАЛЬСКИЙ ЧЕЛОВЕК И](#)

РОДЕЗИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК

- III. ПЕРВЫЕ НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ
- IV. ПЕРВОБЫТНОЕ МЫШЛЕНИЕ
- V. НАЧАЛО РАСТЕНИЕВОДСТВА
- VI. ПЕРВОБЫТНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ НЕОЛИТА
- VII. ШУМЕР, ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ И ПИСЬМЕННОСТЬ
- VIII. ПЕРВОБЫТНЫЕ КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ
- IX. ПЕРВЫЕ МОРЕХОДНЫЕ НАРОДЫ
- X. ЕГИПЕТ, ВАВИЛОН И

АССИРИЯ

- XI. ПЕРВОБЫТНЫЕ АРИЙЦЫ
- XII. ПОСЛЕДНЕЕ ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО И ИМПЕРИЯ ДАРИЯ
- XIII. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ
- XIV. ИУДЕЙСКИЕ ЖРЕЦЫ И ПРОРОКИ
- XV. ГРЕКИ
- XVI. ВОЙНЫ ГРЕКОВ С ПЕРСАМИ
- XVII. ВЕЛИЧИЕ ГРЕЦИИ
- XVIII. ИМПЕРИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО
- XIX. МУЗЕЙ И БИБЛИОТЕКА В

АЛЕКСАНДРИИ

- XX. ЖИЗНЬ ГАУТАМЫ БУДДЫ
- XXI. ЦАРЬ АШОКА
- XXII. КОНФУЦИЙ И ЛАО-ЦЗЫ
- XXIII. РИМ ВСТУПАЕТ В ИСТОРИЮ
- XXIV. РИМ И КАРФАГЕН
- XXV. ВОЗВЫШЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
- XXVI. МЕЖДУ РИМОМ И КИТАЕМ
- XXVII. ЖИЗНЬ ОБЫЧНОГО ЧЕЛОВЕКА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
- XXVIII. РЕЛИГИОЗНЫЕ НОВШЕСТВА В РИМСКОЙ

ИМПЕРИИ

- XXIX. УЧЕНИЕ ИИСУСА
- XXX. РАЗВИТИЕ
ДОГМАТИЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСТВА
- XXXI. ВАРВАРЫ
ВТОРГАЮТСЯ В
ИМПЕРИЮ С ВОСТОКА И
ЗАПАДА
- XXXII. ГУННЫ И КОНЕЦ
ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ
- XXXIII. ВИЗАНТИЙСКАЯ
И САСАНИДСКАЯ
ИМПЕРИИ
- XXXIV. ДИНАСТИИ СУЙ И
ТАН В КИТАЕ
- XXXV. МУХАММЕД И
ИСЛАМ

- XXXVI. ВЕЛИКАЯ ЭПОХА АРАБОВ
- XXXVII. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЗАПАДНОГО ХРИСТИАНСКОГО МИРА
- XXXVIII. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И ЭПОХА ПАПСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА
- XXXIX. НЕПОКОРНЫЕ ГОСУДАРИ И ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ
- XL. ЗАВОЕВАНИЯ МОНГОЛОВ
- XLI. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В

ЕВРОПЕ

- XLII. РЕФОРМАЦИЯ
РИМСКОЙ ЦЕРКВИ
- XLIII. ИМПЕРАТОР КАРЛ V
- XLIV. ВЕК
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЭКСПЕРИМЕНТОВ.
ВЕЛИКАЯ МОНАРХИЯ,
ПАРЛАМЕНТЫ И
РЕСПУБЛИКАНИЗМ В
ЕВРОПЕ
- XLV. НОВЫЕ
ЕВРОПЕЙСКИЕ
ВЛАДЕНИЯ В АЗИИ И
ЗАМОРСКИХ ЗЕМЛЯХ
- XLVI. АМЕРИКАНСКАЯ
ВОЙНА ЗА
НЕЗАВИСИМОСТЬ

- XLVII. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ МОНАРХИИ ВО ФРАНЦИИ
- XLVIII. НЕУСТОЙЧИВЫЙ МИР В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ НАПОЛЕОНА
- XLIX. РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ
- L. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
- LI. РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕЙ
- LII. ЭКСПАНСИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

- LIII. НАЧАЛО
ГЕРМАНСКОГО
ПРЕОБЛАДАНИЯ В
ЕВРОПЕ
- LIV. НОВЫЕ ЗАМОРСКИЕ
ИМПЕРИИ ЖЕЛЕЗНЫХ
ДОРОГ И ПАРОХОДОВ
- LV. ЕВРОПЕЙСКАЯ
АГРЕССИЯ В АЗИИ И
ВОЗВЫШЕНИЕ ЯПОНИИ
- LVI. БРИТАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ В 1914 ГОДУ
- LVII. ВООРУЖЕНИЕ
ЕВРОПЫ И ПЕРВАЯ
МИРОВАЯ ВОЙНА
- LVIII. НОВЫЙ ПОРЯДОК В
РОССИИ
- LIX. ЛИГА НАЦИЙ

- LX. КРАХ ЛИГИ НАЦИЙ
- LXI. НАЧАЛО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ
- LXII. ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ
НОМО SAPIENS[95]
- ХРОНОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ БЕЗ
ФАНТАСТИКИ

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)

- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)

Спасибо, что скачали книгу в

[бесплатной электронной библиотеке](#)
[Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Краткая всемирная история

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Краткая всемирная история» написана так, чтобы у читателя не возникало затруднений и недоумений и чтобы он читал ее как роман. В ней дается обобщенный обзор нашего знания истории без каких-либо усложнений и проблемных вопросов, что необходимо как основа для изучения какого-то конкретного периода или истории какой-то страны. Она полезна и как подготовка для чтения моего гораздо более полного «Очерка истории»^[1]. Но все-таки ее главная цель — помочь широкому читателю (не

располагающему достаточным
временем для изучения «Очерка»)
освежить и, возможно, в чем-то
изменить свои поблекшие и
отрывочные представления о
великом пути, пройденном
человечеством. «Краткая история» не
является, да и не может быть сжатым
пересказом «Очерка» и представляет
собой вполне самостоятельный труд.

Г. Дж. Уэллс

I. ОБЕЗЬЯНЫ И ГОМИНИДЫ

Ученые разделяют класс *Mammalia*^[2] на несколько отрядов. Главный из них — *Primates*^[3], в который входят лемуры, обезьяны и человек. Первоначально эта классификация была основана на анатомическом сходстве и не учитывала мыслительные способности.

Историю приматов трудно соотнести с геологическими эпохами. По большей части они, подобно лемурам и обезьянам, живут

в лесах или, как бабуины, в степных и гористых местах. Эти территории редко подвергались затоплению с последующими отложениями, к тому же приматы не очень многочисленный вид, и от них, в отличие от лошадей, верблюдов и др., сохранилось мало окаменелостей. Известно, однако, что около сорока миллионов лет назад, в кайнозойскую эру, появляются примитивные обезьяны и лемуroidы с менее развитым, по сравнению с их дальними потомками, мозгом.

Наконец подошел конец великого всемирного лета среднекайнозойского периода. Оно было продолжением двух других

великих летних эпох — Угольных Болот и Века Рептилий. Земля снова вступала в ледниковую эпоху. Климат похолодал, потом потеплел, потом снова стало холоднее. В теплые периоды там, где теперь по Флит-стрит снуют журналисты, бродили увесистые гиппопотамы и подстерегали свою добычу жуткие саблезубые тигры. По пришел черед сумрачных веков. Произошел великий отбор и вымирание целых видов. Появились волосатый носорог, приспособленный к холодам, мамонт — огромный мохнатый родственник слонов, арктический овцебык и северный олень. Век за веком смертоносный арктический ледник

полз к югу. В Англии он дошел до Темзы, в Америке — до Огайо. Случались и потепления на несколько тысяч лет, и жестокие похолодания.

Геологи называют эти зимы Первым, Вторым, Третьим и Четвертым ледниковыми периодами, а промежутки между ними — межледниковыми. Первый

ледниковый период начался 600 тысяч лет назад. Четвертый достиг своего апогея за 50 тысяч лет до нашей эры. Первые

человекоподобные существа появились на нашей планете среди снегов этой долгой всеобщей зимы^[4].

К середине кайнозойской эры

появились обезьяны с антропоморфными челюстями и нижними конечностями, но лишь с ледниковых периодов можно говорить о таких следах, которые можно назвать «почти человеческими». Однако это следы не костей, а приспособлений и орудий. В Европе среди отложений давностью от миллиона до полумиллиона лет находят кремни и другие камни с явными следами обработки, предназначенной, по всей видимости, для того, чтобы изготовить ударные, режущие и скребковые орудия, а также примитивные виды оружия. Эти предметы получили название

«эолитов» (протокамней). В Европе нет ни костей, ни других останков изготовлявшего их существа, только сами предметы. Скорее всего, это была не человекообразная, но очень сообразительная обезьяна. На Яве в отложениях этого периода были найдены часть черепа, несколько зубов и костей обезьяночеловека с черепной коробкой значительно большей, чем у любой из ныне живущих человекообразных обезьян. По-видимому, это существо было прямоходящим. Его называли *Pithecanthropus erectus* — ходячий обезьяночеловек. Для того чтобы представить, как выглядели эти создатели эолитов, в нашем

распоряжении имеется всего-навсего горстка окаменелостей.

Только переходя к песчаным отложениям четверть-миллионной давности, мы находим другие останки гоминид. Вместе с ними появляется множество орудий, которые по мере приближения к нам становятся все более совершенными. Это уже не грубоотесанные эолиты, а хорошо сработанные орудия, изготовление которых требовало немалого мастерства. Они намного больше сходных предметов, вышедших позднее из рук настоящих людей. Из песчаного карьера под Гейдельбергом была извлечена антропоморфная челюстная кость,

совершенно лишенная подбородка, значительно более тяжелая и узкая, чем у настоящего человека. Маловероятно, чтобы язык этого существа мог издавать членораздельные звуки. По размерам челюсти ученые предполагают, что ее обладателем было крупное человекоподобное существо с длинными конечностями и, возможно, с густым шерстяным покровом. Его называли гейдельбергским человеком.

По-моему, эта челюсть — одна из самых мучительных загадок для человеческой любознательности. Когда смотришь на нее, как будто видишь через мутное стекло

расплывшееся изображение кого-то, ковыляющего среди мрачного ландшафта и спасающегося от саблезубого тигра и волосатого носорога. Мы не успеваем рассмотреть это уродливое существо, как оно вдруг исчезает, хотя земля обильно усеяна вытесанными им для своих нужд орудиями.

Еще более завораживающая загадка — останки, найденные в Пилтдауне (Сассекс) в слоях, относящихся к периоду между ста и ста пятьюдесятью тысячами лет назад (некоторые ученые считают, что эта находка старше гейдельбергской челюсти). Это части гоминоидного черепа, значительно

большого, чем у современных человекообразных обезьян, шимпанзеподобная челюсть, а также дубинообразная кость слона, тщательно выделанная и с просверленным отверстием, и бедренная кость оленя с насечками, наподобие счетной дощечки.

Что за животное могло высверливать дырки в костях?

Ученые называли его эоантропос, проточеловек. Он стоит совершенно особняком — и от гейдельбергского существа, и от современных человекообразных обезьян. Нам не известны какие-либо другие подобные останки^[5], однако отложения, начиная со

стотысячелетней давности, все более богаты кремневыми и каменными орудиями. Это уже не грубо обтесанные «эолиты». Археологи различают среди них скребки, сверла, ножи, наконечники стрел, метательные снаряды, ручные топоры...

Мы все ближе и ближе подходим к человеку. В следующей главе речь пойдет о самых загадочных из наших — предшественников — неандертальцах, которые были, хотя и не полностью, настоящими людьми.

Следует совершенно определенно сказать, что никто из ученых не считает ни

гейдельбергского человека, ни *Eoanthropus* 'а непосредственными предшественниками современных людей. Это всего лишь ближайшие из родственных нам видов.

II. НЕАНДЕРТАЛЬСКИЙ ЧЕЛОВЕК И РОДЕЗИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Около пятидесяти-шестидесяти тысяч лет назад, еще до апогея Четвертого ледникового периода, на Земле жили существа, настолько похожие на людей, что их останки до недавних пор считались человеческими. Найдены их черепа и кости и большое количество изготовлявшихся ими орудий. Эти

существа знали, как разводить огонь, скрывались от холода в пещерах и умели грубо обрабатывать шкуры животных. Как и человек, они были праворукими.

И все-таки этнологи утверждают, что их нельзя считать настоящими людьми. Это другой вид одного и того же рода. У них были тяжелые выступающие челюсти, очень низкий лоб и большие надбровные дуги. В противоположность людям, большой палец не отстоял у них от остальных; шея не могла повернуться так, чтобы голова смотрела назад или вверх. Возможно, они ходили согнувшись, опустив и вытянув вперед голову. Их

бес-подбородные челюсти похожи на гейдельбергские и совершенно не напоминают человеческие. Сильно отличается и устройство зубов. Заднекоренные более сложны по своей структуре и короче наших. Нет явно выраженных клыков. Объем черепа почти такой же, как у современного человека, но мозг сосредоточивался в основном сзади, по причине низкого лба. Иными были и умственные способности, что и не позволяет считать их предками человека. И умственно, и физически они принадлежали к другой ветви эволюции.

Череп и кости этого вымершего вида протолюдей были найдены в

Неандертале и других местах, и он получил название неандертальского человека, или неандертальца. В Европе неандертальцы существовали, вероятно, много сотен и даже тысяч лет.

Тогдашний климат и строение земной поверхности сильно отличались от современных. Европа была покрыта льдами вплоть до Темзы, Центральной Германии и России. Британия не отделялась проливом от Франции; Средиземное и Красное моря представляли собой обширные долины, возможно, с цепью озер в самых низких местах. Огромное водное пространство тянулось от Черного моря через юг

России далеко в Центральную Азию. Испания и не занятая ледником часть Европы представляли собой мрачные нагорья с более суровым климатом, чем сейчас на Лабрадоре. Умеренные температуры удерживались только в Северной Африке. По холодным степям Южной Европы кочевали мамонты, волосатые носороги, быки и северные олени. Они мигрировали вслед за скудной арктической растительностью, весной на север, осенью на юг.

Там же в поисках пищи бродили неандертальцы, отыскивая мелкую дичь, плоды, ягоды и корни. Возможно, они были вегетарианцами, о чем

свидетельствуют хорошо развитые зубы. В пещерах находят, впрочем, и длинные кости животных, расколотые для извлечения костного мозга. Для схватки с крупными зверями оружие неандертальцев было непригодно, но вполне возможно, что они охотились с копьями на речных переправах и умели даже сооружать волчьи ямы. Вероятно, эти люди шли вслед за стадами и подбирали убитых животных или, подобно шакалам, питались объедками от добычи саблезубых тигров. Возможно, после долгих веков вегетарианства в суровых условиях ледниковой эпохи они начали приучаться к охоте.

Нам очень трудно представить, как выглядел неандерталец. Быть может, он был весь покрыт волосами и совершенно не походил на человека. Неизвестно и как он ходил — выпрямившись или помогая себе руками. Скорее всего, неандертальцы кочевали поодиночке или семьями. Исходя из строения челюсти, они вряд ли могли говорить (в нашем понимании этого слова).

На протяжении тысяч лет неандертальцы были самыми высокоразвитыми существами в Европе. Но около тридцати—тридцати пяти тысяч лет назад климат потеплел, и с юга вторглась другая, родственная им раса более

сообразительных, более умелых, обладавших речью и способных к совместному действию людей. Они вытеснили неандертальцев из пещер и других мест обитания. Они добывали ту же самую пищу и, возможно, вели войну со своими дикими предшественниками и истребляли их. Пришельцы с юга или востока (их прародина пока еще неизвестна), полностью уничтожившие неандертальцев, были нашими ближайшими кровными родственниками и, следовательно, первыми настоящими людьми. Они имели такие же, как мы, черепные коробки, большие пальцы, шеи и зубы. В пещерах Кро-Маньона и

Гримальди было найдено несколько скелетов, представляющих собой останки самых древних настоящих людей.

Так появляется наша раса и начинается история человечества.

Именно тогда мир постепенно становится похожим на наш. Климат остается еще суровым, но европейские ледники отступают, и по мере усиления травяного покрова огромные стада лошадей вытесняют на территории Франции и Испании северного оленя. В Южной Европе мамонт встречается все реже и реже и в конце концов отступает на север...

Мы не знаем, откуда произошли

первые настоящие люди. Летом 1921 г. около Брокен-Хилла в Южной Африке был найден чрезвычайно интересный череп и части скелета, которые, похоже, являются останками человекообразных существ третьей разновидности, промежуточной по своим свойствам между неандертальцем и настоящим человеком. В противоположность неандертальцу черепная коробка свидетельствует о большем объеме передней части мозга по сравнению с задней. Череп насажен прямо на позвоночник, как у человека. Вполне человеческими являются зубы и другие кости. Однако лицо, скорее всего, обезьяноподобное с

огромными надбровными дугами и гребнем посреди черепа По всей видимости, этот родезийский человек еще ближе к нам, чем неандерталец.

Возможно, он занимает второе место в длинном списке найденных останков протолюдей, живших на Земле в течение очень долгого периода между началом Ледниковой эпохи и появлением общего наследника, то есть Настоящего Человека, который, скорее всего, и уничтожил всех своих предшественников.

Вполне вероятно, что родезийский человек не такой и древний. Ко времени публикации

этой книги его возраст еще не был точно определен. Не исключено, что он обитал в Южной Африке незадолго до нашего времени^[6].

III. ПЕРВЫЕ НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

Древнейшие из известных следов родственного нам человека были найдены в Западной Европе, главным образом во Франции и Испании: кости, оружие, насечки на камнях и костях, фрагменты резных фигурок, живопись в пещерах и на скалах. Они датируются тридцатью тысячами лет и старше. В настоящее время самой богатой по такого рода находкам является Испания.

Конечно, это лишь начало того,

что можно ожидать в будущем, когда завершатся обширные исследования всех вероятных для находок мест, которые остаются пока недоступными. На большей части Африки и Азии до сих пор не ступала нога ученого, и поэтому не следует спешить с выводами о том, что первые настоящие люди были обитателями Западной Европы.

В Азии и Африке и даже на дне моря могут находиться древние останки человека современного типа, относящиеся к значительно более раннему периоду по сравнению с уже найденными. Я не упоминаю здесь об Америке, поскольку до сих пор там (не считая

одного зуба) не было найдено следов ни высших приматов, ни больших человекообразных обезьян, ни гоминид или неандертальцев, ни древнейших настоящих людей. Судя по всему, эта ветвь эволюции сосредоточилась исключительно в Старом Свете. По-видимому, только в конце Древнего Каменного века человек перешел на американский континент по перемычке, существовавшей на месте Берингова пролива

Первые настоящие люди принадлежали, вероятно, к трем сильно отличающимся друг от друга расам. Одни представляли собой весьма развитый тип: высокорослые,

с большим мозгом. Найдены, например, женский череп, превышающий средний объем у современного человека, и скелет мужчины высотой в шесть футов. По физическому типу они напоминают северо-американских индейцев. Этих людей называли кроманьонцами, по пещере Кро-Маньон, где были обнаружены их скелеты. Конечно, они были дикарями, но на высокой ступени развития. Другой тип — из пещеры Гримальди — обладает явно выраженными негроидными чертами. Их ближайшие из ныне существующих свойственников — бушмены и готтентоты Южной Африки. Примечательно, что уже в

самом начале известной нам истории человечество было разделено по крайней мере на два основных типа. Возникает искушение предположить, хотя и без каких-либо оснований, что один тип отличался рыжеватой внешностью и явился с Севера или Востока, а второй был черным и пришел с экваториального Юга

Эти жившие сорок тысяч лет назад дикари обладали вполне человеческими качествами — нанизывали раковины в ожерелье; раскрашивали свои тела; вырезали и процарапывали изображения, используя камни и кости; расписывали пещеры и скалы грубыми, но нередко талантливыми

рисунками. Они изготавливали самые разнообразные орудия, меньшие по размеру, но гораздо более сложные, чем у неандертальцев. В музеях уже собрано немало таких орудий, а также статуэток, рисунков на камнях и т. п.

Самые древние из этих людей были охотниками, преимущественно на диких лошадей (маленьких пони) и бизонов. Им известны были и мамонты, от них остались поразительные рисунки мамонтов. Если верить одному не совсем разборчивому изображению, они устраивали ловушки на мамонтов и убивали их.

Охотились они с помощью

копий и камней. По всей видимости, луков у них не было, и вряд ли они умели приручать животных, в том числе собак. Найдена резная голова лошади и несколько рисунков, на которых угадывается уздечка. Но тогдашние маленькие лошади не могли удержать на себе человека. И вряд ли они научились употреблять в пищу такой неестественный для людей продукт, как молоко животных.

Похоже, что они не сооружали еще никаких строений, хотя у них могли быть шатры из шкур. Среди находок встречаются глиняные фигурки, но нет посуды, и потому приготовление пищи было, вероятно,

весьма примитивным или вообще отсутствовало. Не знали они и земледелия, не умели плести корзины и выделывать ткани. Если не считать одежды из шкур, это были дикари с раскрашенными телами.

На протяжении, вероятно, ста веков эти древнейшие из известных нам людей охотились в степях и на равнинах Европы, а потом стали медленно изменяться и мигрировать из-за перемены климата, который становился все более влажным и мягким. Северный олень отступал к северу и востоку, а вслед за ним бизоны и дикие лошади, которых сменил олень благородный. В связи с новыми условиями жизни изменился

и характер орудий. Очень важную роль стало играть рыболовство на реках и озерах, для него появилось множество сложных приспособлений. Как пишет де Мортилье^[7], «костяные иглы того времени гораздо совершеннее более поздних, использовавшихся вплоть до эпохи Возрождения. У римлян, например, не было ничего подобного».

Двенадцать — пятнадцать тысяч лет назад на юге Испании появился новый народ, увековечивший себя в замечательных наскальных рисунках и названный по пещере Мас д'Азиль азийцами. У них уже был лук, и, судя по всему, они носили на голове

украшения из перьев. Их выразительные рисунки отличались своеобразным символизмом (человек, например, изображался несколькими мазками — вертикальным и двумя-тремя поперечными), что свидетельствует о зарождении идеи письменности. Рядом со сценами охоты нанесены какие-то метки, похожие на счетные засечки. Один рисунок изображает двух людей, выкуривающих из дупла пчел.

Это последние из палеолитических людей (т. е. относящихся к Древнему Каменному веку), называемых так потому, что они делали орудия путем

скалывания. Десять — двенадцать тысяч лет назад в Европе затеплилась жизнь нового вида — люди научились не только скалывать камни, но и полировать и заострять их. С этого начинается цивилизация, иначе говоря, Неолит (Новый Каменный век).

Интересно, что менее столетия назад в самой отдаленной части света, в Тасмании, существовала раса людей с более низким физическим и умственным развитием, чем любая из древнейших человеческих рас, оставивших свои следы в Европе. По причине географических изменений тасманийцы очень давно были отрезаны от остальных видов

человека и, не имея достаточных стимулов, совершенно не прогрессировали, а возможно, и вырождались. Когда их обнаружили европейцы, они существовали, питаясь моллюсками и мелкой дичью, не устраивая себе постоянных жилищ и обитая в норах. По своей видовой принадлежности это были такие же люди, как и мы, но они не обладали ни навыками ручного труда, ни художественными способностями, присущими первым настоящим людям.

IV. ПЕРВОБЫТНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Зададимся теперь весьма интересным вопросом: что значило быть человеком в отдаленные времена, в самом начале человечества? Как и о чем думали люди, чья жизнь заключалась в охоте и постоянном передвижении с места на место? Никаких письменных свидетельств об этом нет, и нам остается только, основываясь на логических построениях, гадать, чтобы получить хоть какие-то ответы.

Пытаясь реконструировать

первобытное мышление, ученые обращались к самым разным источникам. Новейшие достижения психоанализа, исследующего процессы, посредством которых ограничиваются и преодолеваются эгоистические и эмоциональные побуждения ребенка во имя согласования их с общественной жизнью, в немалой степени объясняют историю первобытного общества. Другой плодотворный источник — исследование понятий, представлений и обычаев у существующих до сих пор диких племен. Кроме того, имеются, так сказать, окаменелости мыслительного процесса в

фольклоре и глубинно-иррациональных предрассудках и суевериях, свойственных даже современным цивилизованным людям. Наконец, по мере приближения к нашей эпохе, появляется нарастающий поток картин, рисунков, статуй, резных изображений, символов и т. п., которые показывают, что именно люди считали заслуживающим внимания, а следовательно, и изображения.

Возможно, мышление первобытного человека было таким же, как у ребенка, то есть представляло собой последовательный ряд воображаемых

картин. Он вызывал в своем уме образы (или образы сами представлялись ему) и действовал в зависимости от возникающих при этом эмоций. По-видимому, логическое мышление — сравнительно позднее достижение человечества, оно стало играть заметную роль только в последние 3000 лет. Но и теперь те, кто мыслит упорядоченными категориями, составляют незначительное меньшинство — практически весь мир живет воображением и страстями.

Возможно, на заре истинно человеческой истории сообщества людей представляли собой

небольшие родовые группы. Подобно тому, как стада и стаи первых млекопитающих возникли из членов одной семьи, так же, вероятно, было и у древнейших племен. Но при этом требовалось как-то ограничить природный эгоизм каждой особи (например, посредством страха перед отцом и уважения к матери), а также смягчить естественную зависть стариков к молодежи. С другой стороны, мать по самой своей природе была советчицей и защитницей молодых и беспомощных. Общественная жизнь человека выросла из противостояния почти физиологического стремления молодых покидать племя для

спаривания и опасности полной изоляции. Талантливый антрополог Дж. Аткинсон^[8] в своей книге «Первобытный закон» («Primal Law») показал, насколько обычный закон дикарей, *Tabus*^[9], связан с необходимостью приспособить нужды первобытного человека-животного к развивающейся общественной жизни. Психоаналитики во многом подтвердили его гипотезы.

Некоторые авторы хотели бы убедить нас, что уважение к старикам и страх перед ними, а также эмоциональное восприятие женщины-защитницы, гипертрофированно отображаясь в

сновидениях и обогащенное игрой фантазии, послужило основой для первобытной религии и возникновения представлений о богах и богинях. Наряду с почитанием сильных и полезных личностей возникали страх и поклонение, связанные с их появлением после смерти в сновидениях. Нетрудно было поверить, что они не умерли, а каким-то фантастическим образом переселились в некий могущественный мир.

Сны, воображение и страхи у ребенка значительно ярче и реальнее, чем у современного взрослого человека. Ребенок ближе к

животным, и ему легче представить, что у них такие же чувства и побуждения, как у него. Он может вообразить животных-помощников, животных-врагов, животных-богов. Только тот, кто обладал в детстве богатой фантазией, может понять, насколько важными и значительными, зловещими и дружественными могли представляться человеку Древнего Каменного века причудливого вида скалы, необычной формы деревья и т. п. Сновидения и фантазия могли рождать рассказы и легенды о них, которым верили и запоминали, передавая из уст в уста. Женщины пересказывали их детям, таким

образом возникла устная традиция. Впечатлительные дети и сегодня придумывают длинные истории про своих любимых кукол, животных и даже каких-то фантастических полулюдей. Возможно, то же самое было свойственно и первобытному человеку, но с еще большим желанием поверить в реальность своего вымысла. К тому же первые из известных нам настоящих людей отличались большой словоохотливостью по сравнению с неандертальцами, которые, возможно, были просто немymi животными. Впрочем, первобытная речь, скорее всего, представляла собой скудный набор наименований,

восполнявшийся языком жестов и знаков.

Не существует таких дикарей, которые хотя бы в какой-то мере не понимали причинно-следственных связей. Но первобытный человек плохо разбирался в них; он довольно неразборчиво находил причины являвшихся ему следствий. «Ты делаешь то-то, — говорил он, — и тогда происходит то-то». Даешь ребенку такую-то ягоду, и он умирает. Съедаешь сердце храброго врага, и сам становишься сильнее. Вот примеры двух типов причинно-следственной связи — истинного и ложного. Свойственные дикарям причинно-следственные связи

называют фетишизмом; но для них фетиш — это своеобразная наука. От современной науки она отличается полным отсутствием системы и критического подхода, а потому гораздо чаще ее помощь оказывается ложной.

Во многих случаях было не так уж трудно связать причину со следствием, и благодаря опыту многие неверные представления постепенно менялись. Но огромное количество важных для первобытного человека проблем заставляло его упорно отыскивать причины, впадая при этом в заблуждения, которые не так-то легко обнаруживались. Очень

важным для него было обилие дичи и рыбы, и, несомненно, он прибегал в их поисках к колдовству, заклинаниям и предсказаниям. Другие важные стороны существования касались жизни и смерти. Время от времени людей без какой-либо видимой причины губили инфекции, что порождало лихорадочные сновидения и фантастические догадки: за это винили что-то или кого-то либо обращались к помощи какого-то человека, зверя или неодушевленного предмета.

В маленьких племенах с древнейших времен появлялись более последовательные умы, хотя и

разделявшие общие страхи и представления, однако ставшие теми, кто советует, предписывает и командует. Одно они объявляли вредным, другое — необходимым; это почитали добрым предзнаменованием, а то — зловещим. Врачеватели и толкователи фетишей стали первыми жрецами. Они увещевали и заклинали, предсказывали и исполняли такие трюки, которые приносили удачу и отвращали несчастье. Религия первобытного человека не соответствовала нашим представлениям об истинной религии как соблюдении заповедей и исполнении добрых дел.

Первобытные жрецы диктовали то, что для людей оказывалось простейшей практической наукой.

V. НАЧАЛО РАСТЕНИЕВОДСТВА

Мы почти ничего не знаем о начале растениеводства и о переходе людей к оседлому образу жизни, хотя за последние пятьдесят лет этому было посвящено немало исследований и теорий. Пока можно разве что сказать, что между 15 000 и 12 000 лет до нашей эры, когда на юге Испании жили азийцы, а потомки более древних охотников кочевали на север и восток, где-то в Северной Африке, Западной Азии или на той великой средиземноморской низменности,

которая скрыта теперь под водой, существовали люди, из века в век занимавшиеся двумя важнейшими делами: выращиванием злаков и приручением животных. В дополнение к рубилам, употреблявшимся их предками-охотниками, она начали полировать свои каменные орудия. Они плели корзины, выделяли ткани из растительных волокон и изготавливали грубую глиняную посуду.

Люди вступали в новую фазу развития культуры — неолит (Новый Каменный век), названный так в отличие от палеолита (Древнего Каменного века), когда жили

кроманьонцы, гримальдийцы, ази́льцы и им подобные^[10]. Медленно и постепенно неолитические племена начали занимать области с теплым климатом. Изобретенные ими ремесла, употребление растений и приручение животных распространились путем подражания и заимствования на более обширные пространства. За 10 000 лет до нашей эры большая часть человечества уже достигла неолитического уровня. Для современного человека следующими, вполне логичными шагами в развитии были бы: вспахивание земли, посев, сбор урожая, помол зерна. А разве может быть как-то

иначе? — спросили бы мы. Но 20 000 лет назад для первобытного человека элементарные с нашей точки зрения рассуждения были отнюдь не очевидны. Свой путь к успешной деятельности он нащупывал путем бесчисленных проб и ошибок, с фантастическими и бесполезными ухищрениями и ложными выводами. Где-то в Средиземноморье росла дикая пшеница, и люди могли догадаться, что эти зерна следует толочь и растирать для еды. Иначе говоря, они сначала научились собирать урожай и только потом засеивать землю.

Примечательно то, что всюду, где сеют семена и собирают урожай,

до сих пор сохраняются остатки понятий о связи посева с кровавыми жертвоприношениями, прежде всего человеческими. Для

любопытного ума переплетение этих двух явлений может оказаться в высшей степени привлекательным, что и было продемонстрировано в монументальном труде Дж. Фрезера «Золотая ветвь»^[11]. Следует помнить, что это переплетение возникло в детском, мечтательном и мифологизированном уме первобытного человека, и никакие логические построения не могут его объяснить. 12—20 тысяч лет назад наступление времени посева связывалось с человеческой жертвой.

Для такой жертвы необходим был не какой-то изгой, преступник или даже обыкновенный человек, а девушка или чаще юноша из высшего круга, к которым до самого последнего момента относились с глубочайшим почтением и даже поклонением. Они были чем-то вроде жертвенных царей-богов, и весь ритуал их умерщвления строго определялся старейшинами и был освящен вековым опытом.

Вначале первобытным людям, лишь приблизительно представлявшим себе смену времен года, было, вероятно, непросто определить правильный срок посева и связанных с ним

жертвоприношений. Вполне возможно, что на ранней стадии развития они не имели понятия о годовом цикле. Первая хронология основывалась на лунных месяцах; предполагают, что возраст библейских патриархов исчислялся в лунных периодах. В вавилонском календаре прослеживается попытка определить время посева по циклу из тринадцати лунных месяцев. Использование лунного календаря дошло и до наших дней. Если бы привычка не притупила наше восприятие, нам показалось бы довольно странным, что церковь связывает распятие и воскресение Христа с лунными фазами.

Сомнительно, чтобы
первобытные земледельцы
наблюдали за звездами. Скорее,
первыми здесь были скотоводы-
кочевники, которым необходимо
было удобное средство для
ориентации в пространстве. Но как
только люди научились определять
времена года по звездам, их новые
знания в сильнейшей степени
повлияли на земледелие. Время
посевных жертвоприношений стали
связывать с южным или северным
положением некоей яркой звезды.
Следовательно, мифическое
восприятие этой звезды и
поклонение ей было для
первобытного человека почти

неизбежным.

Нетрудно понять, сколь важное положение в раннем неолитическом обществе занимал тот, кто обладал познаниями и опытом, относившимся к звездам и жертвоприношениям.

Страх людей перед нечистотой и загрязнением и потребность в очищении также являлись источниками власти, и поэтому всегда появлялись ведьмы и колдуны, жрицы и жрецы. Но древний жрец занимался не столько религией, сколько прикладной наукой. Его знания основывались на опыте, хотя нередко бывали недостаточными и даже ложными. Он ревниво хранил

их в тайне, но это не меняет того факта, что именно знания и их практическое использование были его главным предназначением.

Двенадцать-пятнадцать тысяч лет назад во всех теплых и достаточно орошаемых частях Старого Света стали распространяться такого рода сообщества людей неолитического типа с традиционным классом жрецов и жриц, возделываемыми полями, деревнями и небольшими городами, огражденными стенами. Между этими сообществами происходил постоянный обмен знаниями. Элиот Смит и Риверс называли культуру первых

земледельцев «гелиолитической» («солнечно-каменной»); возможно, это и не самое удачное слово, но мы будем употреблять его, пока ученые не придумают какое-нибудь другое. Зародившись где-то в Средиземноморье и Западной Азии, гелиолитическая культура век за веком распространялась на восток, а также от острова к острову по всему Тихому океану, пока не достигла Америки, где смешалась с более примитивными формами жизни монголоидных мигрантов, пришедших с севера.

Где бы ни появлялись люди гелиолитической культуры, они приносили с собой новые понятия и

навыки. Некоторые из их идей настолько эксцентричны, что требуют объяснений психолога. Например, они строили пирамиды и насыпали огромные курганы; выкладывали колоссальные круги из камней, возможно, для облегчения астрономических наблюдений; превращали в мумии некоторых и даже всех своих умерших; украшали себя татуировкой и практиковали обрезание; придерживались древнего обычая *кувада*, когда отец ложился в постель к своему новорожденному младенцу; наконец, символом удачи у них считалась хорошо известная нам свастика.

Если на карте мира точками

отметить те места, где сохранились следы этих обычаев, получится прибрежный пояс от зоны умеренного климата до субтропиков, от Стоунхенджа^[12] и Испании до Мексики и Перу. В экваториальной Африке, на севере Центральной Европы и в Северной Азии нет ничего подобного: там обитали расы, которые развивались совершенно по-другому.

VI. ПЕРВОБЫТНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ НЕОЛИТА

За 10 000 лет до нашей эры географическое строение Земли в общих чертах было похоже на современное. Вероятно, именно в это время океанские воды прорвали тот перешеек, где теперь находится Гибралтарский пролив, и на месте бывшей низменности образовалось Средиземное море, примерно в тех же берегах, что и сегодня. Возможно,

более обширным был тогда Каспий, который мог соединяться с Черным морем севернее Кавказских гор. Вокруг этого Центрально-Азиатского моря, на месте нынешних степей и пустынь, простирались плодородные и уже заселенные земли. В общем, мир тогда был более влажным и изобильным; в европейской России преобладали болота и озера, а Азия и Америка на месте Берингова пролива соединялись перешейком. К этому времени уже сформировались современные главные расы. Теплые области тогдашнего жаркого и лесистого мира населяли смуглые народы гелиолитической культуры, предки нынешних обитателей

Средиземноморья: берберов, египтян и большинства жителей Южной и Восточной Азии. Конечно, в пределах этой великой расы имелось немало разновидностей: иберийская или средиземноморская раса на побережье Атлантики и Средиземного моря; «хамитские» народы, к которым относятся берберы и египтяне; темнокожие жители Индии — дравиды; многие из населяющих Восточную Индию племен; полинезийские расы, а также маори из Новой Зеландии. Западные разновидности оказались светлее восточных. В лесах Центральной и Северной Европы появился светлый тип людей с

голубыми глазами, которых теперь многие называют нордической расой. На просторах Северо-Восточной Азии расселились монголоидные народы — иная разновидность смуглого человека — с раскосыми глазами, широкими скулами, желтоватой кожей и прямыми черными волосами. В Южной Африке, Австралии, на тропических островах Южной Азии сохранялась древняя негроидная раса. Зато Центральная Африка стала областью расового смешения: почти все современные цветные африканские народы являются, вероятно, результатом смешения смуглого северного типа с

негроидным субстратом.

Следует помнить, что человеческие расы могут свободно смешиваться, расходиться и соединяться, подобно облакам на ветру, а не ветвям деревьев, которые никогда не сходятся друг с другом. Это надо постоянно учитывать, чтобы не впасть в жестокие разочарования и предрассудки. Люди употребляют слово «раса» слишком свободно и основывают на нем самые невероятные обобщения. Говорят, например, о «британской» или «европейской» расе. Однако почти все народы Европы представляют собой сложное смешение смуглых, темнобелых,

белых и монголоидных черт.

Именно в неолите люди монгольского происхождения перешли в Америку, по-видимому, через Берингов пролив, и двинулись далее в южном направлении. На севере они встретились с канадским оленем, на юге — с бесчисленными стадами бизонов. Достигнув Южной Америки, они застали там глиптодонт (гигантских броненосцев) и мегатериев (неповоротливых ленивцев величиною со слона). Последних пришельцы, вероятно, истребили, так как те были столь же беззащитны, сколь и огромны.

Большая часть американских

племен так и не поднялась выше кочевой жизни, присущей эпохе неолита. Они не знали железа и использовали преимущественно самородное золото и медь. Впрочем, в Мексике, Юкатане и Перу условия оказались благоприятными для оседлого земледелия, и здесь около 1000 г. н. э. возникли цивилизации, в чем-то похожие (но по своему типу отличные) на более ранние первобытные цивилизации Старого Света. Здесь также широко практиковалось принесение человеческих жертв во время сева и жатвы. Но если, как мы увидим, в Старом Свете эти обычаи отмирали и уступали место новым, в Америке

они развивались и невероятно усложнялись. Цивилизованными странами Америки правили жрецы, которые, как и военные вожди, сами подчинялись жестоким законам.

В астрономической науке жрецы достигли очень глубоких познаний, например, определяли продолжительность года точнее, чем вавилоняне. В Юкатане была создана изощренная и своеобразная письменность, так называемое письмо майя. Частичная расшифровка показала, что ее использовали главным образом для ведения точных и сложных календарей. Искусство майя достигло вершины около 700—800 г.

н. э. Их скульптуры поражают современного зрителя невероятной пластической выразительностью, а часто и красотой, но в то же время ошеломляют гротесковой фантастикой воображения и традицией какого-то безумия, выходящего за пределы нашего понимания. В Старом Свете нет ничего подобного. Очень отдаленное сходство можно уловить в работах первобытных индийских резчиков. И тут, и там мы видим переплетающиеся перья и свивающихся змей. Многие надписи майя напоминают рисунки пациентов европейских психиатрических клиник, словно их

мышление развивалось в направлении, не только отличном от Старого Света, но, по нашим понятиям, совершенно иррациональном.

Предположение о всеобщей умственной «сдвинутости» этих американских народов находит свое подтверждение в их маниакальной приверженности к пролитию человеческой крови. Особенно отличалась этим мексиканская цивилизация, где жрецы вспарывали грудь еще живым жертвам и вырывали из нее бьющееся сердце. Общественная жизнь и народные празднества концентрировались вокруг этих фантастически-

ужасающих действ.

Повседневное существование простых людей в таких обществах соответствовало тому, что мы видим у других земледельцев на стадии варварства. Они хорошо делали посуду, ткали и красили ткани. Письмена майя не только вырезались на камне, но и наносились цветными красками на шкуры и другие материалы. В музеях Европы и Америки хранится немало загадочных рукописей, почти не прочитанных, за исключением упомянутых в них дат. Похожая письменность зарождалась и в Перу, но была вытеснена совершенно другим способом — завязыванием

узелков на веревках. Нечто подобное употребляли китайцы тысячи лет назад.

В Старом Свете четыре-пять тысяч лет назад существовали подобные первобытные цивилизации. Основой их служило святилище с многочисленными кровавыми жертвоприношениями и жрецами — искушенными астрономами. Но в Старом Свете цивилизации взаимодействовали друг с другом, и их развитие привело к образованию современного мира, а американские цивилизации так и не покинули первобытного состояния, поскольку каждая из них замыкалась в своем маленьком мирке. По всей

видимости, до появления европейцев Мексика ничего не знала о Перу: например, главный продукт питания перуанцев — картофель — был там совершенно неизвестен.

Век за веком эти народы поклонялись своим богам, жрецы совершенствовали календарь и ритуалы жертвоприношений, но во всем остальном практически ничего не менялось.

VII. ШУМЕР, ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ И ПИСЬМЕННОСТЬ

Старый Свет обширнее и разнообразнее Нового. За 6000—7000 лет до нашей эры здесь в плодородных областях Азии и в долине Нила появились полудивилизованные сообщества, достигшие почти перуанского уровня. Тогда Северный Иран, Западный Туркестан и Южная Аравия были значительно

плодороднее, чем теперь, там сохранились следы очень древних поселений. Однако первые города, храмы, регулярное орошение и общественная жизнь, значительно более развитая, чем в первобытной деревне, появились в Нижней Месопотамии и Египте. Тогда Евфрат и Тигр впадали в Персидский залив порознь, и в этом междуречье шумеры построили свои первые города. Около того же времени (хронология весьма туманна) началась и великая история Египта.

Шумеры, по всей видимости, были людьми с коричневатой кожей и большими носами. Их письмена расшифрованы, теперь шумерский

язык нам понятен. Они открыли употребление бронзы и строили высокие башнеподобные храмы из обожженных на солнце кирпичей. Для письма также использовали глину, благодаря чему надписи хорошо сохранились. У шумер имелся крупный рогатый скот, овцы, козы, ослы, но лошадей не было. Они сражались пешими в сомкнутом строю, вооруженные копьями и щитами из шкур. Для одежды употреблялась шерсть, головы принято было брить наголо.

Как можно предположить, каждый шумерский город являлся независимым государством со своим божеством и своими жрецами.

Иногда один из них подчинял себе другие и брал с них дань. Однако очень древняя надпись из Ниппура свидетельствует о существовании первого из известных нам «царств» в шумерском городе Уруке. Божество и царь-жрец этого города провозглашали свою власть от Персидского залива до Красного моря.

Сначала шумерская письменность представляла собой упрощенные картинки. Люди начали писать еще в донеолитические времена, о чем свидетельствуют наскальные рисунки Азильской пещеры, где запечатлены походы и сцены охоты, причем человеческие

фигуры в большинстве случаев отчетливо прорисованы. Но иногда художник не утруждал себя изображением головы, рук и ног — он обозначал людей вертикальной чертой, пересеченной одной или двумя горизонтальными.

Отсюда нетрудно было перейти к упрощенному рисуночному письму. В Шумере вдавленные на глине письмена уже ничем не напоминали те предметы, которые они обозначали. По форме деревянных штампов, оставлявших клинообразные отпечатки, шумерское письмо называется клинописью.

Существенный шаг к

письменности был сделан тогда, когда рисунки стали использовать для представления подобных друг другу по звучанию предметов. Это сохранилось и сейчас в детских ребусах. Разглядывая изображение палаточного лагеря (camp) и колокола (bell), ребенок с восторгом догадывается, что они обозначают шотландскую фамилию Кэмпбелл. Шумерский язык был многословным, подобно некоторым языкам современных индейцев, и прекрасно поддавался такого рода слоговой записи слов. Сходным образом развивалась и египетская письменность. Позднее, когда народы с менее выраженной

силлабической речью стали использовать пиктографию, они внесли изменения и упрощения, которые в конечном счете привели к алфавитному письму. Позднейшие алфавиты произошли от смеси шумерской клинописи и египетских иероглифов (жреческого письма). Пиктография появилась и в Китае, но там она так и не перешла в алфавитную форму.

Изобретение письменности было величайшим изобретением человечества. Она сохраняла договоры, законы и заповеди. Благодаря ей стал возможен рост государств. Она создала историческую память. Повеление

жреца или царя с его печатью действует дальше пределов видимого и слышимого и сохраняется после его смерти. Интересно, что в древнем Шумере широко использовались печати, зачастую весьма искусно вырезанные. Царь, вельможа или купец оттискивал свою печать на глиняных документах в подтверждение их подлинности. Вот как близка была 6000 лет тому назад шумерская цивилизация к книгопечатанию! После оттиска глину высушивали, и она навсегда застывала. Таким образом, в течение бесчисленной череды лет письма, записи и финансовые счета сохранялись в Месопотамии на

практически вечных черепицах, благодаря чему мы и обладаем огромным богатством письменных знаний.

С глубокой древности в Шумере и Египте были известны бронза, медь, золото, серебро и, как драгоценная редкость, метеоритное железо.

Повседневная жизнь в первых египетских и шумерских городах Старого Света была вероятно, очень похожа. Если не считать ослов и коров на улицах, она мало чем отличалась от жизни в городах майя в Америке, возникших на три-четыре тысячи лет позже. Большинство людей в мирное время занимались

орошением и возделыванием земли. Денег не существовало, да в них не было и нужды. Случавшиеся время от времени торговые сделки производились путем обмена. Цари и правители в случае необходимости использовали для торговли бруски золота и серебра, а также драгоценные камни. Над жизнью господствовал храм. В Шумере это была большая высокая башня, с крыши которой наблюдали за звездами, у египтян — массивное одноэтажное строение. В Шумере главным был жрец-правитель, в Египте правитель стоял выше жрецов, являя собой воплощение верховного божества, и назывался

фараоном, то есть царем-богом.

В мире тех времен происходило мало перемен; дни были наполнены солнечным светом, трудом и обыденностью. Мало кто приезжал из других стран, да и те чувствовали себя на чужбине неуютно. Главный жрец направлял общественную жизнь в соответствии с древними законами, определял по звездам время сева и жертвоприношений и толковал сны. Бывали и милостивые правители, например Пепи II^[13], царствовавший в Египте на протяжении девяноста лет. Иногда фараоны загорались жаждой славы: тогда они забирали у своих подданных сыновей для войны с

соседним городом-государством или для строительства гигантских сооружений. Таковы Хеопс, Хефрен и Микерин, построившие колоссальные гробницы-пирамиды в Гизе. Самая большая из них возвышается на 450 футов и весит 4 883 000 тонн. Все каменные плиты доставлялись по Нилу на лодках, их укрепляли вручную. По всей вероятности, возведение пирамид обессиливало Египет гораздо больше, чем великие войны.

VIII.

ПЕРВОБЫТНЫЕ

КОЧЕВЫЕ

НАРОДЫ

Между шестым и третьим тысячелетиями до нашей эры люди стали заниматься сельским хозяйством и строить города не только в Месопотамии и долине Нила. Везде, где была возможность искусственного орошения и круглогодичных урожаев, они переходили от ненадежной и тяжелой охоты к упорядоченной

повседневной жизни. В верховьях Тигра народ, называемый ассирийцами, строил города; в долинах Малой Азии, на берегах и островах Средиземного моря возникали небольшие сообщества, перераставшие в цивилизации. Вероятно, сходное развитие происходило тогда и в благополучных областях Индии и Китая. Многие озера Европы изобиловали рыбой, и люди издавна селились там на свайных постройках и восполняли недостаточность земледелия рыболовством и охотой. Однако в большей части Старого Света оседлость была невозможна из-за скудных почв, непроходимых лесов,

засушливого и неустойчивого климата

Чтобы поселиться на одном месте, людям первобытных цивилизаций требовалось постоянное орошение, тепло и солнечный свет. Там, где их не было, человек существовал как охотник, преследующий свою добычу, или как скотовод, кочующий в поисках пастбищ. Переход от охоты к скотоводству был постепенным. Преследуя стада дикого скота или диких лошадей (в Азии), люди могли прийти к мысли приручить их и загоняли в долины, где охраняли от волков, диких собак и других хищников.

Таким образом, наряду с цивилизациями земледельцев, главным образом в долинах больших рек, возникал совершенно иной тип жизнедеятельности — кочевой, непрерывное передвижение между зимними и летними пастбищами. Как правило, кочевые народы оказывались более выносливыми по сравнению с земледельцами, но менее плодовитыми и потому не столь многочисленными. Они не строили постоянных храмов и не имели организованного жречества; у них было меньше всяких орудий, из чего не следует, однако, что их жизнь была менее развита. Во многих отношениях свобода кочевников

оказывалась полнее, чем привязанность к земле пахарей. Кочевник в большей мере являлся самостоятельной личностью, а не просто ячейкой толпы. Роль вождя была более важной, а значение жреца не столь существенным.

Перемещаясь по большим пространствам, кочевник более широко воспринимал жизнь. Приближаясь к оседлым поселениям, он привыкал видеть там незнакомые лица. Ему приходилось договариваться с конкурентами о пастбищах. Про минералы он знал больше, чем земледельцы, поскольку преодолевал горные перевалы и скалистые ущелья. Возможно, он

лучше добывал металлы и первым научился выплавлять бронзу и железо. Некоторые древние железные орудия найдены в Центральной Европе вдали от первобытных цивилизаций.

С другой стороны, у оседлых народов были ткани, глиняная посуда и множество других полезных вещей. Неизбежным следствием разделения людей на оседлые и кочевые стали грабеж и обмен. В Шумере, к которому с одной стороны подступала пустыня, а с другой — покрытая растительностью местность, кочевники могли ставить свои шатры неподалеку от возделанных полей и заниматься

обменом и воровством, подобно цыганам нашего времени. Возможно, они предлагали драгоценные камни и предметы из металла и кожи. Охотники приносили шкуры, получая в обмен глиняную посуду, стеклянные изделия, одежду и тому подобное.

В отдаленные времена первых цивилизаций Египта и Шумера существовали три главные области и три вида кочевых и полуседлых народов. Далеко в лесах Европы жили светловолосые нордические племена охотников и скотоводов, находившихся на низком уровне развития. Ранее 1500 г. до н. э. первобытные цивилизации с ними

почти не сталкивались. Еще дальше, в степях Восточной Азии, монгольские племена и гуннские народы уже приручили лошадь и кочевали на огромных пространствах между зимними и летними стойбищами. Вероятно, нордическая и гуннская расы оставались изолированными друг от друга тогдашним великим Каспийским морем, а большая часть современной России была покрыта болотами и озерами. Пустыни Сирии и Аравии становились все суше, и по ним со стадами коз кочевали племена смуглолицых семитов. Семитские пастухи (наряду с негроидами из Персии, эламитами) были первыми

кочевниками, близко
соприкоснувшимися с
первобытными цивилизациями. Они
приходили и торговать, и грабить. В
конце концов у них появились
отважные вожди, и тогда они стали
завоевателями.

Около 2750 г. до н. э. великий семитский вождь Саргон покорил Шумер и стал повелителем мира от Персидского залива до Средиземного моря. Это был неграмотный варвар, и его народ, аккадийцы, научились письму шумеров и переняли их язык в качестве официального и научного. Через два века основанное Саргоном царство распалось, и после еще одного вторжения эламитов в

Шумере возникло государство нового семитского народа — аморитов. Столицей они сделали небольшой город Вавилон, по которому их царство и называется Вавилонским. Около 2100 г. до н. э. в Вавилоне правил царь Хаммурапи, значительно укрепивший свою власть и составивший первый в истории кодекс законов.

Узкая долина Нила не так открыта для вторжений кочевников, как Месопотамия, и однако же во времена Хаммурапи семиты успешно напали на Египет, и там воцарилась династия гиксосов, «царей-пастухов», которая просуществовала несколько столетий. Семитские

завоеватели не смешивались с египтянами, и на них всегда смотрели как на чужеземцев и варваров. В конце концов произошло народное восстание, и гиксосы были изгнаны (около 1600 г. до н. э.). В Шумер семиты пришли навсегда, смешались с коренной расой, и Вавилонское царство по своему характеру и языку стало семитским.

IX. ПЕРВЫЕ МОРЕХОДНЫЕ НАРОДЫ

Первые лодки и суда были изобретены, вероятно, около двадцати пяти — тридцати тысяч лет тому назад. Возможно, человек стал плавать на бревне или на надутой шкуре, и произошло это не позднее неолита. Плетеные лодки, обтянутые шкурами, появились в Египте и Шумере с самых древних времен, и они по сей день используются там, точно так же, как в Ирландии и Уэльсе.

Жители Аляски по-прежнему переплывают Берингов пролив на лодках из моржовых шкур. По мере усовершенствования орудий появились выдолбленные пироги, а затем и настоящие суда.

Возможно, в легенде о Ноевом ковчеге хранится память о каком-то древнем подвиге судостроения, равно как и история о Всемирном потопе, распространенная повсюду, может быть преданием о затоплении Средиземноморского бассейна.

Задолго до пирамид по Красному морю плавали суда, а на Средиземном море и в Персидском заливе они существовала около 7000 лет до нашей эры, главным образом у

рыбаков, но по морю плавали также пираты и торговцы. Зная человеческую природу, можно не сомневаться в том, что там, где могли, первые мореходы грабили, а торговали только тогда, когда к этому вынуждали обстоятельства.

Плавания по внутренним морям с их порывистыми ветрами и многодневными штилями имели лишь вспомогательное значение. Только в последние 400 лет появились парусные суда, пригодные для океана. Корабли древности были исключительно гребными, они не удалялись от берега и спешили укрыться при первых же признаках плохой погоды. По мере того как суда

становились большими галерами, возникла потребность в гребцах, то есть в рабах-военнопленных.

Мы уже отметили появление семитских кочевников в Сирии и Аравии, завоевавших Шумер и основавших Аккадское и Вавилонское царства. Те же семитские племена обратились и к мореплаванию. Они построили вдоль восточного берега Средиземного моря целую сеть городов-гаваней, главными среди которых были Тир и Сидон. Ко времени вавилонского царя Хаммурапи семитские племена распространились в качества торговцев, путешественников и колонизаторов по всему

Средиземноморью. Этих морских семитов называли финикийцами. Они обосновались главным образом в Испании, оттеснив туземных иберийских басков, и даже посылали прибрежные экспедиции за Гибралтар. Финикийцы основали города-колонии и на северном берегу Африки. Об одном из них, Карфагене, нам придется еще говорить.

Однако финикийские мореходы не были первыми, чьи галеры плавали в средиземноморских водах. На островах и берегах этого моря еще раньше существовали города, принадлежавшие расе или расам, связанным по языку и крови с

басками на западе и берберами и египтянами на юге, — так называемые эгейские народы, которые не следует смешивать с греками, появившимися значительно позднее. Эгейцы жили до греков в таких греческих и малоазийских городах, как Микены и Троя, и создали великое процветающее государство в Кносе на острове Крит.

Только в последние пятьдесят лет благодаря упорным археологическим раскопкам мы узнали масштаб эгейской цивилизации. Лучшее всего был исследован Кнос, на месте которого, к счастью, так и не возник другой большой город, что сохранило его

руины. Теперь это главный источник наших знаний о едва не исчезнувшей из нашей памяти цивилизации.

История у Кноса не менее древняя, чем у Египта. Около 4000 лет до нашей эры обе страны вели оживленную морскую торговлю — между эпохами Саргона I и Хаммурапи критская цивилизация достигла своего расцвета.

Кнос был не столько городом, сколько дворцом критского царя. Он не имел укреплений, которые возникли позднее, по мере усиления финикийн и с появлением свирепых греческих пиратов, пришедших с севера.

Царь Крита назывался Миносом,

подобно тому как в Египте его называли фараоном. Минос жил во дворце с водопроводом, банями и прочими удобствами, которые, по нашим сведениям, не были известны нигде во всем Древнем мире. Он устраивал пышные празднества и представления, среди них — бой быков, подобный тому, что существует в Испании, причем имеется определенное сходство с костюмами нынешних тореадоров. Были и гимнастические парады. Одежды женщин по своему духу поразительно напоминают современные моды. Посуда, ткани, скульптура, живопись, драгоценности, мозаики, вещи из

металла нередко удивительно красивы. У критян была своя письменность, которая еще не расшифрована.

Эта процветающая и наполненная солнцем жизнь продолжалась с десятков столетий. Около 2000 г. до н. э. в Кносе и Вавилоне благополучно и, по всей видимости, с немалой приятностью жило множество цивилизованных людей. У них были театральные представления и религиозные праздники, им прислуживали домашние рабы, другие рабы создавали для них богатства. Наверное, жизнь в Кносе на залитых солнцем берегах голубого моря

представлялась надежной и безопасной. Зато Египет являл тогда собой страну, приходящую в упадок под властью полуварварских пастушеских царей. Проникновение семитских народов происходило повсюду: они правили в Египте и в далеком Вавилоне, построили Ниневию на верхнем Тигре, плавали за Геркулесовы Столбы (Гибралтарский пролив) и основывали на этих отдаленных берегах колонии.

В Кносе появились любознательные и деятельные умы — впоследствии греки передавали легенды об искусном критянине Дедале, пытавшемся построить

летательную машину (вероятно, планер), которая разрушилась и упала в море.

Интересно отметить некоторые различия и сходства нашей жизни с жизнью в Кносе. Для критян, живших за 2500 лет до нашей эры, железо было редким металлом, падавшим с неба, и представляло собой любопытную диковинку — они не умели добывать его из руды. Лошадь должна была казаться им мифическим существом, подобием какого-то сверх-осла, обитающего в мрачных северных странах, далеко за Черным морем. Цивилизация в представлении критян сосредотачивалась главным образом

в Эгейской Греции и Малой Азии, у таких же, как они, лидийцев, карийцев и троянцев, говоривших, возможно, на похожем языке. Были еще финикийцы и эгейцы, обосновавшиеся в Испании и Северной Африке, но эти страны казались им слишком далекими. Заросшая непроходимыми лесами Италия оставалась почти безлюдной, туда еще не пришли из Малой Азии смуглокожие этруски. Возможно, однажды критяне увидели светловолосого пленника с голубыми глазами, говорившего на непонятном им языке. Этот человек родился где-то за Черным морем и казался им невежественным дикарем. На самом

же деле это был ариец — человек той расы и культуры, о которой мы еще подробно поговорим, а его непонятная тарабарщина по прошествии времен стала санскритским, персидским, греческим, латинским, немецким, английским и другими основными языками современного мира.

Таким был Кнос в эпоху своего расцвета, когда его населяли умные, предприимчивые и благополучные люди. Но около 1400 г. до н. э. пришла неожиданная беда. Дворец Миноса был разрушен, и его развалины вплоть до наших дней оставались необитаемыми. Нам неизвестно, какая катастрофа

постигла город. Раскопки обнаружили следы пожара и нечто похожее на признаки разграбления. Многое указывает, однако, на катастрофическое землетрясение. Возможно, Кнос разрушила природа, а греки лишь довершили начатое ею разрушение.

Х. ЕГИПЕТ, ВАВИЛОН И АССИРИЯ

Египтяне весьма неохотно подчинялись власти семитских пастушеских царей, и около 1600 г. до н. э. мощное патриотическое движение изгнало чужеземных захватчиков. Началась новая эпоха, называемая Новым царством. Не представлявший собой до завоевания гиксосами сплоченного целого, Египет стал теперь единой страной. Времена порабощения и восстания породили в ней воинственный дух.

Фараоны стали агрессивными завоевателями. Они заимствовали у греков боевых коней и боевые колесницы. При Тутмосе III и Аменхотепе III Египет распространил свою власть в Азии до Евфрата.

Мы подошли теперь к тысячелетней войне между когда-то совершенно разделенными цивилизациями Месопотамии и Нила. Сначала побеждал Египет. Великие династии — XVII (Тутмос III, Аменхотеп III, царица Хатшепсут) и XIX, чей фараон Рамсес II царствовал, как предполагают, во времена Моисея, — правили около трехсот лет и подняли Египет на

высокий уровень благосостояния, хотя и возникали периоды застоя, даже чужеземных завоеваний — сирийцами и эфиопами. В Месопотамии господствовал Вавилон, затем преобладали хетты, потом сирийцы из Дамаска, которые ненадолго даже покорили Египет. Ассирийцам в Ниневии удача то сопутствовала, то отказывала, и город попадал под иго чужеземцев, но иногда они правили в Вавилоне и нападали на Египет. Объем этой книги не позволяет рассказать о всех войнах египтян и других семитских государств в Малой Азии, Сирии и Месопотамии. В их армиях уже имелись многочисленные отряды

боевых колесниц. Лошади пришли из Центральной Азии, но пока их использовали только для войны.

В неясных сумерках отдаленных времен появляются фигуры великих завоевателей: покорившего Ниневию митаннийского царя Тушратту и ассирийского Тиглатпаласара I, который взял Вавилон и при котором Ассирия стала величайшей военной державой. В 745 г. до н. э. Тиглатпаласар III снова завоевал Вавилон и основал так называемое Новое Ассирийское царство. К тому времени с севера уже пришло употребление железа. Сначала оно появилось у предшественников армян хеттов, от которых попало к

ассирийцам, и их царь-узурпатор Саргон II вооружил им свое войско. Ассирия была первой державой, провозгласившей идею железа и крови. Сын Саргона Синнехериб привел армию в Египет, но она была уничтожена чумой; в 670 г. до н. э. его внук Ассурбанипал (по-гречески Сарданапал) все-таки завоевал Египет, который находился под властью эфиопской династии. Один завоеватель сменил другого.

Если бы мы могли просмотреть все политические карты за этот период истории, занимающий целое тысячелетие, то увидели бы, как Египет попеременно то расширялся, то сжимался, словно амеба под

микроскопом, а разнообразные семитские государства то исчезали, то вновь возникали, поглощая и изрыгая друг друга. К западу от Малой Азии находились такие мелкие эгейские государства, как Кария и Лидия со столицей в Сардисе. Но после 1200 г. до н. э. (а может быть и раньше) на карте появляются новые имена, принадлежащие варварским племенам, которые пришли с северо-востока и северо-запада. Они имели железное оружие и боевые колесницы и явились величайшей угрозой для эгейской и семитской цивилизаций на северных границах. Пришельцы говорили на диалектах

одного и того же арийского праязыка.

С северо-востока, из-за Каспийского моря, надвигались мидяне и персы. В хрониках того времени их смешивают со скифами и сарматами. С северо-востока, а возможно, с северо-запада, пришли армяне; через Балканский полуостров — киммерийцы, фригийцы и племена эллинов, которых мы называем теперь греками. Арийцы, смелые и закаленные кочевники-скотоводы, объединенные общим происхождением, совершали грабительские набеги на города. На востоке они ограничивались пограничными вторжениями, а на

западе захватывали города и так теснили цивилизованных эгейцев, что те стали искать для себя новые безопасные земли. Одни высадились в дельте Нила, но были отброшены египтянами; другие, этруски, приплывшие, вероятно, из Малой Азии, основали государство в непроходимых лесах Средней Италии; некоторые построили города на юго-восточном побережье Средиземного моря (в истории они известны как филистимляне). Об арийцах, внезапно явившихся на сцену древних цивилизаций между 1600 и 600 гг. до н. э. будет подробнее рассказано в следующей главе.

Мы расскажем и о маленьком иудейском племени, которое обитало на холмах за финикийским и филистимлянским побережьем и к концу этого периода начало приобретать мировое значение. Оно создало литературу, сыгравшую величайшую роль в последующей истории, — собрание книг, преданий, стихов и пророчеств, иначе говоря, еврейскую Библию.

В Месопотамии и Египте приход арийцев не произвел до 600 г. до н. э. каких-либо серьезных перемен. Изгнание эгейцев греками и даже разрушение Кноса лишь в малой степени обеспокоило жителей Египта и Вавилона. В зародышевых

городах цивилизации появлялись и исчезали династии, но повседневная жизнь людей не менялась. Утонченность и сложность возрастали очень медленно, от века к веку. В Египте памятники древности — пирамиды — существовали уже третье тысячелетие, и их показывали, как и в наше время, приезжим. На смену пирамидам пришли новые великолепные здания, особенно в эпоху XVII и XIX династий, когда были воздвигнуты монументальные храмы в Карнаке и Луксоре. Главные памятники Ниневии — крылатые быки с человеческими головами и рельефы, изображающие царей, колесницы и львиные охоты, —

относятся к тому же времени, от 1600 до 600 гг. до н. э., эпохе величайшего расцвета Вавилона.

Из Месопотамии и Египта до нас дошло множество документов: деловых счетов, рассказов, стихов, частных писем. Теперь известно, что жизнь преуспевающих граждан в таких городах, как Вавилон и египетские Фивы, была такой же роскошной и комфортабельной, как и у наших богатых современников. Они жили в красивых, прекрасно обставленных и великолепно украшенных домах, носили дорогую одежду и изысканные драгоценности, устраивали пиры и празднества с музыкой и танцами,

им прислуживали вышколенные рабы, за их здоровьем следили врачи и дантисты. Правда, они мало путешествовали, но увеселительные прогулки по Нилу и Евфрату были обычным летним развлечением. Груз перевозили ослы, а лошадей использовали только в боевых колесницах или во время государственных церемоний. Мул представлял собой новинку, а известный в Месопотамии верблюд в Египте еще не появился. Железная утварь оставалась редкостью, преобладали медь и бронза, зато умели ткать тонкие материи из хлопка и шерсти, хотя шелка еще не знали, как не знали и прозрачного

стекла (в отличие от цветного, красиво окрашенного). Людям вставляли зубные пломбы, но очки еще не были известны.

Довольно странно, что в древнем Вавилоне и в древних Фивах не было монет. Торговали главным образом путем обмена. В финансовом отношении Вавилон оказался гораздо более развитым, чем Египет. Для обмена там использовали слитки серебра и золота, и еще до появления монет существовали банкиры, которые ставили на кусках драгоценного металла клейма с обозначением веса и своего имени. Путешественники и купцы брали с собой драгоценные

камни для оплаты покупок. Большинство слуг и работников были рабами, которым платили натуральными продуктами. С появлением денег рабство стало приходить в упадок.

Если бы современный человек попал в эти города Древнего мира его поразило бы полное отсутствие таких продуктов питания, как курица и яйца, появившихся только во времена последнего Ассирийского царства. Французскому повару было бы в Вавилоне скучно.

Религия, как и все остальное, стала значительно утонченнее. Давно исчезли жертвоприношения людей, вместо них приносили в жертву

животных или кукол. Тем не менее финикийцев и особенно жителей их самого большого города — Карфагена — впоследствии обвиняли в ритуальных убийствах людей. Когда в древние времена умирал вождь, было принято умерщвлять его жен и рабов и класть на могилу колчан со стрелами, чтобы он не оказался в мире духов безоружным. Египет унаследовал обычай хоронить в могилах небольшие модели домов и статуэтки, изображающие слуг и домашний скот, благодаря чему мы получили наглядное представление о жизни этого народа

Таким был мир до появления из

северных лесов и степей арийских племен. Аналогичные процессы происходили в Индии и Китае. Там на огромных долинах вырастали аграрные города-государства, населенные смуглыми народами. Однако в Индии они не развивались так быстро, как в Месопотамии или Египте, и оставались на уровне, близком к цивилизациям Шумера или майя. Китайская история нуждается в новых исследованиях, которые очистили бы ее от множества легендарных наслоений. Возможно, тогда Китай во многом опережал Индию. Во времена XVII египетской династии там правили жрецы-императоры династии Шан,

повелевавшие довольно
самостоятельными местными
князьями. Главное назначение
древних императоров заключалось в
исполнении сезонных ритуальных
обрядов. До сих пор сохранились
прекрасные бронзовые сосуды эпохи
Шан, красота и совершенство
которых свидетельствуют о
существовании многовековой
цивилизации.

XI.

ПЕРВОБЫТНЫЕ АРИЙЦЫ

Четыре тысячи лет тому назад Центральная и Юго-Восточная Европа была, вероятно, теплее, влажнее и лесистее, чем в наше время. По этим местам бродили племена, принадлежавшие главным образом к светловолосой и голубоглазой нордической расе. Все они соприкасались друг с другом и могли общаться на диалектах общего языка, распространенного от Рейна до Каспийского моря. Тогда их было,

возможно, не очень много, и вавилоняне, жившие при царе Хаммурапи, ничего о них не знали, как не знали и в древнем, но уже цивилизованном Египте, который претерпевал тогда гнет чужеземного ига.

Нордической расе предстояло сыграть чрезвычайно важную роль в мировой истории. Эти люди жили на окруженных лесами открытых пространствах. Сначала у них не было лошадей, только домашний скот. Переезжая с места на место, они грузили свой скарб и шатры на воловьих повозки, а когда временно где-нибудь поселялись, то сооружали хижины из прутьев и глины. Своих

знатных людей они не хоронили с почестями, как темноволосые народы, но сжигали и закапывали прах в урнах, а сверху насыпали курган. Такие могильники встречаются по всему северу Европы. Их предшественники, темноволосые племена, не сжигали умерших, они хоронили их в сидячем положении и сверху насыпали не круглые холмы, а удлиненные.

Арийцы пахали на волах и выращивали пшеницу. Собрав урожай, они двигались дальше. Они знали бронзу, а около 1500 г. до н. э. стали употреблять и железо. Возможно, именно они первыми научились выплавлять его из руды.

Примерно в то же время у них появились лошади, которых они использовали как тягловую силу. Общественная жизнь арийцев не сосредотачивалась вокруг храма, как у оседлых средиземноморских народов. Их вожди были скорее военными предводителями, чем жрецами, а общественное устройство основывалось на аристократии, а не на религиозном или монархическом принципе. С самых ранних времен они отличали некоторые семейства, как своих предводителей.

У арийцев были хорошие голоса. Они оживляли свои странствия праздниками, на которых неумеренно пили и на которых пели

и декламировали особые люди, барды. До встречи с цивилизацией арийцы не знали письменности, и только память бардов сохраняла изустные предания. Такая декламация для развлечения превратила язык в выразительнейший инструмент. Именно это обстоятельство хотя бы отчасти объясняет последующее преобладание языков, произошедших от арийского праязыка. У каждого арийского народа есть своя легендарная история, запечатленная в сказаниях бардов, эпосе, сагах и ведах.

Общественная жизнь сосредотачивалась вокруг домов

знати, которые представляли собой обширные деревянные строения. Были, конечно, и хижины пастухов, и нечто вроде хуторских построек, однако в большинстве случаев центром для всех являлся дом вождя, куда по праздникам приходили послушать бардов, развлечься играми или спорами. Возле дома находились конюшни и коровники. Вождь и его жена спали на помосте или полатях, простой люд — где придется, как современные индейцы. За исключением оружия, украшений, инструментов и личных вещей, все прочее принадлежало всему племени на правах патриархального коммунизма. В общих интересах

стадами и пастбищами владел вождь. Леса и реки оставались в первозданном состоянии и никому не принадлежали. Таковы были племена, приумножившиеся в Центральной Европе и на западе Центральной Азии в эпоху подъема великих цивилизаций Нила и Месопотамии. Во втором тысячелетии до нашей эры они теснили повсюду гелиолитические народы и двумя волнами заселили Францию, Британию и Испанию. Те, кто первыми достиг Британии и Ирландии, имели бронзовое оружие. Они уничтожили или покорили народ, создавший огромные каменные сооружения в Бретани;

Стоунхендж и Эвер-бюри в Англии. Покорителей Ирландии называют гоиделическими кельтами. Вторая волна родственных им народов, перемешанная, возможно, с другими расовыми элементами, принесла в Британию железо, и ее называют волной британских кельтов. Именно от них происходит валлийский язык.

Родственные им кельтские племена двигались и на юг и соприкасались не только с жившими там гелиолитическими басками, но и с приморскими колониями семитов и финикийцев. Союзные племена италиков шли на юг по девственным лесам Апеннинского полуострова. В VIII веке до нашей эры впервые в

истории появляется Рим — торговый городок на Тибре, населенный арийцами-латинами, которые были подчинены власти этрусских царей.

На другом краю арийского распространения происходило такое же перемещение на юг. Говорившие на санскрите арийцы задолго до 1000 г. до н. э. спустились через западные перевалы в Северную Индию, где столкнулись с исконной цивилизацией темноволосых дравидов и многому у них научились. Другие арийские племена распространились, по всей видимости, через горные массивы Центральной Азии далеко на восток от нынешнего ареала этих народов.

До сих пор в Западном Туркестане обитают светловолосые и голубоглазые нордические племена, но теперь они говорят на монгольских языках.

Между Каспийским и Черным морями древние хетты за тысячу лет до нашей эры были поглощены и «арианизированы» армянами. Ассирийцы и вавилоняне уже тогда знали о существовании на своих северо-восточных границах воинственных варваров — скифов, мидян и персов.

Однако первое мощное вторжение арийских племен в самое сердце цивилизации произошло через Балканский полуостров.

Гораздо раньше первого тысячелетия до нашей эры они двигались на юг и переходили в Малую Азию. Сначала это были фригийцы, за ними последовали эолийские, ионийские и дорийские греки. К 1000 г. до н. э. они уничтожили древнюю эгейскую цивилизацию как на материке, так и на большинстве островов; города Микены и Тиринф были стерты с лица земли, Кнос предан забвению. Еще раньше 1000 г. до н. э. греки вышли к морю, захватили Крит и Родос и стали основывать свои колонии на Сицилии и в Италии наподобие разбросанных по всему Средиземному морю финикийских торговых городов.

Пока Тиглатпаласар III, Саргои II и Сарданапал правили в Ассирии и вели войны с Вавилоном, Сирией и Египтом, арийские народы приобщались к цивилизации и несли ее в Италию, Грецию и Северный Иран. С IX в. до н. э., на протяжении шести столетий история заключается главным образом в возвышении арийских народов вплоть до покорения ими всего Древнего мира — семитов, эгейцев и египтян. Несмотря на полную победу, борьба идей и понятий продолжалась еще долгое время. В сущности эта борьба пронизывает всю историю и в определенном смысле не прекращается до сих пор.

ХІІ. ПОСЛЕДНЕЕ ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО И ИМПЕРИЯ ДАРИЯ

Уже упоминалось о том, как в правление Тиглатпаласара III и узурпатора Саргона II Ассирия стала великой военной державой. Даже имя Саргону не принадлежало — он принял его в память о царствовавшем 2000 лет назад основателе Аккадского царства Саргоне I, чтобы польстить жителям покоренного Вавилона, который имел большее

значение и население, чем Ниневия, и с его великим богом Мардуком, с его купцами и жрецам приходилось считаться. В Месопотамии VIII века до нашей эры уже давно миновали те варварские времена, когда захват города означал повальный грабеж и массовые убийства. Завоеватели старались умиротворить побежденных. На протяжении полутора столетий после Саргона II новое Ассирийское царство продолжало существовать, и Ашшурбанипал (Сарданапал) удерживал за собой Нижний Египет.

Однако мощь и сплоченность Ассирии быстро затухали. При фараоне Псамметиху I Египет

сбросил чужеземное иго, а Нехо II сам пытался завоевать Сирию. Борьба с ближними врагами не позволила Ассирии оказать ему существенное сопротивление. В 606 г. до н. э. (здесь начинается точная хронология) халдеи — семитский народ из Юго-Восточной Месопотамии — объединились с арийцами-мидянами и пришедшими с северо-востока персами, захватили Ниневию и поделили между собой доставшуюся им добычу. На севере под властью царя Киаксаре возникло Мидийское царство. В него вошла Ниневия, но столицей стала Экбатана; на востоке оно простиралось до границ Индии. К

югу в виде большого полумесяца лежало новое Халдейское или Второе Вавилонское царство, которое при Навуходоносоре Великом достигло апогея богатства и силы. Для Вавилона наступили лучшие за всю его историю дни. Оба царства пока жили в мире, и дочь Навуходоносора была выдана замуж за царя Киаксаре.

Тем временем Нехо II продолжал свои завоевания в Сирии. В сражении при Мегиддоне (608 г. до н. э.) он разбил и умертвил иудейского царя Иосию, о маленьком государстве которого мы еще будем говорить. Нехо II двинулся к Евфрату, чтобы напасть не на слабеющую

Ассирию, а на возрождающийся Вавилон. Но халдеи прогнали его в Египет, продвинув вавилонскую границу до египетских пределов. Время от 600 до 539 года было для Второго Вавилонского царства периодом неустойчивого процветания, сохранявшегося благодаря мирным отношениям с сильным Мидийским царством. За эти шестьдесят семь лет в древнем городе не только установилась благополучная жизнь, но и расцвела наука.

Даже под властью ассирийских царей, особенно Сарданапала, в Вавилоне не прекращалась напряженная умственная

деятельность. Ассириец по рождению, Сарданапал совершенно вавилонизировался. Он собрал целую библиотеку из глиняных табличек, применявшихся в Месопотамии для письма с раннего шумерского периода. Это собрание было найдено археологами и, возможно, представляет собой самый драгоценный исторический материал за всю историю науки. Последний вавилонский царь из халдейской династии Набонид обладал еще более утонченными литературными вкусами. Он покровительствовал архивным разысканиям, и после того как ученые вычислили дату воцарения Саргона I, этот факт был

увековечен особыми надписями. Однако в его царстве появилось немало признаков разделения, и он, пытаясь усилить централизацию власти, велел построить в Вавилоне храмы для многих местных богов. Впоследствии это средство успешно применяли римляне, но в Вавилоне оно вызвало зависть влиятельных жрецов главного бога Бел-Мардука. Они решили заменить Набонида Киром Персидским, который правил соседним Мидийским царством и прославился покорением богатейшего в Малой Азии лидийского царя Креза. Кир подступил к Вавилону, и после короткой битвы городские ворота

открылись перед ним (538 г. до н. э.) — персидские воины без боя заняли город. По библейскому преданию, наследнику Набонида Валтасару во время пира явилась на стене надпись, состоявшая из магических слов: *Mene, Mene, Tekel, Up-harsin*. Призванный разгадать эту загадку пророк Даниил прочитал надпись так: «Исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ты взвешен на весах и найден очень легким; разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5,30). Возможно, жрецы знали что-то об этой надписи. Как рассказывает Библия, Валтасар был убит в ту же ночь, Набонид пленен, а завоевание

города произошло настолько мирно, что даже не нарушилось богослужение в храме Бел-Мардука.

Так объединились Вавилонское и Мидийское царства. Сын Кира Камбиз покорил Египет, но сошел с ума и был случайно убит. Ему наследовал Дарий Мидийский, или Дарий I, сын Гистаспа, одного из главных советников Кира.

Персидское царство Дария I, первое из новых арийских государств на месте древних цивилизаций, было величайшей империей. В него входили: вся Малая Азия и Сирия, прежние Ассирийское и Вавилонское царства, Египет, Кавказ с прикаспийскими землями, Мидия и

Персия. Оно распространялось до самого Инда. Существование подобного царства стало возможным благодаря боевым колесницам, верховой лошади и строительству дорог. До сих пор быстрееими средствами сообщения являлись осел, вол и верблюд. Персидские властители для управления своим царством построили длинные дороги-артерии, где всегда были наготове почтовые лошади для царских гонцов или путешественников, имевших на то особое разрешение. Стали употребляться монеты, что значительно облегчило торговлю и иные сношения. Однако Вавилон не

сохранил своего положения, как столицы. В конечном итоге жрецы Бел-Мардука ничего не выиграли. Вавилон хотя и оставался влиятельным центром, но клонился к упадку, а новыми великими городами стали Персеполис, Сузы и Экбатана. Ниневия была оставлена и постепенно превращалась в руины.

ХІІІ. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

Теперь пора рассказать о евреях — семитском народе, не имевшем еще особого значения, но впоследствии оказавшем огромное влияние на весь мир. Они обосновались в Иудее раньше 1000 г. до н. э. По прошествии некоторого времени их столицей стал Иерусалим. Судьба евреев тесно переплетена с соседними царствами — Египтом на юге и постоянно менявшими свои границы Сирией, Ассирией и Вавилоном на севере. Сама страна уже по одному своему

положению была predeterminedена
стать дорогой, связывавшей эти
державы.

Значение евреев в мировой
истории основано на созданных ими
письменной литературе, собрании
законов, хрониках, песнопениях и
поэзии, философских книгах и
политических рассуждениях,
совокупность которых христиане
называют Ветхим Заветом, или
еврейской Библией. Все это
появилось в V—IV веках до нашей
эры.

Возможно, еврейская Библия
была составлена еще в Вавилоне. Мы
уже говорили о нашествии Нехо II на
Ассирийское царство, которое вело

борьбу с мидянами, персами и халдеями. Иудейский царь Иосия воспротивился фараону, был разбит и погиб в битве при Мегиддоне (608 г. до н. э.), а Иудея стала платить дань Египту. Когда новый халдейский царь Навуходоносор Великий прогнал Нехо в Египет, он хотел поставить в Иерусалиме своих марионеточных царьков, но народ перебил всех вавилонских чиновников. Тогда царь решил вообще уничтожить это микроскопическое государство, которое с давних пор натравливало Египет на своего северного соседа. Иерусалим был разграблен и сожжен, а остатки населения уведены в вавилонский плен.

Иудеи оставались в Вавилоне до его взятия царем Киром (538 г. до н. э.), который отослал их на родину, чтобы они восстановили стены города и возродили иерусалимский храм.

В те времена евреи не были особенно цивилизованным и единым народом. По-видимому, лишь немногие из них умели читать и писать. В истории ничего не говорится о чтении древнейших книг Библии. Первое упоминание о книге относится ко времени Иосии. Вавилонское пленение объединило и цивилизовало евреев. Они возвратились на родину как вполне самобытный народ, впитавший в себя

свою литературу и осознавший свои политические цели.

Тогда еврейская Библия состояла, по всей вероятности, только из первых пяти книг. Кроме них, были и другие книги (Паралипоменон, Псалмы, Притчи), которые впоследствии были включены вместе с Пятикнижием в современную еврейскую Библию.

Повествование о сотворении мира Адаме и Еве, Всемирном потопе, с которого начинается Библия, аналогично вавилонским легендам и, похоже, является частью верований всех семитских народов. Точно так же рассказы о Моисее и Самсоне имеют шумерские и

вавилонские параллели. Но с истории Авраама начинается нечто, присущее только еврейскому народу.

Возможно, Авраам жил во времена вавилонского царя Хаммурапи. Он принадлежал к племени патриархальных семитских кочевников. О его странствиях и жизни его потомков, о том, как они попали в плен к египтянам, рассказано в библейской книге Бытия. Сам Авраам кочевал по Ханаану, и Бог обещал отдать ему и его детям эти прекрасные земли и процветающие города.

После долгого плена в Египте и сорока лет скитаний по пустыне под водительством Моисея потомки

авраамовы, разросшиеся до двенадцати племен, завоевали ханаанскую землю. Это могло произойти между 1600 и 1300 гг. до н. э. К сожалению, нет никаких египетских свидетельств ни о Моисее, ни о Ханаане того времени. Во всяком случае, евреи завоевали только холмистую местность к востоку от земли обетованной, а побережье Средиземного моря перешло от ханаанитов к новым пришельцам из Эгейского мира — филистимлянам. Их города — Газа, Геф, Ашдод, Аскалон, Яффа — успешно отбили натиск евреев. На протяжении многих поколений евреи оставались безвестным народом,

населявшим отдаленную гористую страну и враждовавшим с филистимлянами и родственными племенами — моавитами, мидианитами и др. В Книге Судей можно найти довольно правдоподобное перечисление их войн и бедствий.

Евреями правили тогда судьи-жрецы, избиравшиеся старейшинами, но около 1000 г. до н. э. они избрали себе царя Саула для предводительства на войне. Его правление мало чем отличалось от власти судей-жрецов, к тому же он пал под градом филистимлянских стрел в битве при Гелвуйской горе, его боевые доспехи были отданы в

храм филистимлянской Астарты, а тело прибили к стенам Беф-сана.

Наследник Саула Давид оказался более успешным и искушенным политиком. При нем начался единственный за все существование еврейского народа период процветания. Давид вступил в тесный союз с финикийским городом Тиром, чей царь Хирам был, судя по всему, весьма разумным и предприимчивым правителем. Он хотел обеспечить себе торговый путь через гористую страну евреев к Красному морю, куда финикийцы попадали обычно через Египет, пребывавший тогда в состоянии полного разброда. Хирам установил

теснейшие отношения с Давидом и его сыном Соломоном. Под покровительством Хирама в Иерусалиме была воздвигнута стена, дворец и храм, а он сам построил флот на Красном море. Через Иерусалим в северном и южном направлениях шла оживленная торговля. Соломону удалось достичь небывалого процветания. Он даже взял в жены дочь фараона.

Впрочем, не следует забывать об истинном соотношении вещей и событий. На вершине своей славы Соломон оставался лишь мелким царьком, власть которого была неустойчива, и через несколько лет после его смерти первый фараон

XXII династии Шешонк взял Иерусалим и разграбил его. Рассказ о великолепии Соломона в Книгах Царств и Паралипоменон оспаривается многими исследователями как панегирик позднейших сочинителей. При внимательном прочтении библейское повествование не так уж и потрясает. Храм царя Соломона согласно приведенным размерам не превосходит обычную приходскую церковь, а его четырнадцать сотен колесниц перестают поражать воображение, если сравнить их с двумя тысячами, посланными его преемником Ахавом для асирийского войска, как это написано на одном из

памятников. Кроме того, из библейского повествования ясно, что Соломон разорился на своем великолепии да еще удушал народ налогами и повинностями. После его смерти северная часть страны отделилась и стала независимым царством Израильским, хотя Иерусалим оставался столицей Иудеи.

Процветание еврейского народа было недолгим. Хирам умер, и помощь из Тира прекратилась. Египет обрел былую силу. История иудейских и израильских царей становится историей двух мелких государств, зажатых между Сирией, Ассирией, Вавилоном и Египтом.

Это повествование о катастрофах и избавлениях, которые лишь ненадолго отдаляли величайшие несчастья; рассказ о варварских царях, правивших варварским народом. В 721 г. до н. э. Израильское царство было покорено Ассирией, и его народ просто выпал из истории. Иудея боролась до 604 г., но и она разделила судьбу Израиля. Конечно, библейская история евреев, начиная с Книги Судей и далее, уязвима для критики, но в целом это правдивое повествование, которое подтверждается раскопками, проводившимися в прошлом столетии на территории Египта, Ассирии и Вавилона.

История еврейского народа приобрела традиционные формы в Вавилоне. Люди, возвратившиеся в Иерусалим по повелению Кира, уже не напоминали своим духом и знаниями тех, кого увели в рабство. Они восприняли цивилизацию. Для развития своеобразного еврейского характера очень важную роль сыграли люди нового склада — пророки, о которых мы сейчас поговорим. Пророки знаменовали собой появление новых сил в неуклонном развитии человеческого общества.

XIV. ИУДЕЙСКИЕ ЖРЕЦЫ И ПРОРОКИ

Падение Ассирии и завоевание Вавилона были лишь первыми катастрофами, которые предстояли семитским народам. В VII веке до нашей эры все, казалось, шло к тому, что семиты будут править миром. Они покорили великое Ассирийское царство и завоевали Египет. Семитскими были Ассирия, Вавилон и Сирия; там говорили на понятных друг другу языках. Мировая торговля находилась в руках семитов. Тир и

Сидон, великие метрополии финикийского побережья, основали свои колонии в Испании, Сицилии и Африке, и те даже сумели превзойти их. В основанном около 800 г. до н. э. Вавилоне число жителей превосходило миллион, какое-то время он был самым большим городом на земле. Финикийцы доходили до Мадейры. Как мы уже говорили, Хирам и Соломон строили корабли для арабских, а возможно, и для индийских торговцев. При фараоне Нехо финикийская морская экспедиция обогнула Африку.

В те времена арийские народы по-прежнему оставались варварами. Одни только греки взялись за

создание новой цивилизации на руинах разрушенной, а мидийцы в Центральной Азии, как сказано в одной ассирийской надписи, становились «угрожающими». В 800 г. до н. э. никто не предсказал бы, что уже к III веку до н. э. арийские завоеватели не оставят и следов семитского владычества, а семитские народы превратятся в их подданных или будут рассеяны. Повсюду, за исключением северных пустынь Аравии, где бедуины крепко держались за свой кочевой образ жизни, старый мир семитов отмирал. Арабы-бедуины так никогда и не покорились арийским завоевателям.

Среди цивилизованных семитов,

которые на протяжении пяти роковых столетий подвергались избиениям и завоеваниям, лишь один народ держался за свои древние традиции. Этим единственным и малочисленным народом были евреи, которых Кир Персидский отослал обратно на родину отстраивать Иерусалим. Она сумели сохранить свои традиции лишь потому, что еще в Вавилоне сумели собрать свою литературу в одну книгу — Библию. Можно даже сказать, что не евреи создали Библию, а Библия сотворила евреев. В ней провозглашались идеи, хотя и не вполне совпадавшие с еврейским характером, но чрезвычайно плодотворные,

поддерживавшие и укреплявшие евреев в их страданиях, тяготах и подвигах на протяжении двадцати пяти столетий.

Главная из этих идей заключалась в том, что Бог евреев недостижим и невидим; он нерукотворен и незрим в Храме, это Бог Праведности для всей земли. Боги других народов воплощались в храмовых образах. Если изображение бога разбивали, а храм сравнивали с землей, умирал и бог. Но возникла новая идея Бога на небесах, превыше жрецов и жертвоприношений. По верованиям евреев Бог Авраама избрал их как особенный народ, чтобы возродить Иерусалим и

сделать его столицей Праведности
всего мира. Еврейский народ был
воодушевлен чувством общей судьбы,
когда возвратился после
вавилонского плена в Иерусалим.

Нет ничего удивительного в том,
что за годы пленения столь
вдохновенный культ привлек к себе
многих вавилонян, сирийцев, а
впоследствии и финикийцев, которые
говорили практически на том же
языке и имели сходные обычаи,
вкусы и традиции. После падения
Тира, Сидона и Карфагена и
финикийских городов Испании
финикийцы внезапно исчезают из
истории, и так же внезапно в
Иерусалиме, в Испании, Египте,

Аравии, на всем Востоке, где раньше ступала нога финикийца, возникают еврейские общины, сплоченные чтением Библии. С самого начала Иерусалим был для них лишь номинальной столицей, а настоящей — Книга Книг. Таким образом, мы видим нечто новое в истории, зародившееся в те времена, когда в Шумере и Египте только начинали употреблять для письма иероглифы. Евреи явились как новый народ — без царя, а потом и без храма (Иерусалим был разрушен в 70 г. н. э.), силой письменного слова объединявший в себе самые разнородные элементы.

К этому интеллектуальному

единству не стремились и не предвидели его ни жрецы евреев, ни их предводители. В истории появляется не только новый тип сообщества, но и новый тип человека. Во времена Соломона евреи, казалось, так и останутся малым народом, подобно другим народам, управляемым мудростью жрецов и амбициями царей. Но читатель и сам может узнать из Библии о появлении людей нового типа — пророков. Чем больше бедствий обрушивалось на разделенных евреев, тем значительнее становилась роль пророков.

Это были люди самого разного

происхождения. Иезикиил родился среди потомственных жрецов, Амос носил плащ из козлиной шкуры, но всех пророков объединяло то, что они посвятили себя одному Богу Праведности и обращались непосредственно к народу. Они явились без помазания и без посвящения. «И слово Господне ныне вошло в меня» — такими словами они заявляли о себе народу. Пророки были чрезвычайно политизированы. Они проповедовали против Египта, Ассирии и Вавилона; разоблачали безволие жрецов и вопиющие грехи царей. Некоторые провозглашали то, что сейчас называется «социальной реформой».

Богатые «съедают лица бедняков» и пожирают хлеб их детей; они подражают порокам и роскоши чужеземцев и навлекают на себя гнев Яхве, Бога Авраама, который, несомненно, накажет этих людей. Все эти изречения записывались, изучались, их хранили там, куда приходили евреи, и вместе с ними распространялся дух новой религии. Она вела простого человека мимо жрецов и храмов, дворцов и царей и ставила его лицом к лицу с Царем Праведности. В этом-то и заключается ее величайшее значение в истории человечества. Великие пророчества Исаии предрекали мирное единение всей Земли под

единым Богом.

Не все пророки говорили таким языком, и читатель пророческих книг найдет в них немало ненависти, предрассудков и того, что живо напоминает современную пропаганду. И тем не менее еврейские пророки эпохи вавилонского плена возвещают появление в мире новой силы — силы личного нравственного примера, который обращался к свободной совести против фетишей жертвоприношения и рабской униженности.

XV. ГРЕКИ

В ту эпоху, когда после Соломона (правившего около 960 г. до н. э.) уничтожались разделенные царства Израиля и Иудеи, а еврейский народ, уведенный в вавилонский плен, создавал свои предания, возникала еще одна великая сила, преобразовавшая человечество. Речь идет о греческой культуре. Если еврейские пророки взращивали новое чувство моральной ответственности перед вечным и вселенским Богом Праведности, то греческие философы приучали людей к новому духу и новым

способам мышления.

Как уже говорилось, племена греков были ответвлением арийского пранарода. Они пришли в города и на острова эгейцев раньше 1000 г. до н. э. и, возможно, двигались на юг еще до того, как фараон Тутмос охотился за Евфратом на слонов. (Тогда в Месопотамии водились слоны, а в Греции — львы.)

Вполне возможно, что Кнос сожгли греки, но легенд об этом подвиге не сохранилось, хотя есть предания о Миносе, его дворце (Лабиринте) и об искусных критских мастерах.

Как и у многих арийцев, у греков были певцы, игравшие важную роль в

поддержании общественных связей. С древних времен они сохранили два великих эпоса: «Илиаду» — рассказ об осаде и взятии малоазийского города Трои и «Одиссею» — описание приключений мудрого грека, возвращающегося из Трои на родину. Оба эпоса записаны между VIII и VII столетиями до нашей эры, когда греки получили алфавит от своих более цивилизованных соседей, однако и «Илиада», и «Одиссея» возникли гораздо раньше. Прежде их приписывали слепому поэту по имени Гомер, который будто бы сочинил их примерно так же, как Мильтон сочинил «Потерянный рай». Был ли такой

поэт, и сам ли он сочинил греческий эпос или только записал его — любимая тема для споров эрудитов, но для нас здесь существенно только то, что у греков уже в VIII веке до нашей эры был свой эпос, служивший разным племенам связующим звеном и наделявший их чувством общности. Это была группа родственных народов, объединенных сначала устным, а потом и письменным языком и разделявших одни и те же идеалы.

Греки изображены в эпосе как варварский народ, который не знал еще железа и письменности и не жил в городах. Поначалу они обитали в деревнях возле разрушенных ими

эгейских городов, но потом стали обносить их стенами и переняли у завоеванных народов понятие о храме. Как уже говорилось, в первобытных цивилизациях город возникал вокруг алтаря племенного бога и лишь впоследствии огораживался стенами. У греков получилось наоборот — стены предшествовали храму. Потом греки начали торговать и основывать колонии. К VII веку до нашей эры в долинах и на островах Греции, забывшей уже об эгейских городах и эгейской цивилизации, стали возникать новые города; Афины, Спарта, Коринф, Фивы, Самос, Милет и другие. На побережье

Черного моря, в Италии и Сицилии появились греческие колонии. Юг Италии получил название Великая Греция (*Magna Graecia*). Марсель был греческим городом, построенным на месте финикийской колонии.

Страны, расположенные на больших равнинах или по берегам великих судоходных рек (таких, как Евфрат или Нил), объединялись под одним общим правлением, как это было в Египте и Шумере. Но греков, живших в долинах, разделяли горы, а обитавших на островах — море. И Греция, и *Magna Graecia* очень гористы, поэтому развитие здесь шло в противоположном направлении. В начале своей истории греки были

раздроблены на множество мелких государств без каких-либо признаков единства и отличались даже по расе. В некоторых преобладало то или другое греческое племя — эолийцы, ионийцы, дорийцы; в других греки смешались с потомками догреческих, «средиземноморских» племен, третьи имели несмешанное, чисто греческое население, правившее рабами («илоты» в Спарте). Были и такие, где легендарные арийские роды образовывали аристократию, в иных возникла демократия арийских граждан. Одни выбирали себе царей и даже наследственные династии, другие терпели узурпаторов и тиранов.

Однако географические условия, поддерживавшие разделенность и многообразие греческих государств, порождали и их малонаселенность. В самых крупных из них жило не больше людей, чем в английских графствах, население любого из городов вряд ли превышало треть миллиона. Лишь немногие достигали 50 000. Существовали союзы, основанные на общности интересов и дружественных отношениях, но единства не было. Эти союзы усиливались по мере развития торговли, и малые города искали покровительства и защиты у больших. Тем не менее во всей Греции сохранялось некое чувство

общности, благодаря эпосу и проводившимся каждые четыре года атлетическим состязаниям в Олимпии. Это не предотвращало войн и распрей, но отчасти смягчало варварство. Кроме того, во время Олимпийских игр перемирие защищало всех их участников и зрителей. Со временем ощущение общности росло, число государств-участников Олимпийских игр увеличивалось, и наконец на них стали допускать даже атлетов из Эпира и Македонии.

Торговля и влияние греческих городов в VII—VI веках до нашей эры возрастали, качество и значение их цивилизации тоже. Общественная

жизнь во многом уже не походила на эгейскую цивилизацию и цивилизации великих рек. Появились великолепные храмы, но жречество не было здесь таким могущественным сословием, как в древнейшем мире, где оно являлось хранителем знаний. У греков были вожди и знать, зато не было полубожественных царей в окружении пышного двора — власть принадлежала сдерживавшим друг друга аристократическим родам. Даже так называемые демократии были аристократическими. Каждый гражданин принимал участие в общественных делах и народных собраниях, *но не все были*

гражданами. В этом отношении греческие демократии отличаются от современных демократий, где каждый обладает правом голоса. Во многих греческих демократиях было нескольких сотен или тысяч граждан, владевших многими тысячами рабов и вольноотпущенников, которые не допускались к общественным делам. В Греции власть обычно принадлежала сообществу состоятельных людей. Их цари и тираны сами добивались власти и не были полубожественными сверхлюдьми, подобно фараонам, Минотавру или монархам Месопотамии. Таким образом, и

власть, и граждане имели свободу, не известную в прежних цивилизациях. Греки стали первыми в истории республиканцами.

Мы видим, что по мере развития от состояния варварской воинственности в интеллектуальной жизни греков возникает нечто новое — появляются люди, которые узнают и записывают добытые знания и исследуют тайны жизни и мира, что до сих пор было привилегией жрецов или развлечением царей. Уже в VI веке до нашей эры (когда Исаия пророчествовал в Вавилоне) такие люди, как Фалес, Анаксимандр Милетский и Гераклит из Эфеса, которых мы назвали бы теперь

свободомыслящими, посвящали свое время изощренным исследованиям окружающего мира и задавались вопросами об устройстве Вселенной и ее предназначении. Их не удовлетворяли обычные уклончивые или шаблонные ответы. Об исследованиях греками природы мы будем говорить в дальнейшем. Эти появившиеся в VI веке люди были первыми философами — «любителями мудрости».

Стоит отметить и то, сколь важным в истории человечества оказался VI век до нашей эры. В это время не только греческие философы начали вырабатывать идеи о Вселенной и предназначении

человека, не только Исаия поднял еврейскую проповедь на высочайший уровень, но, как мы увидим далее, в Индии учил Гаутама Будда, а в Китае — Конфуций и Лао-цзы. От Афин до Тихого океана человеческий ум пришел в возбужденное движение.

XVI. ВОЙНЫ ГРЕКОВ С ПЕРСАМИ

В то время, когда греки у себя на родине и в Южной Италии и Испании начинали свои свободные исследования, а еврейские пророки в Вавилоне и Иерусалиме учили человечество понятиям свободной совести, создавалась великая Персидская империя, которая по своей территории намного превосходила все ранее существовавшие государства. При царе Кире под властью персов

оказались Вавилон, древняя мидийская цивилизация, финикийские города Леванта. Данниками персов стали греческие города Малой Азии. Царь Камбиз покорил Египет, а мидиец Дарий I, третий из персидских правителей (521 г. до н. э.), стал, как тогда представлялось, повелителем всего мира. Гонцы развозили царские указы от Дарданелл до Инда и от Верхнего Египта до Центральной Азии.

Правда, европейские греки (в том числе в Италии, Карфагене, Сицилии и финикийских поселениях Испании) не подлежали власти персов, но уже опасались их. Только

родственные орды нордической расы в Южной России и Центральной Азии — скифы — совершали набеги на северные и северо-восточные границы персидской державы.

Конечно, основную массу великого царства составляли не завоеватели-персы, которые оставались в меньшинстве, а множество других племен и народов, живших на своих землях с незапамятных времен. Но языком административного управления был персидский, хотя торговля и денежное обращение оставались по большей части в руках семитов. Тир и Сидон, как и прежде, были главными средиземноморскими

портами, по морям плавали семитские корабли. Многие торговцы-семиты стали воспринимать еврейскую традицию и еврейские священные книги. Новым и быстро растущим элементом в этом царстве были греки, оказавшиеся не только серьезными соперниками семитов на море, но и, благодаря своему быстрому уму, весьма полезными чиновниками.

Дарий I вторгся в Европу, чтобы бороться со скифами, а для этого надо было добраться до Южной России. С большим войском он перешел Босфор и, миновав Болгарию, по мосту из лодок

переправился через Дунай и двинулся на север. Его войско испытывало величайшие лишения. Это была в основном пехота, и скифские всадники, не ввязываясь в большие сражения, перерезали все пути сообщения персов, после чего добивали отставших. Дарию пришлось бесславно отступить.

Оставив войско во Фракии и Македонии, он возвратился в Сузы^[14]. Македония покорилась ему, но после его поражения восстали греческие города в Азии и увлекли за собой европейских греков. Тогда Дарий решил покорить их. Имея в своем распоряжении финикийский флот, он захватывал один остров за

другим и наконец, в 490 г. до н. э., направил главный удар на Афины. Из Малой Азии отплыла целая армада, высадившая персидское войско у Марафона, к северу от Афин, где оно и было наголову разбито афинянами.

Именно тогда произошло одно необычайное событие. В Греции заклятым врагом Афин была Спарта, но Афины все-таки обратились к ней за помощью, послав для этого быстрого гонца. Они умоляли спартанцев не допустить того, чтобы греки стали рабами варваров. Гонец (первый бегун-марафонец) преодолел за два дня свыше ста миль по гористой местности. Спартанцы великодушно откликнулись на

просьбу, но когда их воины прибыли в Афины, все уже совершилось — перед ними предстало поле битвы с телами поверженных персов. Вражеский флот возвратился в Азию. Так закончилось первое персидское нападение на Грецию.

Гораздо опаснее оказалось следующее вторжение. Дарий умер вскоре после известия о марафонском разгроме, и в течение четырех следующих лет его сын и преемник Ксеркс собирался с силами, чтобы сокрушить греков. Страх перед нашествием объединил всю Грецию. Войско Ксеркса было, несомненно, мощнейшим за всю историю. В 480 г. до н. э. оно

перешло по наплавному мосту Дарданеллы, а флот следовал вдоль берега со всеми необходимыми припасами. Огромному войску на узком проходе у Фермопил противостояло 1400 воинов спартанского царя Леонида. После ожесточенного, небывалого по своему героизму сопротивления все они погибли, но и персы понесли немалые потери. Войско Ксеркса шло на Фивы [\[15\]](#) и Афины в подавленном состоянии духа. Фивы договорились с персами об условиях сдачи города. Афиняне оставили свою столицу, и она была сожжена.

Казалось, греки попали под власть завоевателей, но вопреки

всему они одержали победу. Греческий флот, в три раза меньше персидскою, атаковал его в бухте Саламин и разбил наголову. Ксеркс со своей колоссальной армией оказался отрезанным от припасов. С половиной войска он отступил в Азию, а оставшаяся половина потерпела поражение при Платее (479 г. до н. э.). Греки охотились за остатками персидского флота и окончательно уничтожили его у Микале в Малой Азии.

Персидская гроза миновала. Большинство греческих городов в Азии стали свободными. Обо всем этом очень подробно и живописно рассказано в первой из письменных

историй — «Истории» Геродота. Геродот родился в 484 г. до н. э. в ионийском городе Галикарнасе, что в Малой Азии. В поисках достоверных сведений он посетил Вавилон и Египет. После поражения при Микале Персия погрузилась в пучину династических распрей. Ксеркс был убит (465 г. до н. э.), а восстания в Египте, Сирии и Мидии покончили с недолговечным спокойствием в могущественном царстве. Геродот особо подчеркивал слабость Персии, но сегодня мы назвали бы его историю чистой пропагандой, призванной объединить греков ради победы над персами. Один из персонажей Геродота, Аристокор,

приходит к спартанцам с картой всего мира и говорит:

«Вам легко это сделать, ведь варвары не мужественны, а вы превосходите всех в военной доблести... Притом у жителей того материка столько богатств, сколько нет у всех прочих народов вместе: прежде всего золото, потом серебро, медь, пестрые одежды, вьючный скот и рабы. *Вам нужно только пожелать, и все будет ваше*»^[16].

XVII. ВЕЛИЧИЕ ГРЕЦИИ

Полтора столетия, последовавшие за разгромом Персии, были эпохой расцвета греческой цивилизации. Конечно, Грецию раздирала отчаянная борьба между Афинами, Спартой и другими государствами (Пелопоннесская война 431—404 гг. до н. э.); к тому же в 398 г. до н. э. македонцы стали ее фактическими хозяевами, и однако же именно в это время творческие достижения греков подняли их на небывалую высоту и стали истинным светочем для всего

человечества.

Главой и центром интеллектуальной деятельности были Афины. В течение более чем тридцати лет (466—428 гг. до н. э.) там правил выдающийся по своей энергии и великодушию человек — Перикл, стремившийся возродить Афины из пепла греко-персидских войн. Прекрасные руины, и по сей день прославляющие этот город, свидетельствуют о результатах его великого труда. Но он не только восстановил Афины, но и преобразил всю интеллектуальную жизнь. Перикл собирал вокруг себя зодчих и ваятелей, поэтов и драматургов, философов и учителей. Геродот

приезжал в Афины читать свою «Историю» (438 г. до н. э.), Анаксагор принес туда начатки научного описания Солнца и звезд. Эсхил, Софокл и Еврипид поднимали греческую драму на высочайшую ступень благородства и красоты.

Дело Перикла продолжало жить и после его смерти, хотя мир в Греции был нарушен Пелопоннесской войной и начавшейся длительной и изматывающей борьбой за «преобладание». Однако сумерки на политическом горизонте не только не обескураживали людей, но и поощряли их к творчеству.

Еще до Перикла, благодаря

особой свободой греческих учреждений, очень важным стало умение вести споры. Окончательное решение принадлежало не царю или жрецам, а народному собранию или совету самых влиятельных людей. Красноречие и способность находить убедительные аргументы сделались очень полезными качествами, в связи с чем появился целый класс учителей — софистов, которые обучали молодых людей этому искусству. Но рассуждать беспредметно невозможно — вслед за красноречием возникло стремление к познанию. Деятельность и соперничество софистов естественным образом повлекли за

собой придиричивую требовательность к стилю, логике и убедительности аргументов. В Афинах жил тогда Сократ, известный своей уничтожающей критикой той логики, на которой основывали свои рассуждения софисты. Вокруг Сократа собрался кружок блестящих молодых людей, но в конце концов их учитель был казнен будто бы за развращение умов (399 г. до н. э.). По благородному обычаю афинян того времени его приговорили выпить в присутствии друзей цикуту. Однако «развращение» умов все равно продолжалось. Молодые ученики не отказались от идей Сократа.

Главным среди них был Платон

(427—347 гг. до н. э.), рассуждавший о философии в рощах Академии. Его учете состояло из двух частей — исследования основ и способов человеческого мышления и рассмотрения политических учреждений. Он был первым человеком, написавшим Утопию, то есть проект лучшего сообщества людей, что демонстрирует небывалую смелость его ума, так как до него люди почти не задавались вопросами о социальных традициях и общественном устройстве. Платон говорил им: «Большинство социальных и политических зол заключено в вас самих, недостает только воли и смелости, чтобы

избавиться от них. Если вы обдумаете все это и начнете действовать, вы будете жить как подобает мудрецам. Но вы еще не сознаете собственной силы». Для такого смелого и рискованного учения умы обычных людей еще не созрели. Одной из ранних работ Платона было «Государство» — мечта о коммунистической аристократии, а последним, незавершенным трудом — «Законы», проект устройства еще одного утопического общества.

После смерти Платона критика методов мышления и правления была продолжена Аристотелем, происходившим из македонского

города Стагира, где его отец служил в должности придворного врача у македонского царя. Некоторое время Аристотель был учителем царского сына Александра (о нем еще речь впереди), которому предстояло совершить великие подвиги. Учение Аристотеля о методах мышления подняло науку логики на такую высоту, что оно главенствовало более пятнадцати веков, пока средневековые схоласты вновь не задались изначальными вопросами философии. Аристотель не писал утопий, он понял, что человек, прежде чем управлять своей судьбой (как того хотел Платон), должен обладать полными и точными

знаниями, и потому начал систематически собирать их. Теперь это называется наукой. Он посылал исследователей, чтобы они добывали факты, и был отцом не только естественной истории^[17], но и политологии. Его ученики в Лицее изучили и сравнили государственное устройство 158 стран...

Таким образом, уже в IV веке до нашей эры мы видим людей, которые вполне были «современными мыслителями». Детские, мечтательные методы первобытного мышления уступили место систематизации и критическому подходу к жизненным проблемам. Был полностью устранен роковой и

чудовищный символизм богов, который вместе со всеми табу и страхами лишь загромождал мышление. Оно стало развиваться свободно, ясно и упорядоченно. А потом свежая мысль пришельцев из северных лесов ворвалась в таинства храмов и принесла с собой дневной свет.

XVIII. ИМПЕРИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Продолжавшаяся с 431 по 404 г. до н. э. Пелопоннесская война опустошила Грецию. Тем временем на северных границах Эллады вырастала новая страна — родственная ей Македония, обитатели которой говорили на очень близком к греческому языке. Македонские атлеты иногда даже участвовали в Олимпийских играх. В 359 г. до н. э. царем этого маленького государства стал Филипп — человек,

лелеявший великие замыслы. Ему приходилось жить в Греции как заложнику; там он получил греческое образование и, возможно, познакомился с идеей Геродота о завоевании Азии объединенными силами греков.

Он занялся расширением и обустройством своего царства и прежде всего улучшением войска. Уже на протяжении тысячи лет решающей силой на поле сражения были боевые колесницы и пехота, причем конница проводила беспорядочные фланговые нападения, чтобы отвлечь неприятеля. Филипп построил пехоту как плотную массу воинов —

знаменитую македонскую фалангу, а всадников научил атаковать в тесном строю и таким образом изобрел кавалерию. Решающим в большинстве сражений Филиппа и его сына Александра был кавалерийский удар. Фаланга только *сдерживала* вражескую пехоту, а кавалерия опрокидывала конницу неприятеля на флангах и охватывала его с тыла. Колесницы обезвреживались лучниками, поражавшими лошадей стрелами.

С новой армией Филипп прошел через Фессалию до Греции, а победа над Афинами при Херонии повергла к его ногам всю Элладу. Мечта Геродота стала приносить плоды. На

совете греческих государств Филипп был избран главнокомандующим войсками греко-македонского союза против Персии. В 336 г. до н. э. его передовые отряды переправились в Азию, но уже без царя — предполагают, что его убили по наущению царицы Олимпии, матери Александра, из ревности к его второй жене.

Филипп очень заботился о воспитании сына и не только дал ему в учителя великого философа Аристотеля, но и посвящал Александра в свои замыслы, старался привить ему военный опыт. Уже при Херонии восемнадцатилетний юноша командовал конницей.

Благодаря этому в двадцать лет, взойдя на престол, он сумел сразу же продолжить дело отца и добиться успехов в войне с Персией.

Два года ему потребовалось для того, чтобы упрочить свое положение в Греции и Македонии, и в 334 г. до н. э., перейдя на азиатский берег, он разбил при Гранике численно превосходившее его персидское войско. Он овладел многими городами на побережье Малой Азии, в которых оставлял гарнизоны, поскольку в распоряжении персов находились флоты Тира и Сидона, а значит, им принадлежало господство на море. Если бы у него в тылу оказался хотя бы один вражеский

порт, персы смогли бы высадить войска и отрезать все пути сообщения. При Иссусе (333 г. до н. э.) он наголову разбил полчища Дария III. Подобно войску Ксеркса, перешедшему Дарданеллы полтора столетия назад, это были неорганизованные толпы, отягощенные множеством придворных чиновников, гаремов Дария и огромным обозом. Сидон сдался Александру; Тир, несмотря на упорную оборону, был взят штурмом и подвергся разграблению и уничтожению. Не выдержала штурма и Газа, а к концу 332 г. до н. э. завоеватель вступил в Египет и изгнал оттуда персов.

Он возвел большие города — Александретту и Александрию, уязвимые с суши и потому неспособные к восстаниям. Туда переместилась вся финикийская торговля, и из истории исчезают финикийцы западного Средиземноморья, а вместо них появляются евреи Александрии и других основанных Александром торговых городов.

В 331 г. до н. э. Александр, подобно фараонам Тутмосу и Рамсесу, вторгся из Египта в Вавилонию. При Арбелах, неподалеку от руин давно забытой Ниневеи, он снова сразился с Дарием и одержал решающую победу. Атаки

персидских боевых колесниц были отбиты, македонская конница рассеяла вражеские полчища, а фаланга довершила победу. Дарий первым обратился в бегство. Он не пытался больше сопротивляться захватчикам и скрылся на север, в Мидию. Александр пошел на все еще процветающий и влиятельный Вавилон, а потом в Сузы и Персеполь, где после пьяной оргии сжег дворец царя царей Дария.

После этого Александр совершил триумфальное шествие по Центральной Азии, дойдя до крайних пределов Персидской империи. Сначала он повернул на север и преследовал Дария, которого настиг

уже умирающим. Царя убили собственные придворные. Он еще дышал, когда подошел передовой отряд греков, но Александр в живых его не застал. Победитель прошел берегом Каспийского моря, углубился в горы Западного Туркестана, основал по пути Герат, спустился к Кабулу и направился в Индию. Здесь, на Инде, он сразился с царем Пором, здесь греки впервые встретились с боевыми слонами и победили их. Наконец они построили корабли и, спустившись до устья Инда, через шесть лет возвратились в Сузы (324 г. до н. э.). Александр занялся укреплением и организацией завоеванной империи. Он старался

привлечь к себе новых подданных, для чего облачился в одеяния персидского монарха и возложил на себя тиару. Это вызвало ревность македонских военачальников, хотя многих он женил на персиянках и вавилонянках, совершив своего рода «Бракосочетание Востока и Запада». Александру так и не удалось осуществить все задуманное. В 323 г. до н. э. лихорадка унесла его после пьяной оргии в Вавилоне.

Обширная империя сразу же развалилась. Одному из полководцев Александра, Селевку, досталась большая часть Персидской империи, от Инда до Эфеса, другому, Птолемею, — Египет, третьему,

Антигону, — Македония. Остальные страны переходили из рук в руки местных авантюристов. Начавшиеся с севера набеги варваров становились все чаще и губительней. И наконец, как мы увидим далее, с запада надвигалась мощная Римская республика, поглощавшая одну территорию за другой и соединявшая их в новую, более устойчивую империю.

ХІХ. МУЗЕЙ И БИБЛИОТЕКА В АЛЕКСАНДРИИ

Еще до эпохи Александра греки появились в большинстве персидских владений в качестве торговцев, художников, чиновников и наемных воинов. Десятитысячный греческий отряд под предводительством Ксенофонта участвовал в династических распрях после смерти Ксеркса. Его возвращение из Вавилона в малоазийскую Грецию описано самим Ксенофонтом в книге «Отступление десяти тысяч» —

одной из первых военных повестей, написанной самим полководцем. Завоевания Александра и раздел его недолговечной империи между греческими военачальниками способствовали проникновению греков, их языка, обычаев и культуры в другие страны Древнего мира. Следы этого проникновения находятся в таких отдаленных местах, как Центральная Азия и северо-запад Индии. Греки оказали глубокое влияние на развитие индийского искусства.

На протяжении многих веков Афины сохраняли свой престиж как центр искусств и культуры; в афинских школах обучали вплоть до

529 г. н. э., то есть почти тысячу лет. Однако первенство в интеллектуальной деятельности перешло все-таки к новому торговому городу — Александрии, основанной Александром. Македонский военачальник Птолемей стал фараоном, но его двор говорил на греческом языке. Птолемей был очень близок с Александром, глубоко проникся идеями Аристотеля и с большой энергией способствовал развитию образования и науки. Он описал походы Александра, но это сочинение было, к сожалению, утрачено.

Сам Александр тратил немалые

деньги на исследования Аристотеля, но Птолемей первым стал постоянно жертвовать на науку. Он основал в Александрии научное учреждение, посвященное музам, — Музей, в котором на протяжении двух-трех поколений велись чрезвычайно важные исследования. Эвклид и Эратосфен измерили диаметр Земли с точностью до 50 миль, Аполлоний занимался коническими сечениями, Гиппарх вычертил первую карту звездного неба, Герон изобрел первую паровую машину. Архимед приезжал из Сиракуз в Александрию и вел постоянную переписку с Музеем. Герофил, великий греческий анатом, практиковал там

вивисекцию.

В царствование Птолемея I и Птолемея II Александрия переживала блестящую эпоху расцвета наук, повторения которой пришлось ждать вплоть до XVI века нашей эры. Возможно, для ее упадка было несколько причин, и главная, как предложил профессор Мегаффи, заключалась в том, что Музей был своего рода «королевским» обществом, и все его члены назначались и содержались за счет фараона. Пока фараоном был ученик и друг Аристотеля Птолемей I, все шло хорошо. Но по мере того, как династия египтизировалась, Птолемеиды все больше попадали под

влияние египетских жрецов. Они более не поддерживали деятельность Музея, а их вмешательство окончательно удушило свободные исследования. Через сто лет после возникновения Музея ему уже почти нечем было похвастаться.

Птолемей I не только организовал исследования на самом современном научном уровне, он хотел собрать и сохранить в Александрийской библиотеке все накопленные знания. Книги не только переписывались там, но и продавались.

В Александрии мы впервые в истории сталкиваемся с интеллектуальной деятельностью в

том виде, в каком она существует среди нас, то есть в виде систематического сбора и распространения знаний. Основание Музея и Библиотеки явилось величайшим событием в жизни человечества — оно положило начало современной истории.

На пути накопления и распространения знаний встречались серьезные препятствия, например, огромная разница в общественном положении, отделявшая философов от торговцев и ремесленников. Вместе с тем имелось уже немало мастеров, создававших изделия из стекла и металла: яркие красочные бусинки, чаши и т. п. Но они не

делали ни флаконов (как впоследствии во Флоренции), ни линз, как будто прозрачное стекло их совершенно не интересовало. Ремесленники, работавшие с металлом, изготавливали оружие и ювелирные украшения, но не употребляли сплавов. Философы парили в рассуждениях об атомах и природе вещей, но не имели практических сведений о красителях и эмалях. Их не интересовали конкретные вещества, поэтому за недолгую эпоху процветания Александрии здесь и не создали ни микроскопа, ни химии. И хотя Герон изобрел паровую машину, ее не приспособили ни качать воду, ни

двигать лодки, ни для какого-нибудь другого полезного применения. Практические приложения науки касались только медицины, в остальном их не поддерживали и не поощряли. Когда исчезли умственные запросы Птолемея I и Птолемея II, уже ничто не способствовало проведению научных исследований. Открытия, совершенные в Музее, сохранялись в записях и стали известны лишь с возрождением наук в эпоху Ренессанса.

Точно так же и Библиотека не внесла улучшений в процесс изготовления книг. Древний мир не знал выделки листов бумаги из тряпичной массы. Бумагу изобрели

китайцы, и она появилась на Западе только в IX веке нашей эры. Материалом для письма был пергамент или папирусные полосы, которые сворачивали в свитки, очень неудобные для чтения. Процесс печатания был известен еще с Древнего Каменного века; так, уже в Шумере употреблялись печати, но за отсутствием большого количества бумаги книгопечатание было невыгодным; к тому же оно противоречило корпоративным интересам переписчиков. В Александрии имелось немало книг, но они были дорогими и, естественно, не способствовали распространению знаний за пределы

богатых и влиятельных классов общества.

Таким образом, эта вспышка интеллектуальной активности не покинула пределы узкого круга, соприкасавшегося с приближенными к первым двум Птолемеям философами. Она напоминала затемненный фонарь, внутри которого горит ослепительный свет, но этот свет снаружи никто не видит. Весь мир продолжал жить по-старому, не подозревая, что уже посеяны семена научного знания, которое в будущем его перевернет. Пока же мрак предрассудков и фанатизма окутал даже Александрию. Зерно, посеянное

Аристотелем, тысячу лет скрывалось во тьме. Но все-таки оно проросло и всего за несколько столетий из него выросло обширное знание, изменившее жизнь всего человечества.

Александрия была не единственным центром греческой мысли в III веке до нашей эры. Многие города распадающейся империи Александра жили напряженной интеллектуальной жизнью. Так, в греческом городе Сиракузы на Сицилии еще двести лет процветали наука и философия. В Малой Азии Пергам гордился богатейшей библиотекой. Однако на этот блестящий эллинистический

мир обрушились удары с севера. Новые варвары — галлы — вторглись сюда теми же путями, по которым шли когда-то предки греков, фригийцев и македонян. Они все разрушали и уничтожали. Вслед за галлами из Италии явились новые завоеватели — римляне, постепенно покорившие западную половину обширной империи Дария и Александра. Они были способным, но не творческим народом, больше ценившим закон и прибыль, чем науку и искусство. Еще одни завоеватели из Центральной Азии потрясали и покоряли империю Селевкидов, снова отрезая Западный мир от Индии. Это были парфяне —

орды наездников с луками, которые сделали с греко-персидской империей в III веке до нашей эры то же самое, что мидяне и персы с Вавилонским царством в VII и VI веке. А с северо-востока подступали новые кочевые народы — уже не белокурые нордические арийцы, а желтокожие и темноволосые МОНГОЛЫ.

XX. ЖИЗНЬ ГАУТАМЫ БУДДЫ

Теперь вернемся на три века назад и расскажем о великом учителе, совершившем революцию в религиозной жизни Азии. Это был Гаутама Будда, проповедовавший жителям индийского города Бенареса примерно в то самое время, когда Исаия пророчествовал в Вавилоне, а Гераклит размышлял о природе вещей в Эфесе. Все они жили в VI веке до н. э., но не знали друг о друге.

VI век до н. э. — один из самых замечательных в истории

человечества. Повсюду — в том числе и в Китае — человеческий ум исполнился новым дерзанием, пробудился от традиций древних царств, жреческих культов, кровавых жертвоприношений и задался глубинными вопросами жизни. После двадцати тысяч лет детства человечество вступило в эпоху созревания.

Древнейшая история Индии до сих пор почти неизвестна. Около 2000 лет до н. э. где-то на северо-востоке арийские народы спустились с гор и как завоеватели принесли свой язык и традиции. Они говорили на санскрите, разновидности арийского языка. У покоренных

народов была более развитая цивилизация, но им не удалось отстоять своих владений по Инду и Гангу. В отличие от греков и персов, завоеватели с ними почти не смешивались. Из далекого прошлого Индии туманно проступает общество, разделенное на части, не имевшие свободного общения между собой (совместная еда, браки, смешанные сообщества). Деление на касты продолжалось и во всей последующей истории Индии: в отличие от свободно смешивающихся европейских или монгольских общин Индия представляет собой сообщество сообществ.

Сиддхартха Гаутама происходил

из аристократического рода, который правил небольшим княжеством в отрогах Гималайских гор. В девятнадцать лет он женился на своей красавице кузине. Жизнь его протекала в развлечениях среди солнечных садов, рощ и рисовых полей. И вдруг на него напало какое-то беспокойство и неудовлетворение — тревога высокого ума, ищущего для себя достойной деятельности. Он почувствовал, что вовсе не живет настоящей жизнью, а лишь пребывает на затянувшемся празднике.

И вошло в него понимание смерти и болезней, бренности всякого земного счастья. Он встретил

одного бродячего аскета, которых уже тогда в Индии было много. Эти люди вели суровую жизнь, предаваясь созерцанию и религиозным спорам. Считалось, что они ищут глубинного понимания действительности, и Гаутамой овладело страстное желание последовать за ними.

По преданию, он обдумывал это желание, когда его известили о том, что жена родила ему сына-первенца. «Вот еще один узел, который придется разорвать!» — сказал Гаутама.

Он возвратился в свою деревню, где его встретили радостные сородичи и устроили большой праздник с танцами в честь нового

узла для Гаутамы. Ночью он проснулся от страшной тяжести на сердце, «как человек, у которого загорелся дом». Гаутама решил оставить свою счастливую, но бессмысленную жизнь. Неслышно войдя в комнату жены, он увидел при свете лампы, что она сладко спит среди цветов с младенцем на руках. Его охватило страстное желание в первый и последний раз обнять сына, но страх разбудить жену удержал его. Он повернулся, вышел из дома в яркий лунный свет, сел на лошадь и отправился в бескрайний мир.

Долго ехал он этой ночью, а утром был уже за пределами земель

своего рода. Остановившись у песчаной реки, Гаутама срезал ниспадавшие ему до плеч волосы, снял украшения и вместе с мечом и лошадью отослал их домой. Ему встретился человек в лохмотьях, и Гаутама поменялся с ним одеждой. Теперь, освободившись от мирских связей, можно было продолжить поиски мудрости. Гаутама направился на юг, к отрогам гор Виндхья, где в пещерах обитали отшельники и учителя, которые ходили в город за своим скудным пропитанием и возвещали людям слово истины. Гаутама изучил всю философию своего века, но его пронизательный ум не

удовлетворился ее ответами.

Индийское миросозерцание склонялось к тому, что силу и знание можно достичь лишь через крайний аскетизм: постами, отказом от сна, причинением себе боли. Гаутама решил испытать все это. Вместе с пятью учениками он удалился в джунгли, где предался голоду и самоистязаниям. Слава его распространилась, «подобно рокоту огромного колокола под небесным сводом», но это не принесло ему чувства обретенной истины. Однажды во время прогулки, стараясь сосредоточиться, несмотря на одолевавшую его слабость, он впал в бессознательное состояние, а

когда очнулся, вдруг ясно понял полную абсурдность подобных способов.

Он попросил обычной еды и отказался продолжать умерщвление плоти, отчего все его ученики пришли в ужас. Гаутама понял, что истина постигается нормальным мозгом и здоровым телом. Подобные идеи были совершенно чужды стране и эпохе. Опечаленные ученики ушли в Бенарес, оставив его скитаться в одиночестве.

Когда ум бьется над разрешением какой-нибудь сложной и запутанной проблемы, он, сам того не замечая, шаг за шагом движется вперед. А потом внезапно приходит

просветление и чувство победы. Так случилось и с Гаутамай. Однажды он сел под большим деревом у реки, чтобы поесть, и вдруг у него возникло ясное понимание смысла жизни. Как говорят, он просидел весь день и всю ночь, погруженный в глубокую задумчивость. Потом поднялся, чтобы поведать о своем просветлении всему миру.

Гаутама отправился в Бенарес, где разыскал своих учеников и обратил их на путь обретенной им истины. В Оленьем парке они сделали себе хижины и устроили нечто вроде школы, куда приходили многие ищущие мудрости.

Исходная точка нового учения

заклучалась в том самом вопросе, который возник у Гаутамы в дни мирского благополучия: «Почему во мне нет полного счастья?» Вопрос этот направлен внутрь себя и коренным образом отличается и от направленного вовне стремления Фалеса или Гераклита познать Вселенную, и от тех нравственных обязательств, которые пророки налагали на миропонимание иудеев. Индийский учитель хотел познать внутренний мир и разрушить собственное «я» человека. По его словам, страдание происходит от желаний, и пока не победишь их, жизнь будет мятущейся, а конец печальным. Есть три разновидности

желаний, и все они суть зло. Первое — желания чревоугодия и чувственности, второе — стремление к личному эгоистическому бессмертию, третье — желания успеха и признания, жадность и тому подобное. Чтобы избежать бед и страданий, все желания необходимо преодолеть. Когда «я» исчезнет, придет безмятежность души — Нирвана, величайшее из возможных благ.

Таково его учение, изощренное и метафизическое по своей сути и куда более трудное для понимания по сравнению со стремлением греков видеть все ясно и правильно или еврейскими заповедями страшиться

Бога и идти праведным путем. Это учение оказалось недоступным даже для учеников Гаутамы, и неудивительно, что как только исчезло влияние его личности, оно было извращено и огрублено. В Индии широко распространилась вера в то, что через определенные промежутки времени на землю нисходит сама Мудрость и воплощается в каком-то избранном человеке, которого называют Буддой. Ученики Гаутамы провозгласили его последним из Будд, хотя неизвестно, принял ли он это имя. Вскоре после смерти Гаутамы вокруг него стали слагаться фантастические легенды. Человеческому сердцу чудо ближе,

чем нравственный подвиг, и поэтому Гаутама Будда превратился в великого чудотворца

И все-таки он принес людям великую пользу. Для большинства Нирвана была слишком возвышенна и утонченна, а их стремление к мифотворчеству оказалось притягательнее простых фактов жизни Гаутамы, но они смогли уловить хотя бы немного из того, что Гаутама называл восьмеричным путем, Благородной дорогой жизни. Главным были правильное мышление, правильные цели, правильные слова и правильная жизнь. Это пробуждало самосознание, призывало к

великодушию и самоотречению.

XXI. ЦАРЬ АШОКА

На протяжении нескольких поколений после смерти Гаутамы его возвышенное и благородное учение о преодолении себя привлекало к себе лишь немногих. Зато поразило воображение одного из величайших монархов мира.

Уже упоминалось о походе Александра Великого в Индию и его войне с Пором на берегах Инда. Греческие историки рассказывают, что некто Шандрагупта Маурья пришел к Александру, чтобы убедить его двинуться на Ганг и завоевать всю Индию. Но македонцы не

захотели идти дальше. Через некоторое время (321 г. до н. э.) Шандрагупта сумел заручиться поддержкой горных племен и осуществил свои замыслы без помощи греков. Он создал на севере Индии империю, напал в Пенджабе на Селевка I (303 г. до н. э.) и уничтожил последние остатки греческого влияния. Его сын расширил новое царство, и внук Ашока в 264 г. до н. э. стал править землями от Афганистана до Мадраса.

Сначала Ашока собирался последовать примеру отца и деда и завершить завоевание полуострова Индостан. Он вторгся в Калингу, к востоку от Мадраса, и вел там

успешную войну (225 г. до н. э.). Но — единственному среди завоевателей — ему стали вдруг отвратительны ужасы войны. Он прекратил ее и с тех пор никогда больше не воевал. Ашока воспринял миротворческое учение буддизма и провозгласил, что отныне будет сражаться только мечом веры.

Правление Ашока в течение двадцати восьми лет было одним из самых светлых периодов в мучительной истории человечества. Он повелел рыть по всей Индии колодцы и высаживать деревья; устраивал больницы и общественные сады, где выращивали целебные травы. Он назначил чиновников для

помощи покоренным народам. Он заботился об образовании женщин и широко благодетельствовал буддийским монахам, которых побуждал заботиться о своих священных книгах, ибо извращения и наслоения очень скоро стали портить простое и чистое учение великого Гаутамы. Ашока отправлял миссионеров в Кашмир, Персию, Цейлон и Александрию.

Таков был Ашока, величайший из царей, далеко опередивший свое время. Он не оставил после себя ни наследника, ни организации, которые продолжили бы его дело. Через сто лет его славное царствование сохранилось только в

памяти потрясенной и
распадающейся Индии. Самая
высшая и привилегированная каста
брахманов противостояла учению
Будды, они постепенно подорвали
его влияние. Вновь вернулись
прежние боги-чудовища
бесчисленных индуистских культов.
Долгие столетия буддизм и
брахманизм процветали, не мешая
друг другу, но буддизм разлагался, и
многоликий брахманизм занял его
место. Зато за пределами Индии
учение Будды распространилось в
Китае, Таиланде, Бирме и Японии,
где оно преобладает до сих пор.

XXII. КОНФУЦИЙ И ЛАО-ЦЗЫ

Расскажем еще о двух великих людях — Конфуции и Лао-цзы, которые жили все в том же удивительном VI веке до нашей эры, когда началось взросление человечества.

Мы еще почти ничего не сказали о первоначальной истории Китая, тем более что о ней мало что известно. Очень давно в долинах великих рек из гелиолитической культуры возникла первобытная китайская цивилизация. Как в Египте и Шумере, она была

сосредоточена вокруг храмов, где жрецы и цари-жрецы приносили богам ежегодные кровавые жертвы. Вероятно, жизнь в этих городах была очень похожа на жизнь египтян и шумеров 6—7 тысяч лет назад или племен майя в Центральной Америке за тысячу лет до нашей эры.

Но если в Китае и были человеческие жертвоприношения, то задолго до наступления исторических времен их сменили жертвоприношения животных. Гораздо раньше 1000 года до нашей эры в Китае появилось рисуночное письмо.

Подобно тому, как первобытные цивилизации Европы и Западной

Азии враждовали с кочевниками пустынь и кочевниками севера, первобытные цивилизации Китая были окутаны облаком кочевых народов. Многие из них говорили на родственных языках и имели сходные обычаи и нравы. О них — гуннах, монголах, турках и татарах — на протяжении долгих времен не переставала твердить история. Они изменялись и разделялись, смешиваясь в разнообразных сочетаниях, как это было у северных народов и племен Центральной Азии, у которых зачастую менялись только названия, а не суть. Монгольские кочевники приручили лошадей раньше, чем северные

народы, а где-то в районе горного Алтая около 1000 г. до н. э. ими была изобретена выплавка железа. Как и на Западе, восточным кочевникам удалось объединиться, и они стали завоевателями оседлых и цивилизованных народов.

Вполне возможно, что древнейшая китайская цивилизация была немонгольской, как не была нордической или семитской древнейшая цивилизация в Европе, которую создали темноволосые племена родственные древним египтянам, шумерам и дравидам. К началу письменной истории Китая там уже могли произойти и завоевания, и смешение народов. Во

всяком случае к 1750 г. до н. э. Китай представлял собой обширную систему мелких городов-государств, признававших свою (не очень сильную) зависимость от великого жреца-императора, Сына Неба. Династия Шан, прервавшаяся в 1125 г. до н. э., сменилась династией Чжоу, сохранявшей в Китае мирное единство до времен Ашоки в Индии и Птолемеев в Египте. Но постепенно страна распалась под ударами гуннов, которые разделили ее на независимые княжества. По китайским свидетельствам в VI веке до н. э. там насчитывалось пять-шесть тысяч независимых государств. Этот период китайцы

назвали «Веком Смуты».

Но век смуты вполне мог сочетаться с умственной деятельностью и существованием центров искусства и цивилизованной жизни. Когда мы лучше узнаем китайскую историю, то, несомненно, обнаружим там свой Милет и свои Афины, свой Пергам и свою Македонию. Но пока наши сведения об этом периоде разделенного Китая неясны и скудны.

Подобно тому, как в раздробленной Греции процветали философы, а среди плененных и порабощенных евреев — пророки, так и в потрясенном Китае были свои учителя и мудрецы, как будто

опасности и неуверенность в завтрашнем дне способствуют появлению выдающихся умов. Конфуций происходил из аристократического рода в небольшом государстве Лу и — в духе греков — создал здесь Академию для постижения мудрости. Его глубоко угнетали беззаконие и беспорядок, царившие в Китае. Конфуций выработал идеал идеального правления и идеальной жизни. Он перебирался из одного государства в другое в поисках правителя, который воплотил бы в жизнь его законодательные и просветительские идеи, но так его и не нашел. При дворе одного государя

интриги фаворитов подорвали влияние Конфуция, и предлагавшиеся им реформы были отвергнуты. Интересно, что полтораста лет спустя греческий философ Платон также искал покровителя и какое-то время был советником тирана Дионисия, правившего в Сиракузах на Сицилии.

К концу жизни у Конфуция остались только разочарования. «Для меня не нашлось просвещенного правителя, мне пора умирать», — говорил он. Но в его учении оказалось гораздо больше жизненной энергии, чем он полагал перед своей кончиной, оно послужило колоссальной созидательной силой

для всего китайского народа и стало, по выражению самих китайцев, одним из Трех Учений (наряду с буддизмом и даосизмом).

Конфуцианство — путь благородного человека, для которого главное — личное поведение, как для Гаутамы — умиротворение и самоотверженность, для греков — познание внешнего мира, а для евреев — праведность. Среди великих учителей Конфуция более всего заботил дух общества. Его бесконечно угнетала всеобщая смута и страдания, он хотел сделать человека благороднее и тем самым облагородить окружающий мир. Он стремился упорядочить жизнь и

создать здравые правила на все ее случаи. К этому времени в Северном Китае вырабатывался идеал воспитанного и благородного человека, проникнутого духом общности, и Конфуций придал ему окончательную форму.

Учение Лао-цзы, который долгое время был хранителем императорской библиотеки при династии Чжоу, гораздо мистичнее и неопределеннее, чем философия Конфуция. Он проповедовал стоическую отрешенность от мирских наслаждений и стремления к власти и возвращение к простой жизни. Оставшиеся от него тексты лаконичны, трудны для понимания и

напоминают загадки. Учение Лао-цзы после его смерти, как и учение Гаутамы, было искажено и подменено мифами и обрядами. Как и в Индии, в Китае первобытная магия и легенды детской эпохи человечества боролись с новым мышлением и опутывали его нелепыми и бессмысленными обрядами. В современном Китае буддизм и даосизм представляют собой религии монахов и священнослужителей. Если не по идеям, то по форме они повторяют древний тип жертвенного культа шумеров и египтян. С учением Конфуция, благодаря его простоте, ясности и неподверженности

искажениям, этого не случилось.

Северный Китай в долине Хуанхэ воспринял дух и смысл конфуцианства, а в области Янцзы укоренился даосизм. С тех времен и прослеживается конфликт между ними во всей китайской жизни, конфликт официального и консервативного Севера и гибкого, скептического Юга.

Разложение Китая достигло наихудшего состояния в VI веке до нашей эры. Династия Чжоу настолько ослабла и дискредитировала себя, что Лао-цзы покинул императорский двор и удалился в частную жизнь.

Три силы определяли положение

страны в эту эпоху: Ци и Цзин на севере и агрессивно-воинственная власть Чу в долине Янцзы. В конце концов Ци и Цзин объединились, победили Чу, согласились о разоружении и установлении всеобщего мира. Преобладающей стала власть Цзин: во времена индийского царя Ашоки монарх этой династии захватил священные сосуды императоров Чжоу и присвоил себе их жреческие прерогативы. Его сын Ши-хуанди (царь в 246 г. до н. э., император с 220 г.) назван в китайских хрониках «Первым Вселенским Императором».

Более удачливый, чем Александр, он царствовал тридцать

шесть лет. Его деятельное правление положило начало новой эре единства и процветания китайского народа. Он энергично сражался против вторгшихся с севера гуннов. Чтобы воспрепятствовать набегам кочевников, при нем было начато строительство Великой Китайской стены.

XXIII. РИМ ВСТУПАЕТ В ИСТОРИЮ

Читатель уже, вероятно, заметил подобие истории всех цивилизаций, несмотря на такие преграды между ними, как горные массивы Центральной Азии и Индии. Сначала на протяжении тысячелетий гелиолитическая культура распространялась по теплым и плодородным речным долинам Старого Света и породила систему храмов с жрецами-правителями. Ее создателями были, по всей

видимости, те черноволосые племена, которых мы называли центральной расой человечества. Затем из мест сезонных миграций и пастбищ пришли кочевники и привили первобытной цивилизации свои качества, а зачастую и свой язык. Они не только были завоевателями, но и стимулировали развитие культуры. В Месопотамии такого рода ферментами стали эламиты, затем семиты и, наконец, северные мидийцы и персы, для эгейских народов ими стали греки, в Индии — арийцы. В Египет с его высокоразвитой жреческой цивилизацией завоеватели вторгались реже. В Китае

завоеватели-гунны
ассимилировались, но за ними
пришли новые гунны, и Китай
монголизировался точно так же, как
Северная Индия и Греция стали
арийскими, а Месопотамия —
семитской. Повсюду кочевники
несли с собой разрушения и, вместе
с тем, дух свободного исследования и
нравственного обновления. Они
подвергали сомнению древние
верования и открывали врата храмов
для дневного света. Их цари не были
ни жрецами, ни богами, а всего лишь
вождями, избиравшимися из числа
других предводителей.

В следующие шесть веков до
нашей эры мы видим повсюду

сильнейший упадок древних традиций и пробуждение нового духа нравственных и умственных интересов, который уже не угасал. Чтение и письмо становятся обычными и доступными для правящего и состоятельного меньшинства, а не ревниво охраняемыми тайнами жрецов. Умножаются путешествия, а способы передвижения благодаря лошадям и дорогам совершенствуются. Для облегчения торговли было изобретено новое удобное средство — деньги в виде монет.

Перенесемся теперь из Китая в Старый Свет, в западную часть Средиземноморья. Здесь возник

город Рим, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в истории человечества

Пока мы почти ничего не говорили об Италии. Ранее 1000 года до нашей эры это была лесистая и малонаселенная горная страна. Наступая вдоль Апеннинского полуострова к югу, арийские племена создавали города, и на южной его оконечности возникло множество греческих колоний. Величественные руины Пестума донесли до наших дней великолепие древнегреческих поселений. В центральной части полуострова обосновались этруски — неарийское племя, родственное эгейским народам. Они

приостановили происходящий процесс, покорив некоторые арийские племена. Рим появляется в истории как небольшой торговый город возле брода через Тибр, населенный латиноязычным племенем под властью этрусских царей. Древние хроники называют годом его основания 753 г. до н. э., на пол века позже возникновения финикийского Карфагена и через двадцать три года после Первой Олимпиады. Однако на римском Форуме были раскопаны еще более древние этрусские захоронения.

В замечательном VI веке до нашей эры этруски были изгнаны (510 г.), и Рим стал

аристократической республикой, где класс «патрицианских» семейств властвовал над «плебеями». За исключением латинского языка Рим во многом напоминал аристократические греческие республики.

Несколько столетий внутренняя история Рима сводилась к долгой и упорной борьбе плебеев за свободу и участие в правлении. В этом конфликте очевидны греческие аналогии, сами греки называли бы его соперничеством аристократии и демократии. В конце концов плебеям удалось лишить знатные семейства привилегий, добиться фактического равенства и распространить римское

гражданство на многих «чужаков». Внутренняя борьба не мешала, однако, усилению Рима за его пределами.

Римская экспансия началась в V веке до нашей эры. До этого римляне воевали (по большей части неуспешно) только с этрусками. Всего в нескольких милях от Рима находилась этрусская крепость Вейи, которую они никак не могли взять. В 474 г. до н. э. этрусков постигла катастрофа — их флот был уничтожен сицилийскими греками, а с севера на них обрушились захватчики-галлы. Зажатые между римлянами и галлами, этруски исчезли из истории. Галлы захватили

крепость Вейи, а заодно разграбили Рим (390 г.), но не сумели взять Капитолий — о ночном штурме жителей предупредил гусиный крик. В конце концов от захватчиков откупились, и они ушли на север Италии.

Нападение галлов послужило скорее укреплению, чем ослаблению Рима. Римляне покорили этрусков и распространили свою власть на всю центральную часть полуострова от Арно до Неаполя (около 300 г. до н. э.). Их завоевания в Италии происходили одновременно с усилением Филиппа в Македонии и Греции и походами Александра в Египет и на Ганг. Ко времени

распада империи Александра Рим становится известным всему цивилизованному Востоку.

К северу от Рима находились галлы, к югу (на Сицилии и на каблуке итальянского сапога) — поселения Великой Греции. Галлы были смелым и воинственным народом, и римляне с трудом сдерживали их напор линией крепостей и укрепленных поселений. А греческие города на юге во главе с Тарентом (ныне Таранто) не столько угрожали Риму, сколько сами боялись его и искали себе союзников против новых завоевателей.

Мы уже говорили, как

распавшуюся империю Александра поделили между собой его полководцы, в числе которых был его родственник Пирр, обосновавшийся в Эпире на берегу Адриатического моря, напротив итальянского каблука. Он вознамерился последовать примеру Филиппа Македонского и завоевать Тарент, Сиракузы и сопредельные с ними страны. У него было великолепное войско — фаланга пехотинцев, фессалийская конница, двадцать боевых слонов. Пирр вторгся в Италию и разгромил римлян в битвах при Гераклее (280 г.) и Аускуле (279 г.). Прогнав их на север, он приступил к завоеванию Сицилии.

Но здесь его встретил более опасный враг, чем римляне, — финикийский торговый город Карфаген, который был тогда, вероятно, величайшим городом мира. Карфагеняне хорошо помнили судьбу, постигшую полвека назад их метрополию Тир, и послали на помощь Риму свой флот, прервавший пути сообщения Пирра на море. Римляне нанесли ему жестокое поражение у Беневента, между Неаполем и Римом.

Пирру пришлось вернуться к себе в Эпир, где уже появились галлы. Они обошли укрепленную римскую границу и через Иллирию (ныне Сербия и Албания) вторглись в

Македонию и Эпир. Отброшенный римлянами, перед лицом угрозы карфагенского флота на море и галлов на суше, Пирр отказался от своих завоеваний (275 г.), и римское владычество распространилось до Мессинского пролива.

Тем временем греческий город Мессина на Сицилии был захвачен пиратами. Карфагеняне, ставшие фактическими владыками Сицилии и союзниками Сиракуз, изгнали пиратов (270 г.) и оставили там свой гарнизон. Но пираты пожаловались Риму, тот встал на их сторону, и таким образом по обеим сторонам Мессинского пролива лицом к лицу оказались две враждебные силы:

Карфаген и народ новоявленных
завоевателей — римляне.

XXIV. РИМ И КАРФАГЕН

В 264 г. до н. э. начались Пунические войны — великая схватка Рима с Карфагеном. В этом году Ашока стал царствовать в Бехаре, Ши-хуанди был еще ребенком, александрийский Музей продолжал научную деятельность, а варвары-галлы вторглись в Малую Азию и потребовали дань от Пергама. Разные части Земли были отделены друг от друга непреодолимыми расстояниями, и, вполне возможно, до остального человечества доходили лишь смутные

слухи о смертельном
противоборстве, длившемся более
полутора веков в Испании, Италии,
Северной Африке и Западном
Средиземноморье между
Карфагеном, последним оплотом
семитов, и Римом, новичком среди
арийских народов.

Начавшаяся война привела к
последствиям, которые до сих пор
влияют на весь мир. Рим победил
Карфаген, однако соперничество
арийцев и семитов вылилось в конце
концов в противостояние язычников
и евреев.

Первая Пуническая война
началась в 264 г. до н. э. из-за
мессинских пиратов и превратилась

в борьбу за обладание частью Сицилии, неподвластной греческому царю в Сиракузах. Преимущество на море оставалось сначала за Карфагеном, имевшем корабли неслыханных доселе размеров — квинтиремы, то есть галеры с пятиместными рядами гребцов и мощным тараном. В битве при Саламине двести лет назад главной ударной силой греков были триремы, имевшие трехместные ряды. Но римляне проявили исключительную энергию и, несмотря на отсутствие опыта в мореходстве, создали с помощью греков новый флот. Чтобы как-то восполнить свое отставание в морском искусстве, они изобрели

абордажный бой. Когда карфагенские суда таранили корабль противника и ломали весла, римляне цеплялись за них большими железными крюками, перебирались через борт и захватывали неприятельское судно. Карфагеняне потерпели сокрушительные поражения при Милах (260 г.) и Экноме (256 г.). Они отбили римский десант возле Карфагена, но были наголову разбиты у Палермо, потеряв сто четыре боевых слона. В ознаменование победы в Риме впервые устроили триумфальное шествие через Форум. Затем последовали два поражения римлян, которым, впрочем, удалось вскоре

оправиться. Остатки карфагенского флота были уничтожены в сражении у Эгадских островов (241 г.), и Карфаген запросил мира. Вся Сицилия за исключением владений сиракузского царя Гиерона II попала под власть Рима.

Следующие 22 года Рим и Карфаген сохраняли мир, — у обоих и без того было достаточно неприятностей. В Италию вновь вторглись галлы и угрожали Риму, *где прибегли даже к человеческим жертвоприношениям, чтобы умилостивить богов!* Галлов удалось одолеть при Теламоне, и Рим продвинулся за Альпы, распространив свои владения на

Адриатическое побережье вплоть до Иллирии. Карфаген страдал от внутренних неурядиц и восстаний на Корсике и Сардинии; жизненных сил у него оставалось все меньше и меньше. Наконец Рим совершил акт открытой агрессии и захватил оба мятежных острова

В то время Испания вплоть до реки Эбро принадлежала карфагенянам. Дальше их не пускали римляне, которые считали нарушение этой границы началом войны. Наконец молодой карфагенский полководец Ганнибал, один из самых выдающихся за всю военную историю, в ответ на римские провокации перешел Эбро

(218 г.). Преодолев Альпы и вторгшись в Италию, он возмутил против Рима галлов. Так началась Вторая Пуническая война, длившаяся пятнадцать лет. Ганнибал нанес римлянам жестокие поражения у Тразименского озера и при Каннах. Римляне не смогли противостоять ему, но высадили свое войско в Марселе и перерезали сообщения Ганнибала с Испанией. У Ганнибала не было осадных машин, и потому он не мог взять Рим. В конце концов под угрозой бунта нумидийцев карфагенянам пришлось вернуться в Африку для защиты своей столицы, и Ганнибал потерпел первое поражение при Заме (202 г.) от

Сципиона Африканского Старшего. Этой битвой завершилась Вторая Пуническая война. Карфаген капитулировал и отдал Риму Испанию и весь свой военный флот. Кроме того, пришлось выплатить огромную контрибуцию и согласиться на выдачу Ганнибала римлянам. Ганнибал бежал в Азию, где, не желая оказаться в плену у своих извечных врагов, принял яд.

На протяжении 56 лет Рим и разоренный Карфаген пребывали в мире, но Рим уже распространил свое владычество на охваченную смутами и раздробленную Грецию, его войска вторглись в Малую Азию и разгромили при Магнезии и Лидии

селевкидского царя Антиоха III. Египет, пребывавший под властью Птолемеев, Пергам и большинство мелких государств Малой Азии были превращены в «союзников» или, как бы мы сейчас их назвали, в «протектораты».

Тем временем поверженный и ослабленный Карфаген мало-помалу приходил в себя. Возрождение усиливало давнишнюю ненависть к римлянам, которые, воспользовавшись незначительным конфликтом, напали на Карфаген (149 г.). Несмотря на долгое и упорное сопротивление, город был взят штурмом. Кровопролитные бои на улицах продолжались шесть дней,

а когда город сдался, в живых осталось всего 50 тысяч жителей из четверти миллиона. Все они были проданы в рабство; город сожгли и сровняли с землей, которую в знак символического уничтожения перепахали плугом.

Так завершилась Третья Пуническая война. Теперь из всех семитских государств, процветавших в последние пять веков, только одно оставалось под властью своих правителей: Иудея, освободившаяся от Селевкидов и управлявшаяся царями Маккавейской династии. К этому времени уже почти завершилось составление Библии и развились традиции еврейского

мира, известные нам и сегодня. Вполне естественно, что для карфагенян, финикийцев и других родственников им народов, рассеянных по всему свету, связующим звеном явился практически один и тот же язык и его литература, воплощавшая собой надежду и мужество. Кроме того, они по-прежнему оставались всемирными банкирами и купцами.

Иерусалим, являвшийся скорее символом, чем центром иудаизма, попал под власть Рима в 68 г. до н. э. и после ряда превратностей, когда его фиктивная независимость чередовалась с восстаниями, был снова взят римлянами (70 г. н. э.), разрушившими Храм. Восстание

132 г. н. э. привело к полному
уничтожению Иерусалима.
Известный нам Иерусалим
выстроили уже при римском
владычестве, причем римляне
поставили на место иудейского
Храма храм Юпитера
Капитолийского, а самим евреям в
городе жить запретили.

XXV.

ВОЗВЫШЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Новая могущественная сила, возникшая в Риме во II—I веках до нашей эры и подчинившая себе весь западный мир, во многом отличалась от великих империй, которые некогда господствовали в цивилизованном мире. Рим не был монархией и не являлся порождением одного великого завоевателя, но не был он и первой

среди республик. Афины во времена Перикла объединили под своей эгидой союзников и зависимые государства. Карфаген перед Первой Пунической войной властвовал над Сардинией, Корсикой, Марокко, Алжиром, Тунисом и большей частью Испании и Сицилии. Риму удалось избежать уничтожения, и он продолжал развиваться.

Центр этой системы находился далеко на западе от древних центров, располагавшихся в долинах рек Месопотамии и Египта, что позволяло Риму приобщать к цивилизации новые страны и новые народы. Римское владычество распространялось до Марокко и

Испании, на территорию современной Франции и Бельгии, захватывало Британию, а на юго-востоке доходило до Венгрии и Южной России, но оно не смогло утвердиться в Центральной Азии или Персии из-за их отдаленности от административных центров. Рим впитал в себя огромные массы нордических арийских народов и почти всех греков. Его население было в меньшей степени хамитским или семитским по сравнению с прежними империями.

Несколько столетий Римской империи удавалось избегать судьбы персов и греков, быстро вступивших на путь гибели; она все время

развивалась. Правители мидян и персов за одно поколение вавилонизировались; они венчались тиарой царя царей и обращались к местным богам, жрецам и храмам. Александр и его преемники шли по этому же пути ассимиляции; царский двор и система управления селевкидов были почти такие же, как у Навуходоносора; Птолемеи стали фараонами и превратились в египтян. Точно так же когда-то ассимилировали семитские завоеватели Шумера. Но римляне правили из своей столицы и на протяжении нескольких столетий придерживались своих законов. Единственным народом, который

влият на них вплоть до II—III века нашей эры, были родственные им греки. Таким образом, Римская империя явилась в сущности первой попыткой установить господство на арийских республиканских принципах, а не на системе единоличного завоевателя, правящего в столице, которая возникла вокруг храма, посвященного божеству урожая. Боги и храмы римлян, как и греческие боги, представляли собой как бы бессмертных людей, обожествленных патрициев. Приносились и кровавые жертвы, во времена бедствий даже человеческие, чему римляне могли научиться у полузабытых этрусков,

но храмы и жрецы стали играть важную роль в его истории только тогда, когда Рим давно миновал апогей своего развития.

Римская империя оказалась совершенно незапланированным явлением; римляне почти неосознанно для самих себя оказались вовлеченными в обширный административный эксперимент. И все-таки в конце концов Римская империя рухнула. От века к веку она заметно менялась, переменившись за сто лет сильнее, чем Бенгалия, Месопотамия или Египет за тысячу.

В определенном смысле римский эксперимент не удался. С другой стороны, он все еще остается

незавершенным, поскольку Европа и Америка и сейчас пытаются разрешить те проблемы мирового правления, с которыми впервые столкнулись римляне.

Историку необходимо учитывать колоссальные перемены, происходившие при римском господстве не только в политике, но и в общественной жизни и нравственности. До сих пор сильна привычка воспринимать Рим как нечто устойчивое и благородное. Маколеевские «Предания древнего Рима»[\[18\]](#), Катон Старший, Сципионы, Юлий Цезарь, Диоклетиан, Константин Великий, триумфы и речи ораторов,

гладиаторские бои и христианские мученики — все смешивается у нас в единую картину чего-то возвышенного, жестокого и величественного. Необходимо разделить слившиеся части этой картины, изображающей куда более глубокие перемены, чем те, что отделяют Лондон времен Вильгельма Завоевателя от столицы современной Великобритании.

Для удобства можно разделить историю Рима на четыре стадии. Первая начинается после разграбления города галлами в 390 г. до н. э., продолжается до Первой Пунической войны (240 г.) и может быть названа стадией

ассимилированной республики. Возможно, это была лучшая и характернейшая эпоха римской истории. Извечное противостояние патрициев и плебеев приближалось к концу, исчезла этрусская угроза, никто еще не был ни слишком богат, ни слишком беден, и большинство людей вдохновлялось общественными идеалами — нечто вроде республики южно-африканских буров до 1900 года или северных штатов Американского союза между 1800 и 1850 гг., иначе говоря, республика свободных земледельцев. В начале этой стадии Рим представлял собой крошечное государство, расположенное на

двадцати квадратных милях. В схватках с родственными соседями он стремился не покорить их, а с ними объединиться. Столетия гражданских смут научили римлян искусству компромисса и уступок. Некоторые из побежденных городов полностью романизировались, получали право голоса в управлении, а иногда и самоуправление. В стратегически важных городах были размещены гарнизоны, составленные из полноправных граждан, а среди недавно завоеванных народов основаны колонии, обладавшие разного рода привилегиями. Были построены отличные дороги. Неизбежным следствием такой

политики стала быстрая латинизация Италии. В 89 г. до н. э. все свободные жители полуострова стали гражданами города Рима. Формально Римская империя превратилась в один огромный город. В 212 г. н. э. на всем ее пространстве любой свободный человек имел римское гражданство и право, если он мог попасть в столицу, голосовать на городском собрании Рима.

Столь широкое распространение гражданства было характерным приемом римской политики. Оно ставило с головы на ноги процесс завоевания, когда победители ассимилировали побежденных.

Однако после Первой

Пунической войны и присоединения Сицилии, хотя ассимиляция продолжалась, возникла и совершенно иная тенденция. Сицилия оказалась в положении завоеванной добычи и была провозглашена «владением» римского народа. Ее плодородная земля и трудолюбивое население стали предметом обогащения Рима. Большая часть этого богатства и множество рабов достались патрициям и самым влиятельным из плебеев. До Первой Пунической войны население Римской республики состояло главным образом из граждан-земледельцев. Военная служба была для них и

привилегией, и обязанностью. Но пока они находились в войске, их хозяйства отягощались долгами, а рядом с ними росли обширные рабовладельческие латифундии. Возвращаясь домой, воины сталкивались с конкуренцией рабовладельцев из Сицилии и других новых имений. Времена переменялись, Римская республика стала совсем другой. Но обездоленной оказалась не только Сицилия, простой человек также попал в руки богатого кредитора. Рим вступил во вторую стадию своей истории — эпоху предприимчивых богачей.

Двести лет римские воины-

земледельцы боролись за свободу и право участвовать в управлении государством и целое столетие пользовались завоеванными привилегиями, но Первая Пуническая война ограбила их и лишила всего достигнутого.

Ценность избирательных привилегий испарилась. В Римской республике было два органа власти: первый, самый значительный — Сенат, состоявший первоначально из патрициев, а затем и из знатных горожан, собиравшихся по призыву облеченных властью чиновников — консулов и цензоров. Подобно английской Палате лордов, он превратился в собрание крупных

землевладельцев, влиятельных политиков, богатых торговцев и т. п. На протяжении трех столетий, начиная с Пунических войн, Сенат был центром римской политической мысли и деятельности. Второе место занимало Народное собрание. Теоретически в нем участвовали все граждане Рима. Когда территория Рима занимала всего двадцать квадратных миль, в этом не было ничего невозможного, но после распространения римского гражданства за пределы Италии об этом не могло быть и речи. Народное собрание постепенно превращалось в собрание продажных политиканов и отбросов общества. В IV в. до н. э.

Народное собрание в значительной мере ограничивало Сенат и представляло права и интересы простых людей, но к концу Пунических войн оно превратилось в бессильный пережиток поверженного народовластия.

Ничего похожего на представительное правление в Римской республике не было. Никому и в голову не приходило избирать депутатов, выражавших волю граждан. Это очень важное обстоятельство. Народное собрание города Рима никоим образом не походило на американскую Палату представителей или английскую Палату общин. В теории оно

объединяло всех граждан, а на практике превратилось в совершенно фиктивную величину.

Таким образом, после Первой Пунической войны обычный римский гражданин оказался в незавидном положении: обедневший, а то и потерявший собственную землю, он был вытеснен с рынка труда рабами и не имел никаких политических возможностей для того, чтобы улучшить свою жизнь. Единственными средствами заявить о себе для народа оставались неповиновение и бунт. Во внутренней политике II и I века до нашей эры являли собой картину бесплодных смут. Размеры нашей

книги не позволяют вдаваться в подробности всех хитросплетений эпохи: попыток раздела крупных имений и возвращения земли свободным земледельцам и аннулирования, хотя бы частичного, долгов. Это было время бунтов и гражданской войны. В 73 г. до н. э. положение Италии еще больше ухудшилось после крупного восстания рабов под предводительством Спартака, который, используя обученных гладиаторов, добился частичных успехов. Через два года восстание было с беспрецедентной жестокостью подавлено. Шесть тысяч сторонников Спартака были распяты

вдоль Аппиевой дороги, ведущей из Рима на юг.

Простой человек не мог противостоять силам, которые его угнетали, но наживавшиеся на этом богачи непроизвольно готовили и против народа, и против самих себя новую политическую силу внутри римского мира — силу войска.

До Второй Пунической войны армия составлялась из свободных земледельцев. Она была хороша для ближних войн, но совершенно не годилась для дальних походов, требовавших выучки и выносливости. Более того, по мере увеличения числа рабов и расширения поместий приток

земледельцев в армию иссияк. Новое средство было изобретено народным вождем Марием. После падения Карфагена в Северной Африке возникло полу-варварское государство Нумидия. У Рима возник конфликт с его царем Югуртой, которого никак не удавалось привести к покорности. На волне народного негодования Марий был назначен консулом, чтобы завершить эту бесславную войну. Марий организовал *наемное войско*, основанное на жесткой дисциплине, и добился успеха. Югурту в цепях привезли в Рим (106 г. до н. э.), а Марий после завершения своего консульского срока остался, хотя и

незаконно, консулом благодаря поддержке новых легионов. В Риме не было силы, которая могла бы ему противостоять.

С Мария началась третья стадия в истории римской власти — республика военачальников. Отныне вожди наемных легионов стали бороться за власть над римским миром. Марию противостоял аристократ Сулла, сражавшийся в Африке под его началом. Каждый из них уничтожил немало своих политических противников, которых они казнили тысячами, а их имения пускали с молотка. После кровавого соперничества Мария и Суллы и ужасов восстания Спартака властью

в армии и государстве овладели Лукулл, Помпей Великий, Красс и Юлий Цезарь. Красс был победителем Спартака, Лукулл завоевал Малую Азию и достиг Армении, но, обрета несметные богатства, ушел в частную жизнь. Красс двинулся в Персию, но был побежден парфянами и убит. После долгого соперничества Юлий Цезарь одолел Помпея (48 г. до н. э.), который погиб в Египте, и стал повелителем всего римского мира.

Юлий Цезарь возбуждал воображение человечества безотносительно своего истинного значения. Он превратился в символ и легенду, но для нас он важен как

фигура, знаменующая собой переход от эпохи военных авантюристов к четвертой стадии — ранней Империи. Несмотря на глубочайший экономический и политический кризис, гражданскую войну и деградацию общества, границы Рима продолжали расползаться все дальше, и это продолжалось до 100 г. н. э., когда они достигли своего максимума. Цезарь прославился как военачальник в Галлии. Большинство живших там племен принадлежали к той же кельтской расе, что и галлы, занимавшие некогда еще и север Италии, а потом частично переселившиеся в Малую Азию, где они стали называться галатами.

Цезарь отразил германское вторжение в Галлию и присоединил эту страну к Империи. Он дважды пересекал Ла-Манш (55 и 54 гг.), однако Британию покорить так и не смог. Тем временем Помпей Великий упрочивал римские завоевания, доходившие на востоке до Каспийского моря.

В этот период — середина I века до н. э. — римский Сенат все еще оставался номинальным центром власти. Он назначал консулов и других чиновников, облакал полномочиями и т. д. Многие политики, в том числе и знаменитый Цицерон, боролись за сохранение великих традиций республиканского

Рима и уважение к закону. Но дух гражданственности исчез в Италии вместе с исчезновением свободных земледельцев. Теперь это была страна рабов и обнищавшего народа, который не понимал, что такое свобода, и не желал ее. Республиканских вождей Сената никто не поддерживал, а за внушавшими страх великими авантюристами стояли легионы. Не спрашивая разрешения Сената, Красс, Помпей и Цезарь разделили между собой Империю (Первый триумвират). После убийства Красса парфянами Помпей и Цезарь поссорились, и Помпей принял сторону республиканцев, которые

приняли закон, предававший Цезаря суду за его преступления и неповиновение Сенату.

Ни один военачальник не имел тогда права перемещать свое войско за пределы отведенной ему области. Для Цезаря такой границей была река Рубикон. В 49 г. до н. э. он перешел ее и двинулся к Риму на Помпея.

Раньше существовал обычай избирать после военных поражений «диктатора», облеченного почти неограниченными полномочиями. После свержения Помпея Цезарь и стал таким диктатором, сначала на десять лет, а потом пожизненно (45 г. до н. э.). Фактически он стал

римским монархом. Его даже называли царем — словом, ненавистным для римлян еще со времен изгнания этрусков пятьсот лет назад. Цезарь отказался от царского титула, но принял трон и скипетр. Победив Помпея, он отправился в Египет, где вступил в связь с царицей-богиней Клеопатрой, последней из династии Птолемеев. Судя по всему, она основательно вскружила Цезарю голову, и он привез из Египта идею царя-бога. В одном из храмов была поставлена его статуя с надписью: «Богу Непобедимому». Но умирающая Римская республика все-таки вспыхнула в последний раз:

Цезарь был заколот в Сенате у статуи его убитого соперника Помпея Великого.

Последовало тринадцать лет междоусобиц. Возник Второй триумvirат (Лепид, Марк Антоний и Октавиан Цезарь). По примеру своего дяди Октавиан взял себе самые бедные провинции, откуда набирались лучшие легионы. В 31 г. до н. э. он победил своего единственного серьезного соперника Марка Антония в морском сражении при Акциуме и стал полновластным повелителем римского мира. Однако Октавиан был вовсе не таким человеком, как Юлий Цезарь, и не стремился к таким пустопорожним

титулам, как Бог или царь. Он не взял себе в любовницы царицу, чтобы ослепить ее своим величием. Октавиан восстановил свободы Сената и римского народа и отказался быть диктатором. Благодарный Сенат дал ему реальную, а не воображаемую власть. Вместо титула «Царь» Октавиана именовали «Princeps» и «Augustus»^[19], он стал Августом Цезарем, первым римским императором (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.).

За ним последовали Тиберий (14 — 37 гг.), Калигула, Клавдий, Нерон и т. д. до Траяна (98 г.), Андриана (117 г.), Антония Пия (138 г.) и

Марка Аврелия (161—180 гг.). Все они были императорами легионов. Солдаты возводили их на трон, и солдаты же порой смещали императоров. Постепенно Сенат исчез из римской истории: вместо него остались император и его чиновники. Границы Империи расширились до максимума. Были завоеваны Британия, Трансильвания и Дакия. Траян перешел Евфрат; Адриан задумал то, что уже случилось на другом конце Старого Света, — подобно Ши-хуанди, он построил стены для защиты от северных варваров поперек Британии и оборонительные сооружения вдоль Рейна и Дуная. И тем не менее ему

пришлось оставить некоторые из завоеваний Траяна.

На этом Римская империя достигла предела своей экспансии.

XXVI. МЕЖДУ РИМОМ И КИТАЕМ

II и I века до нашей эры оказались новой эпохой в истории человечества. Месопотамия и Средиземноморье более не являлись центром общего притяжения. Они по-прежнему оставались плодородными, густонаселенными и благополучными, но положение дел в мире от них уже не зависело. Центры власти переместились на запад и восток. В мире господствовали две империи — Римская и

возрожденный Китай. Рим распространил свое влияние до Евфрата, но из-за чрезмерной отдаленности дальше этой границы продвинуться не смог. А за Евфратом персидские и индийские владения Селевкидов подпали под власть новых правителей. В Китае династия Хань, сменившая династию Цинь после смерти Ши-хуанди, распространила свои владения на Тибет и далее за перевалы Памира в Западный Туркестан. Но и она достигла здесь своих крайних пределов.

В это время Китай являлся величайшей и самой цивилизованной политической системой в мире. По

площади и населению он превосходил Римскую империю периода расцвета. Две эти колоссальные системы существовали одновременно, почти ничего не зная друг о друге. Средства сообщения на суше и на море были еще настолько слабо развиты, что прямого столкновения между ними произойти не могло.

И все-таки обе системы взаимодействовали и влияли на судьбы находившихся между ними стран и областей Центральной Азии и Индии. Благодаря верблюжьим караванам через Персию и прибрежному мореплаванию вдоль берегов Индии и по Красному морю

велась кое-какая торговля. В 66 г. до н. э. римские войска Помпея прошли путем Александра Великого по восточному берегу Каспийского моря, а в 102 г. н. э. к Каспию вышли китайские отряды и прислали сообщения о существовании Рима. Но лишь через много веков великие параллельные миры Европы и Восточной Азии установили непосредственную связь друг с другом.

К северу от обеих великих империй лежали пустыни и непроходимые леса, населенные варварами. От теперешней Германии они простирались далеко в глубь России, где обитали гигантские

зубры, почти не уступавшие в размерах слону. На север от великих горных массивов Азии раскинулись пустыни и степи, а еще севернее — леса и промерзшая тундра. В большей части этих областей, протянувшихся между Южной Россией и Маньчжурией, до сих пор сохраняется климатическая неустойчивость. За несколько столетий уровень осадков менялся там неоднократно и в значительных пределах. Эти земли вообще очень ненадежны и опасны. Долгие годы на них растут травы, и они благоприятны для земледелия, но потом вдруг наступает череда убийственных засух.

Западная часть этого варварского севера — от лесов Германии до Южной России и Туркестана и от Готланда до Альп — была родиной северных народов, говоривших на арийских языках. А в восточных степях и пустынях Монголии зарождались гуннские (монгольские и тюркские) племена, близкие по языку, расе и обычаям. И подобно тому, как северные народы постоянно двигались за свои границы, напирая на юг, на цивилизации Месопотамии и Средиземноморья, среди гуннских племен находилось немало бродячего люда, готового к набегам на оседлые местности Китая. В периоды

изобилия на севере повышалась рождаемость; истощение пастбищ и падеж скота влекли голодные воинственные племена на юг.

Какое-то время одновременно существовали две империи, сдерживающие варваров и даже отодвигающие свои границы. Натиск империи Хань из Северного Китая на Монголию был сильным и продолжительным.

Китайское население переливалось за Великую стену. Вслед за пограничной стражей шли крестьяне с лошадьми и плугами, они распахивали целину и огораживали зимние пастбища. Гунны совершали на них набеги, убивали поселенцев, но их усмиряли

карательные отряды, и кочевники оказывались перед выбором: заниматься земледелием и стать китайскими подданными или же искать летние пастбища где-то в другом месте. Некоторые предпочли первое и ассимилировались, другие отступили через горные перевалы на северо-восток и восток.

Перемещение монгольских кочевников к западу началось в 200 г. до н. э. и создало давление на арийские племена, которые, в свою очередь, напирали на римские границы и стремились прорвать их. Парфяне (скифский народ с монгольской примесью) появились на Евфрате около I века нашей эры.

Они воевали с Помпеем Великим во время его восточного похода, победили и убили Красса, а в Персии свергли монархию Селевкидов, заменив ее парфянскими царями — династией Аршакидов.

Некоторое время самый благоприятный путь для кочевников был не на востоке и не на западе, а по Центральной Азии и через Хиберский перевал в Индию. Именно Индия приняла на себя монгольский натиск в эпоху владычества Римской и Китайской империй. Один за другим накатывали через Пенджаб на великие долины иноземные завоеватели, которые грабили и

уничтожали все на своем пути. Царство Ашоки погибло, и на какое-то время история Индии погрузилась в мрак неизвестности. На севере воцарилась Кушанская династия, основанная «индо-скифами» — племенами кочевых разбойников. Непрерывные набега и вторжения продолжались на протяжении нескольких столетий. Большую часть V века н. э. Индию терзали эфталиты, или белые гунны, которые собирали дань с мелких царьков и наводили на всех ужас. Летом они пасли скот в Западном Туркестане, а осенью возвращались и снова принимались грабить и убивать.

Во II веке н. э. великое несчастье

постигло и Римскую, и Китайскую империи и, по всей видимости, ослабило их сопротивление натиску варваров. С небывалой силой там вспыхнула чума. Одиннадцать лет она свирепствовала в Китае и глубоко подорвала социальный порядок общества. Династия Хань пала, начался новый период раздоров и смут, из которого Китай вышел только к VII веку, с приходом династии Тан.

Через Азию чума распространилась по Европе. В 164—180 гг. она опустошила Римскую империю и серьезно ослабила всю структуру государства. Появились сведения о сокращении населения в

провинциях, случались явные нарушения деятельности правительства. Непроницаемых границ больше не было — их прорывают то в одном, то в другом месте. С острова Готланд в Швеции появился новый народ — готы. Они прошли Россию и достигли Волги и берегов Черного моря, на котором занялись пиратством и разбоем, но к концу II века н. э. стали, вероятно, испытывать на себе давление гуннов с востока. В 247 г. готы перешли через Дунай и победили на территории современной Сербии императора Деция. В 236 г. другой германский народ, франки, прорвал границу на Нижнем Рейне, и в

Эльзас хлынули алеманны. Галльские легионы отбили захватчиков, но готы так и не прекратили свои вторжения на Балканский полуостров. Провинция Дакия исчезла из римской истории.

Гордость Империи и ее уверенность в себе были поколеблены. В 270—275 гг. в Риме, бывшем доселе открытым и безопасным городом, император Аврелиан возвел крепостные стены.

XXVII. ЖИЗНЬ ОБЫЧНОГО ЧЕЛОВЕКА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Прежде чем говорить о распаде Римской империи, создававшейся два века до нашей эры и процветавшей, начиная с эпохи Августа, еще два века, следует обратить внимание на жизнь в этом великом государстве самых обычных людей. Мы подошли к границе нашей эры, когда существование цивилизованного

человека в римском мире и в Китае династии Хань все больше напоминало жизнь их современных потомков.

В это время в западном мире во всеобщее употребление вошли монеты; появилось много независимых людей, которые не были ни правительственными чиновниками, ни жрецами; люди свободнее, чем раньше, путешествовали, чему способствовало строительство дорог и постоянных дворов. По сравнению с полутысячелетней давностью жизнь стала гораздо раскрепощеннее. Около 500 г. до н. э. цивилизованные люди были привязаны к своей

местности и традициям и жили в очень ограниченном пространстве; торговали и путешествовали только кочевники.

Однако ни римский, ни ханьский мир не представляли собой однородной цивилизации на всем своем протяжении. Существовали значительные местные различия и сильнейшие контрасты, наподобие тех, которые мы наблюдаем в современной Британской Индии. По огромному пространству были разбросаны римские гарнизоны и колонии, где поклонялись римским богам и говорили на латыни. Но в основанных еще до прихода римлян городах и поселениях продолжалась

своя жизнь и почитание своих богов. В Греции, Малой Азии, Египте и на эллинизированном Востоке никогда не господствовал латинский язык, там безраздельно царил греческий. Савл из Тарса, ставший апостолом Павлом, был иудеем и римским гражданином, но говорил и писал по-гречески, а не по-еврейски или на латыни. Далее при дворе парфянской династии, свергнувшей в Персии греков Селевкидов и находившейся за пределами римского господства, в моде был греческий язык. А в некоторых частях Испании и Северной Африки, несмотря на уничтожение Карфагена, долго сохранялся карфагенский язык. В

Севилье, процветавшей задолго до того, как мир узнал о существовании Рима, почиталась семитская богиня, и одно поколение за другим продолжали говорить на семитском языке, несмотря на соседство колонии римских ветеранов в Италике^[20]. Император Септимий Север (193—211) говорил на родном карфагенском наречии, а латынь выучил как иностранный язык. Из сохранившихся документов известно, что его сестра так и не овладела латынью и управляла своим римским домом посредством пунического языка.

Но в таких странах, как Галлия и Британия, в римских провинциях

Дакии и Паннонии (Венгрия к югу от Дуная), где раньше не было больших городов и храмов и не развивалась культура, происходила латинизация. Римская империя принесла туда начатки цивилизованной жизни. Возникали города и поселения, где латынь преобладала, где поклонялись римским богам и соблюдались римские обычаи и моды. Об экспансии латыни и поныне свидетельствуют ее разновидности: румынский, итальянский, французский и испанский языки. Северо-Западная Африка также в значительной своей части латинизировалась, чего никогда не было в Египте, Греции и всей

восточной части Империи. По культуре и своему духу она так и оставалась египетской или греческой. Даже в Риме греческий изучали как язык благородного сословия, а греческой литературе и науке отдавали предпочтение перед своей собственной.

Естественно, что в такой пестрой империи существовали самые разные способы исполнения работ и ведения дел. Главным занятием этого оседлого мира являлось сельское хозяйство. Мы уже говорили о том, что в Италии на смену зажиточным свободным земледельцам, главной опоре Римской республики, после

Пунических войн пришли латифундисты-рабовладельцы. Греки по-разному вели хозяйство, начиная от Аркадии, где каждый свободный гражданин работал собственными руками, до Спарты, где труд считался бесчестьем и все работы на земле производились рабами — илотами. Но это было уже глубокой историей, в эллинизированном мире широко распространилась система рабовладельческих латифундий. Сельскими рабами были пленники, говорившие на разных языках и не понимавшие друг друга, или дети рабов. Они не ощущали ни взаимной солидарности для борьбы с угнетением, ни своих прав и,

оставаясь неграмотными, прозябали в невежестве. Несмотря на то что рабы составляли большинство населения, их восстания всегда оканчивались неудачей. В Италии сельские рабы в последние годы Республики и в начале Империи подвергались ужасным издевательствам. Для предотвращения побегов им выбривали половину головы или сажали по ночам на цепь. У них не было жен, хозяева могли подвергать их оскорблениям, увечьям и даже убить или продать для гладиаторских боев в цирк. Если раб убивал хозяина, всех рабов в доме распинали на крестах.

Но в некоторых частях Греции, прежде всего в Афинах, участь рабов была не такой ужасной, хотя и не менее отвратительной. В варварах, прорывавших защитные линии легионов, они видели не врагов, а освободителей.

Рабовладельческая система распространилась на большинство ремесел и на те работы, которые выполнялись коллективом: шахты и производство металлов, галеры, постройка дорог и больших зданий — везде требовались рабы. Они же исполняли большинство домашних работ. Но были и обедневшие свободные люди, а также вольноотпущенники, трудившиеся на

самых себя или за плату: ремесленники, надсмотрщики и т. п. — конкуренты рабов. Нам ничего не известно о их доле среди остального населения. Вероятно, она сильно менялась в зависимости от места и времени. Кроме того, существовало немало разновидностей рабства — от тех, кого сажали на цепь и погоняли бичами, до тех, кому хозяин давал клочок земли или какую-нибудь другую работу и даже позволял жениться, если, конечно, все это приносило ему доход.

Были и вооруженные рабы. В 264 г. до н. э., с началом Пунических войн, в Риме возродился этрусский

обычай гладиаторских боев, который вскоре получил широкое распространение. Каждый римский богач содержал эскорт гладиаторов и иногда заставлял их сражаться в цирке, хотя они служили в его личной охране, а иногда использовались для тайных убийств. Были еще и ученые рабы. В эпоху поздней Римской республики под властью Рима оказались цивилизованные города Греции, Северной Африки и Малой Азии, откуда привозили высокообразованных рабов. Учителем молодого римлянина из хорошей семьи обычно был раб, а богатый человек мог иметь раба-

библиотекаря, рабов-секретарей, рабов-ученых и даже собственного поэта. В этой атмосфере рабства выработались традиции робкой, мелочной и вместе с тем сварливой литературной критики. Находились и такие предприимчивые люди, которые покупали способных мальчиков и давали им хорошее образование для последующей перепродажи. Рабов обучали профессиям переписчиков, ювелиров и т. п., требовавшим высокого мастерства.

В положении рабов за четыреста лет между республикой богачей и эпохой распада после великой чумы произошли значительные перемены.

Во II веке до н. э. было обилие пленников при грубых и жестоких нравах, рабы не имели никаких прав и подвергались всевозможным притеснениям, но уже в I веке н. э. римская цивилизация относилась к ним совсем по-иному. Во-первых, количество пленных заметно уменьшилось, и рабов стали ценить. Их владельцы поняли, что от этих несчастных гораздо больше пользы, когда у них сохраняется чувство самоуважения. С поднятием нравственного уровня общества возникало понятие о справедливости. Более высокая греческая мораль служила противовесом бесчеловечности

римлян. Жестокое обращение с рабами запрещалось, хозяин отныне не мог продавать их для боев с дикими животными, раб приобрел права собственности, *rescilium*^[21], его труд стали оплачивать, для рабов была признана определенная форма супружества. Многие отрасли сельского хозяйства, за исключением сезонных работ, не требуют труда больших коллективов. В таких местах рабы превращались в крепостных, плативших владельцу часть произведенных ими продуктов или работавших на него определенное количество времени.

Когда мы стали понимать, насколько неотъемлемым было

рабство в Римской империи в первые два века нашей эры и сколь малую часть составляло свободное меньшинство, это дало нам ключ к уяснению причин ее разложения и краха. Там едва теплилась семейная жизнь, и лишь немногие дома отличались добрыми нравами, живой мыслью и стремлением к познанию. Школ было мало, свободное волеизъявление и свободомыслие вообще отсутствовали. Великолепные дороги и величественные руины, традиции законности и власти, оставленные Империей на восхищение потомков, не должны скрывать от нас того, что за ее внешним блеском стояло

подавление личности, застойное мышление и извращенные страсти. Даже властное меньшинство в этом огромном мире подчинения и принуждения чувствовало себя ненадежно и несчастливо. Искусство и литература, наука и философия, рождающиеся как плоды свободного и смелого ума, в такой атмосфере увядали. Было много копирования и подражания, изобилие художественного ремесленничества и рабского педантизма услужливых ученых, но Римская империя за четыре столетия не произвела ничего такого, что могло бы соперничать со смелой и благородной деятельностью не очень большого города Афины

всего за один век его величия.
Александрия, как и Афины, пришла в
упадок уже под властью Рима.
Казалось, наступили такие времена,
когда стал угасать сам дух
человеческий.

XXVIII.

РЕЛИГИОЗНЫЕ НОВШЕСТВА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В Римской империи первые два века христианской эры человеческую душу обуревали тревога и опустошенность. Повсюду царили гнет и жестокость; тщеславия и показного блеска было много, но чести, достоинства и надежного счастья мало. Неудачников презирали, а преуспевшие, не

чувствуя уверенности в завтрашнем дне, жаждали лишь сиюминутных наслаждений. Во многих городах жизнь сосредоточилась вокруг возбуждающих зрелищ цирка, где сражались и в муках погибали люди и дикие звери. Амфитеатры до сих пор остаются самыми типичными руинами Римской империи. В таком ключе протекала вся жизнь. Беспокойство человеческих сердец проявлялось и в глубоком религиозном брожении.

С тех пор как арийские орды начали вторгаться на территории древних цивилизаций, их старым богам приходилось или претерпевать значительные перемены, или вообще

исчезать. За сотни поколений земледельческие народы смуглых рас приспособили свою жизнь и мировоззрение к существованию вокруг храма. В их понятиях преобладали обряды и страх нарушить старинные традиции — жертвоприношения и мистерии. Их боги представляются нам непонятными чудовищами, поскольку мы принадлежим к арианизированному миру, но для тех народов они были так же наглядны и убедительны, как сновидения возбужденного ума. Завоевание одного города-государства другим в Шумере или раннем Египте означало смену или переименование

божества, но не затрагивало форму и дух верований. Образы сновидения менялись, хотя все происходило в том же самом сне. Древние семитские завоеватели были близки по духу к шумерам и потому без особого труда и глубоких преобразований переняли религию месопотамской цивилизации. Что касается Египта, то он никогда не был настолько покорен, чтобы допустить религиозную революцию. При Птолемах и Цезарях его храмы, алтари и жрецы оставались в сущности чисто египетскими.

Когда завоевания касались народов с одинаковым общественным и религиозным

устройством, конфликт между
богами и храмами
противоборствующих сторон
удавалось предотвратить
посредством взаимной ассимиляции.
Два подобных божества
воспринимались как нечто единое,
только под разными именами. Такое
слияние богов называется теокразия,
и эпоха великих завоеваний,
происходивших за тысячу лет до
нашей эры, была расцветом
теокразии. На обширных
территориях местные боги
замещались или, вернее,
поглощались одним общим богом, и
когда наконец еврейские пророки
провозгласили в Вавилоне единого

Бога Праведности, умы уже были готовы к восприятию этой идеи.

Но нередко боги оказывались слишком непохожими, и тогда их сочетали друг с другом посредством каких-либо более или менее правдоподобных взаимоотношений. Женское божество (а эгейский мир до прихода греков был привержен к культу богинь) соединяли брачными узами с мужским божеством, бога-животное или бога-звезду очеловечивали. При этом природный, иногда астрономический объект (змея, солнце) трансформировался в орнамент или какой-либо символический знак. В божестве побежденных могли видеть злого

антагониста светлых сил. История религии переполнена такого рода сближениями и переосмыслением местных богов.

По мере того как в Египте отдельные города-государства объединялись в единое царство, теокразия приобретала все большее и большее значение. Главным богом был Осирис, священное божество урожая, земным воплощение которого считался фараон. Осириса представляли как многократно умирающего и вновь воскресающего; он был не только семенем и плодом, но и средством к человеческому бессмертию. Среди его символов почитались жук-скарабей,

зарывающий яйца, чтобы заново возродиться, а также солнце, которое вечером заходит за горизонт, но следующим утром неизменно поднимается снова. Впоследствии Осириса отождествляли со священным быком Аписом. С ним же связывали Исиду или Гатор, богиню-корову, а также полумесяц и морскую звезду. После смерти Осириса Исида рождает младенца Гора в облике сокола или солнечного восхода. Гор вырастает и становится Осирисом. Изображения Исиды представляют ее с младенцем Гором на руках, опирающейся на полумесяц. В этих связях нет никакой логики, но человеческий ум породил их еще до

развития систематического мышления, и в них, несомненно, прослеживается логика сновидений. Вне этой тройственной группы располагаются злые боги: псоголовый Анубис, черная ночь и прочие пожиратели, искушители, враги богов и людей.

Всякая религиозная система со временем преобразуется так, чтобы соответствовать потребностям человеческой души, и, несомненно, египтяне сумели приспособить все эти несуразные и бессвязные символы для поклонения и утешения. В их душах было невероятно сильно стремление к бессмертию, вся религиозная жизнь Египта была

сосредоточена вокруг идеи бессмертия. Когда Египет попадал под иноземное иго и его боги утрачивали свое политическое значение, жажда загробного воздаяния только усиливалась.

После греческого завоевания центром религиозной жизни не только Египта, но и всего эллинского мира стал новый город Александрия. Птолемей I построил там великий храм, Серапеум, в котором поклонялись троице богов: Серапису (переименованному Осирису-Апису), Исиде и Гору. Их почитали не как отдельных богов, а как три проявления единого божества, а Сераписа отождествляли с греческим

Зевсом, римским Юпитером и персидским Богом-Солнцем. Эта религия распространилась повсюду, куда достигало эллинское влияние, даже на севере Индии и в Западном Китае. Идея бессмертия и воздаяния оказалась очень привлекательной в мире, где жизнь простого человека была безрадостной и тяжелой. Сераписа называли «спасителем душ». «После смерти, — пелось в одном гимне того времени, — нас не покинет божественное Провидение». Многих верующих привлекала к себе Исида. В храмах стояли ее изображения как Царицы Небес с младенцем Гором на руках. Перед ними горели свечи и приносились

обетованные дары. В алтарях служили бритоголовые жрецы, давшие обет безбрачия.

Возвышение Римской империи ввело этот развивающийся культ в западно-европейский мир. Храмы Сераписа-Исиды, гимны жрецов и надежды на бессмертие сопровождали римские легионы в Голландии и Шотландии. Но у этого культа было немало соперников, в том числе персидский митраизм с его древними мистериями о Митре, приносящем в жертву священного быка. Это, по всей видимости, более первобытное верование, чем в Сераписа и Исиду, переносящее нас во времена кровавых

жертвоприношений гелиолитической эпохи. Быка на митраистских памятниках всегда изображают в обильном потоке крови, приносящем с собой новую жизнь. Митраисты действительно совершали омовения в крови жертвенного быка: во время обряда посвящения они стояли под помостом, на котором совершался ритуал, чтобы бычья кровь лилась на их тела.

Подобное характерно и для других культов, которые старались привлечь к себе рабов и граждан в эпоху первых римских императоров. Они обращались непосредственно к каждому, предлагая личное спасение и личное бессмертие, чего не было в

традиционных религиях, где божество в первую очередь соотносилось с городом и государством. Жертвоприношения в них являлись публичным актом, а не интимным делом каждого человека, были связаны с практическими потребностями всего сообщества. Греки, а вслед за ними и римляне, вытеснили религию из общественной жизни, по примеру египетской традиции переместив ее в потусторонний мир.

Новые религии личного бессмертия хотя и лишили прежние государственные культы смысла, но не заменили их. Типичный город при первых римских императорах имел

несколько храмов для самых разных богов. Один храм мог быть посвящен Юпитеру Капитолийскому, еще один — царствующему цезарю. Императоры научились у фараонов тому, что они и сами могут быть богами. В таких храмах велось обездушенное государственное богослужение, там можно было сжечь щепотку благовоний как свидетельство своей лояльности к власти. Но со своими личными горестями и переживаниями, за советом и помощью шли в храм Исида, возлюбленной Царицы Небес. Существовали еще и местные, подчас довольно эксцентрические божества. В Севилье, например,

долгое время сохранялся культ карфагенской Астарты. В какой-нибудь пещере, несомненно, стоял алтарь Митры, к которому приходили рабы и легионеры. Возможно, была и синагога, в которой собирались евреи для чтения Библии и укрепления себя в вере к Невидимому Богу. Иногда у евреев возникали конфликты, связанные с политической стороной государственной религии. Они упорно стояли на том, что Яхве не терпит идолопоклонства, и потому не участвовали в публичных жертвоприношениях цезарю. Из страха перед идолами они даже отказывались приветствовать орлов римских легионов.

Задолго до Будды на Востоке жили аскеты, которые отреклись от радостей жизни, отказались от брака и собственности, искали избавления от тягот и горестей сего мира в воздержании, умерщвлении плоти и уединении. Будда отверг аскетические излишества, но многие его ученики вели строгую монашескую жизнь, исполненную всевозможных лишений. В тайных греческих культах также практиковались суровые аскетические упражнения, вплоть до нанесения себе увечий. В I веке до н. э. это коснулось и еврейских общин Иудеи и Александрии. Люди группами уходили из мирской жизни,

предавались умерщвлению плоти и мистическому созерцанию. Именно такой была секта ессеев. В I—II веках нашей эры распространился уход из каждодневной жизни в поисках «спасения» от бедствий своего времени. Исчезли доверие к существующему порядку, вера в жрецов, храм, закон и обычай. В средоточии рабства, жестокости, страха и распущенности нравов возникло эпидемическое самоотвращение, экзальтированный поиск спокойствия даже ценой добровольного страдания, и потому Серапеум наполнили кающиеся грешники, а мрачные окровавленные пещеры митраистских алтарей

привлекали к себе новообращенных.

XXIX. УЧЕНИЕ ИИСУСА

Иисус, ставший Христом христианства, родился в Иудее в правление первого из римских императоров Августа Цезаря. Вере, получившей свое название от его имени, суждено было стать официальной религией Римской империи.

В наше время считается удобным разделять историю и богословие. Большая часть христианского мира верит в то, что Иисус был воплощением того вселенского Бога, которого впервые

познали евреи. Историк, если он хочет оставаться в пределах своей науки, не может ни принимать, ни отрицать это. Воплощенный Иисус имел человеческий облик, и историк обязан рассматривать его как человека.

В правление императора Тиберия он явился в Иудее и проповедовал подобно другим еврейским пророкам. Ему было около тридцати лет, и мы совершенно ничего не знаем о его предыдущей жизни.

Единственным источником сведений о Иисусе являются четыре Евангелия. Все они дают, в общем, одинаковое описание вполне

конкретной личности, и мы вынуждены признать: «Да, такой человек существовал. Это не может быть вымыслом».

Но подобно тому, как образ Гаутамы Будды был искажен и вытеснен позолоченными идолами позднего буддизма, так и напряженно-аскетическую личность Иисуса заслонили несуразности и традиционные условности христианского искусства. Нищий учитель, скитавшийся по выжженной солнцем пыльной Иудее, жил случайным подаянием, а его изображают чистым, с холеным лицом, в безупречных одеждах и каким-то оцепеневшим, словно

парящим в воздухе. Уже одно это сделало его для многих нереальным и затмило суть его учения украшательством и неумными выдумками.

Если освободить историю Иисуса от такого рода наслоений, мы обнаружим личность гуманную, страстную и настойчивую, склонную порой к внезапному гневу. Он проповедовал новое, простое и глубокое учение — любовь Бога Отца ко всем людям без исключения и пришествие Царства Небесного. Несомненно, он обладал, как принято говорить, харизмой, личной притягательностью и, привлекая последователей, наполнял их

любовью и мужеством. Слабые и болезненные воодушевлялись и исцелялись от одною его присутствия. Но сам Иисус, судя по Евангелиям, особым здоровьем, кажется, не отличался и потерял сознание, когда его заставили нести крест к месту казни. Иисус странствовал три года, проповедуя свое учение, а потом пришел в Иерусалим, где его обвинили в попытке создать какое-то непонятное царство Иудейское; он предстал перед судом и был распят вместе с двумя ворами. Его муки закончились гораздо раньше, чем у этих двоих.

Главное в проповеди Иисуса — учение о Царстве Небесном — одно

из самых революционных учений за всю историю человечества Нет ничего удивительного в том, что современное ему общество не сумело вполне понять его смысл и испуганно отшатнулось от этого потрясающего вызова существующему порядку. Судя по проповеди Иисуса, учение о Царстве Небесном требовало бескомпромиссного внешнего и внутреннего очищения жизни, ее полной перемены. Читатель может обратиться к Евангелиям, в которых содержится то, что сохранилось от этого изумительного учения, а мы остановимся только на том потрясении, которое оно произвело в

общепринятых взглядах.

Иудеи полагали, что миром правит единый и праведный Бог, но при этом считали, что с ним можно договориться, как праотец Авраам договорился о их будущем преобладании на земле. С испугом и озлоблением слушали они, как Иисус отвергал эти заветные гарантии. Бог, по его учению, не торговец; в Царстве Небесном нет ни избранных, ни любимчиков. Он — любящий Отец всего живого и, подобно всеобщему солнцу, не способен на какие-то особые предпочтения. Все люди — братья: и грешники, и его возлюбленные сыны. В притче о добром самаритянине Иисус отверг

естественное для всех стремление возвеличить свой собственный народ и принизить чужие верования. В притче о работниках он отрицает притязания евреев на привилегированные отношения с Богом и говорит, что в Царстве Небесном все равны, поелику милосердие его бесконечно. Более того, в притчах о зарытом таланте и лепте вдовы он требует от каждого отдачи всех своих сил. В Царстве Небесном нет ни избранных, ни льгот, ни оправданий.

Но Иисус отвергал не только яростный национализм евреев. Они были еще и народом с теснейшими родовыми связями, а все узкие и

запретительные семейные
отношения сметались неудержимым
потокom его любви к Богу. Царство
Небесное — это единая семья его
последователей. Как сказано:

Когда же Он еще
говорил к народу, Мать и
братья Его стояли вне дома,
желая говорить с Ним.

И некто сказал Ему:
вот Мать Твоя и братья
Твои стоят вне, желая
говорить с Тобою.

Он же сказал в ответ
говорившему: кто Мать
Моя? и кто братья Мои?

И, указав рукою Своею

на учеников Своих, сказал:
вот мать Моя и братья
Мои [\[22\]](#).

Но Иисус не только осуждал национализм и семейные связи во имя всеобщего братства в Боге, его учение отвергало все разновидности экономической системы, личное богатство и личные привилегии. Все люди принадлежат Царству Небесному, и все их имение также ему принадлежат. Единственный праведный путь — всем своим существом и всем владением служить воле Господа. Иисус снова и снова обличал богатства и удобства частной жизни.

Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог.

Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать.

Он же сказал Ему в

ответ: Учитель! все это сохранил я от юности моей.

Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойдя, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест.

Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам

Своим: как трудно
имеющим богатство войти
в Царствие Божие!

Ученики ужаснулись
от слов Его. Но Иисус
опять говорит им в ответ:
дети! как трудно
надеющимся на богатство
войти в Царствие Божие!
Удобнее верблюду пройти
сквозь игольные уши,
нежели богатому войти в
Царствие Божие![\[23\]](#)

Более того, в своем
потрясающем пророчестве этого
Царства, соединяющего всех людей в
Боге, Иисус осуждал не только

спекуляции праведностью, присущие догматической религии, но и педантичное соблюдение обрядов.

Потом спрашивают Его фарисеи и книжники: зачем ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб?

Он сказал им в ответ: хорошо пророчествовал о вас, лицемерах, Исаия, как написано: люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня, но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям

человеческим.

Ибо вы, оставив
заповедь Божию,
держитесь предания
человеческого, омовения
кружек и чаш, и делаете
многое другое, сему
подобное.

И сказал им: хорошо
ли, что вы отменяете
заповедь Божию, чтобы
соблюсти свое предание?
[\[24\]](#)

Помимо провозглашения
нравственной и социальной
революции многое свидетельствует о
явном присутствии в его учении

политической стороны. Конечно, Иисус говорил, что его царство не от мира сего, что оно в сердцах людей, а не на тронах. Но, воздвигаясь в сердцах, оно неизбежно преображало и обновляло внешний мир.

Хотя по глухоте и слепоте внимавшие ему многое упустили, тем не менее они прекрасно поняли, что он пришел перевернуть мир. Сам характер преследований и обстоятельства суда над Иисусом и последовавшей казни свидетельствуют о его решимости учить людей тому, как изменить свою жизнь, расширить ее и слить воедино с жизнями всех других.

Стоит ли удивляться, что

богатые и преуспевающие были напуганы речами Иисуса и почувствовали, что мир под их ногами заколебался. Ведь Иисус бросал свет религиозного осмысления на всю припрятанную ими наживу. Сияние его царства не допускало собственности, гордыни и первенства; никаких иных побуждений и наград, кроме любви. Удивительно ли, что ослепленные этим блеском люди порицали Иисуса, и даже ученики противились ему. Удивительно ли, что священники сразу поняли, насколько несовместимы они с этим человеком, а значит, или они, или он должны были погибнуть.

Удивительно ли, что римские солдаты, пораженные чем-то недостигаемо-высоким для своего понимания и угрожающим всему военному миру, успокаивали себя смехом, издевательски короня Иисуса терновым венцом и багрянцем шутовского императорского облачения. Ведь если принимать его всерьез, пришлось бы вступать в неизведанную и опасную жизнь, отказываться от всех своих привычек, подавлять инстинкты и вожделения, чтобы приблизиться к невозможному и невыразимому блаженству...

XXX. РАЗВИТИЕ ДОГМАТИЧЕСКОГО ХРИСТИАНСТВА

В Четвероевангелии говорится о личности и учении Иисуса и совсем немного о догматах христианской церкви. Основные принципы веры изложены в Посланиях — письмах первых последователей Иисуса.

Главным создателем христианского учения был св. Павел, который никогда не видел и не слышал Иисуса. Сначала его звали Савлом, и он яростно преследовал небольшую кучку христиан,

оставшихся после казни Учителя. Потом неожиданно обратился в христианство и переименовал свое имя на Павла. Это был человек незаурядного ума, глубоко и страстно переживавший религиозные движения своего времени. Он хорошо знал иудаизм, митраизм и александрийскую религию и многое из них внес в христианство, но мало чем дополнил или расширил первоначальное учение Иисуса о Царстве Небесном. Св. Павел провозгласил, что Иисус был не только обещанным Христом, обетованным Мессией иудеев, но что его смерть, подобно древним жертвоприношениям первобытных

цивилизаций, была предназначена для искупления рода человеческого.

При мирном сосуществовании религий они обычно перенимают друг у друга обряды и некоторые чисто внешние особенности. Например, в современном китайском буддизме почти такие же храмы и жрецы, как и у последователей даосизма — учения Лао-цзы, хотя их первоначальные учения были совершенно разными. Христианство переняло у митраизма и александрийской веры не только чисто внешние проявления (бритые священники, приношения по обету, алтари, свечи, песнопения, иконы), но и их молитвенные фразы и

богословские идеи. Эти религии процветали наряду с другими, менее распространенными культами. Все они стремились привлечь к себе последователей, и несомненно между ними происходило постоянное перемещение неофитов. Время от времени какая-нибудь из них находила поддержку у правителей. Но христиане вызывали большие подозрения, чем их соперники, поскольку, как и евреи, отказывались поклоняться божественным цезарям, а значит, были бунтовщиками, не говоря уже о революционном духе учения Иисуса

Св. Павел учил тому, что Иисус, подобно Осирису, был Богом,

умершим для воскресения, дабы принести людям бессмертие. Но в разраставшемся христианском сообществе возникли запутанные богословские споры о взаимоотношениях Бога Иисуса и Бога Отца. Ариане принимали божественность Иисуса, но считали его низшим и отдельным от Отца. По учению савелиан, он являлся одним из проявлений Отца единым с Ним, подобно тому, как человек может быть, например, одновременно отцом и ремесленником. Тринитарии исповедовали более изощренную доктрину, по которой Бог был единосущен и троичен в трех лицах: Отца, Сына и Святого Духа. Какое-то

время арианство как будто побеждало своих соперников, но после диспутов, раздоров и войн во всем христианском мире возобладало учение тринитариев, самое полное выражение которого содержится в Символе веры Афанасия Великого.

Мы не беремся комментировать все эти разногласия. Они не повлияли на ход истории в противоположность учению самого Иисуса, проповедь которого знаменует новую эпоху в нравственной и духовной жизни человечества. Религия вселенского Бога Отца, идея братства всех людей и презумпция святости любого человека как живого храма, где

обитает Бог, оказали глубочайшее влияние на всю последующую историю человечества. По мере распространения христианства возникло уважение к личности человека. Возможно, как утверждают критики, св. Павел проповедовал рабское послушание, но не менее верно и то, что весь дух учения Иисуса, сохраненного в Евангелиях, направлен против порабощения человека. Еще более явственно христианство осуждает такие преступления против человечности, как гладиаторские бои и т. п.

Первые двести лет своего существования христианская религия распространялась по всей Римской

империи, сплачивая нарастающую массу неофитов в новое сообщество со своими идеями и своим образом жизни. Отношение к ним императоров менялось от враждебного до терпимого. Во II и III столетиях делались попытки подавить новую веру, а в 303-м и последующих годах при императоре Диоклетиане были большие гонения — отбирали церковную собственность, в том числе Библии и религиозные сочинения, а христиан ставили вне закона и многих казнили. Особенно примечательно уничтожение книг, показывающее, что власти понимали их значение для новой веры. «Книжные религии» —

иудаизм и христианство — несли с собой образование. Их существование в значительной степени зависело от людей, умеющих читать и способных понимать суть учения. Прежние религии не обладали столь привлекательной для человеческого интеллекта особенностью. В эпоху варварских смут, которые уже надвигались на запад Европы, именно христианская церковь сохраняла накопленные знания.

Гонения Диоклетиана не смогли уничтожить растущее христианское сообщество. Во многих провинциях они не удались потому, что большинство населения и многие

чиновники уже были христианами. В 317 г. император Галерий издал эдикт о веротерпимости, а в 324-м Константин Великий, сочувствовавший христианству и на смертном одре принявший его, стал единоличным правителем римского мира. Он отказался от всех претензий на божественность и украсил щиты и знамена своего войска христианскими символами.

За несколько лет христианство прочно утвердилось в качестве официальной веры. Соперничавшие с ним религии с удивительной быстротой исчезли или были им поглощены. В 390 г. император Феодосий Великий велел

уничтожить статую Юпитера
Сераписа в Александрии. С начала IV
века на территории Римской
империи остались только
христианские храмы и христианские
священники.

XXXI. ВАРВАРЫ ВТОРГАЮТСЯ В ИМПЕРИЮ С ВОСТОКА И ЗАПАДА

В III веке социально распадавшаяся и нравственно разлагающаяся Римская империя лицом к лицу столкнулась с варварами. Императоры того периода были военными самодержцами, и столица империи перемещалась в зависимости от обстоятельств войны. Она находилась то в Милане,

то на территории современной Сербии в Сирмиуме или Нише, то в малоазийской Никомедии. Расположенный в Италии Рим был слишком далеко от средоточия интересов, чтобы служить императорской резиденцией, и приходил в упадок. Но почти по всей Италии сохранялся мир, и люди могли безопасно передвигаться без оружия. Единственным гарантом власти оставались легионы; все более и более зависящие от них императоры усиливали гнет по отношению к остальной империи, и их государство постепенно превращалось в разновидность восточной деспотии, наподобие

персидской. Диоклетиан даже возложил на себя диадему и носил восточные одеяния.

Враги уже нападали на римскую границу, проходившую, среди прочего, по Рейну и Дунаю. К Рейну приблизились франки и другие германские племена, север Венгрии заняли вандалы, а Дакию (теперь это Румыния) захватили вестготы, за которыми из Южной России двигались остготы, а следом за ними аланы. Кроме того, на Европу надвигались и монгольские народы. Гунны уже брали дань с аланов и остготов и теснили их на запад.

В Азии римская граница рушилась под напором

возрождающейся Персии:
сасанидские монархи готовились
стать успешными соперниками Рима
в ближайшие три столетия.

Взглянув на карту Европы,
читатель сразу поймет, в чем была
главная слабость империи. Дунай
протекает по нынешним Боснии и
Сербии всего в двух сотнях миль от
Адриатического моря, поворачивая
здесь почти под прямым углом к югу.
У римлян никогда не было должного
порядка на морских путях, и эта
двухсотмильная полоса земли
являлась единственным путем
сообщения между западной
(латинской) и восточной (греческой)
частями государства. Именно на этот

прямой угол Дуная и приходилось наибольшее давление варваров. Когда они прорвали здесь границу, Римская империя неизбежно раскололась надвое.

Более жизнеспособное государство, возможно, ответило бы контрударом, но у римлян их былая энергия иссякала. Константин Великий был несомненно ревностным и разумным монархом. Он отразил нападение готов в ключевых областях на Балканах, но у него не хватило сил передвинуть границу за Дунай. Более всего его заботила внутренняя слабость империи. Он использовал нравственную энергию христианства

для возрождения угасающего духа и основал новую постоянную столицу в Византии на Геллеспонте. Ко времени его смерти Византий, названный в его честь Константинополем, все еще строился. В конце царствования Константина произошло весьма примечательное событие. Теснимые готами вандалы просили принять их на земли Римской империи и были поселены в Паннонии (теперешняя Венгрия к западу от Дуная), а их воинов номинально зачислили в легионеры. Но новые легионы остались в подчинении у своих предводителей: Рим уже не сумел их ассимилировать.

Константин умер в трудах по преобразованию великой Империи, и снова границы были прорваны, и вестготы подошли чуть ли не под стены Константинополя. Они победили императора Валента при Адрианополе и обосновались на территории современной Болгарии, подобно расселившимся в Паннонии вандалам. Номинально являясь подданными императора, вестготы фактически были завоевателями Империи.

В правление императора Феодосия Великого (379—395 гг.) Римская империя формально сохраняла свою целостность, но армиями в Италии и Паннонии

командовал вандал Стилихон, а на Балканском полуострове — гот Аларих. После смерти Феодосия остались два его сына, Аркадий и Гонорий. Первого поддерживал Аларих в Константинополе, второго — Стилихон в Италии, которые боролись между собой за империю, используя наследников Феодосия как марионеток. Аларих вторгся в Италию и после краткой осады взял Рим (410 г.).

В первой половине V века вся европейская часть Римской империи стала добычей варваров. Трудно даже представить, что происходило тогда во Франции, Испании, Италии, на Балканском полуострове, во всех тех

городах, которые процветали в эпоху ранней Империи, а теперь обезлюдели, обнищали и пришли в упадок. Жизнь в них оскудела и стала непредсказуемой. Местные чиновники продолжали еще управлять от имени далекого и недоступного императора. В церквях не прекращались богослужения, но по большей части с неграмотными священниками. Читать стали мало, зато заметно возросли суеверия и страхи. И все-таки всюду, где еще не прошли грабители, уничтожавшие все на своем пути, оставались книги, статуи, картины и другие произведения искусства.

Загородная жизнь также

оскудела, везде царил беспорядок и запустение. В некоторых местностях из-за войн и эпидемий земля превратилась в пустоши, а дороги и леса кишели разбойниками. Сюда почти беспрепятственно проникали варвары и захватывали власть, нередко перенимая официальные римские титулы. Если это были полуцивилизованные варвары, они устанавливали на завоеванных территориях более или менее терпимый порядок, селились в городах, смешивались с местными жителями, женились на местных женщинах и даже перенимали местный язык. Но такие сельские народы, как юты, англ и саксы,

подчинившие себе римскую провинцию Британию, в городах не нуждались. Они, по всей видимости, уничтожили во всей Южной Британии романизированное население и заменили его язык германскими диалектами, которые впоследствии превратились в английский язык.

Размеры этой книга не позволяют проследить все перемещения германских и славянских племен по разрушавшейся и дезорганизованной Империи в поисках добычи и удобных мест для поселения. В качестве примера рассмотрим только вандалов. Впервые они появились на

территории Восточной Германии, а затем, как уже говорилось, обосновались в Паннонии. Оттуда около 425 г. вандалы двинулись в Испанию и прошли провинции, где уже правили герцоги и короли вестготов и вожди других германских племен. Под предводительством Гензейриха вандалы переплыли из Испании в Северную Африку (429 г.), овладели Карфагеном (439 г.) и построили флот. Добившись господства на море, они захватили и разграбили Рим (455 г.), который едва только оправился от погрома, учиненного Аларихом полвека назад. Затем вандалы захватили Сицилию и почти все острова в западной части

Средиземного моря. Фактически они создали морскую империю, наподобие карфагенской, существовавшей семьсот лет назад. Около 477 г. вандалы достигли вершины своего могущества, но в следующее столетие Византийская империя, где при Юстиниане I произошла недолгая вспышка энергии, отвоевала все захваченное ими.

История вандалов — это лишь один пример из множества подобных. А на европейский мир тем временем надвигались самые страшные из всех разрушителей, которые принадлежали к совсем иной, желтолицей, расе. Это были

гунны — народ, до сих пор в западном мире неизвестный.

XXXII. ГУННЫ И КОНЕЦ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ

Появление монгольских завоевателей в Европе стало началом новой эпохи в истории человечества. До последнего века перед христианской эрой монгольские и нордические народы не приходили в тесное соприкосновение. Далеко за северными лесами по обледенелой тундре кочевал монгольский народ саамы, добравшийся до Лапландии, но они не сыграли в центральном потоке истории никакой роли. На

протяжении тысячелетий в западном мире происходило драматическое взаимодействие арийской, семитской и исконной темноволосой расы без вмешательства (исключая вторжение эфиопов в Египет) чернокожих народов Юга и монголов Дальнего Востока.

Вероятно, новое переселение кочевых монгольских племен на Запад было вызвано двумя главными причинами. Во-первых, сплочением Великой Китайской империи, распространившейся к северу при одновременном росте ее населения в эпоху процветающей династии Хань. Во-вторых, некоторыми климатическими изменениями

(уменьшением дождей и, как следствие, исчезновением болот и лесов; или, напротив, усилением осадков и расширением пастбищ на засушливые степи). Возможно, в разных областях происходили оба эти процесса, что могло способствовать миграции на Запад. И наконец, в-третьих, экономическим оскудением, внутренним разложением и сокращением населения Римской империи. Богачи поздней республики, а потом сборщики налогов при императорах-воинах высосали все ее жизненные силы. Таким образом, мы видим напор с Востока, застой на Западе и открытый путь между ними.

К I веку н. э. гунны достигли восточных пределов европейской России, но лишь в IV и V веках стали владыками степей. V столетие было столетием гуннов. Сначала в Италию пришли их наемные отряды, служившие вандалу Стилихону, который управлял императором Гонорием, и заняли Паннонию — опустевшее гнездо вандалов.

Во второй четверти V века у гуннов появился великий вождь — Атила, о чьей власти до нас дошли лишь неясные и туманные известия. Он правил не только гуннами, но целым конгломератом верных ему германских племен. Его империя протянулась от Рейна до

Центральной Азии. Он обменивался послами с Китаем, а его главный лагерь находился на Венгерской равнине к востоку от Дуная, где его посетил посланник из Константинополя Приск, оставивший описание этого государства. Образ жизни монголов был почти такой же, как у вытесненных первобытных арийцев. Простые люди жили в хижинах и шатрах, вожди — в огороженных частоколом деревянных постройках. Они устраивали праздники с выпивкой и пением бардов. Герои Гомера и даже македонские соратники Александра Великого наверняка уютнее почувствовали бы

себя в лагере Аттилы, чем при утонченно-порочном дворе Феодосия II (сына императора Аркадия), правившего тогда в Константинополе.

Какое-то время казалось, что кочевникам во главе с Аттилой суждена по отношению к эллинской цивилизации та же роль, какую в незапамятные времена сыграли в судьбе эгейского мира греки. История повторялась, но уже в больших масштабах. Однако гунны оказались гораздо сильнее привязаны к кочевой жизни, чем первобытные греки, которые в сущности были не кочевниками, а мигрирующими скотоводами. Гунны нападали и

грабили, но оседлыми не становились.

Несколько лет Атилла всячески запугивал и задира́л Феодосия. Его орды опустошали и грабили империю вплоть до стен Константинополя. Гиббон^[25] говорит, что они разрушили на Балканском полуострове не менее семидесяти городов. Феодосий откупился от Атиллы уплатой дани и даже подсылал к нему тайных убийц. В 451 г. Атилла обратил свое внимание на остатки латинской половины империи и вторгся в Галлию, где разорил почти все северные города. Франки и вестготы, объединившись с императорским войском, двинулись

против него, и он был разгромлен в битве при Труа, когда, по разным оценкам, пали 150—300 тысяч человек. Это остановило Атиллу в Галлии, но отнюдь не исчерпало колоссальные военные ресурсы гуннов. В следующем году Аттила пришел через Венгрию в Италию, сжег Аквилею и Палую и разграбил Милан.

Многие жители этих итальянских городов, главным образом падуанцы, бежали на острова северных лагун Адриатики и основали там город-государство Венецию, которая стала в Средние века одним из величайших торговых центров.

В 453 г. Атила внезапно умер после пиршества на своей свадьбе, и грабительская конфедерация гуннов распалась, а сами гунны исчезали из истории, смешавшись с многочисленными арийскими племенами. Великое нашествие гуннов практически покончило с латинской половиной Римской империи. За двадцать лет после смерти Атилы там сменилось десять императоров, которых возводили на престол легионы вандалов и других племен. В 455 г. карфагенские вандалы взяли и разграбили Рим, и наконец в 476 г. вождь варварского войска Одоакр заставил отказаться от власти

выходца из Паннонии, правившего под громким именем Ромула Августула, и известил константинопольский двор о том, что на Западе больше нет императоров. Так бесславно завершила свое существование латинская половина Римской империи. В 493 г. гот Теодорих стал всего-навсего королем Рима.

Теперь по всей Западной и Центральной Европе правили варварские вожди, называвшие себя королями, герцогами и т. п. и обладавшие почти полной независимостью, если не считать призрачного подданства византийскому императору. Этих

правителей-разбойников насчитывалось сотни, если не тысячи. В Галлии, Испании, Италии и Дакии по-прежнему преобладала латинская речь, хотя и в местных, искаженных, формах, но в Британии и к востоку от Рейна были в употреблении языки германской расы (а в Богемии славянский язык — чешский). Высшее духовенство и просто образованные люди читали и писали по-латыни. Жизнь была опасной, а собственность нуждалась в вооруженной защите. Замков строили все больше, но дороги приходили в запустение. Начало VI столетия было веком распада во всем западном мире. Если бы не монахи и

миссионеры, христианская ученость безвозвратно погибла бы.

Чем же объясняется возвышение и упадок Римской империи? Она росла потому, что ее сплачивала идея гражданского общества. При экспансии республики и даже в эпоху ранней империи находилось немало людей, осознававших римское гражданство как привилегию и как обязанность, твердо уверенных в своих охраняемых законом правах. Они были готовы на жертву ради государства. Престиж Рима как чего-то великого и справедливого распространился далеко за его пределы. Но уже во времена Пунических войн чувство

гражданственности ослабилось по причине роста богатств и рабовладения. Число граждан росло, а идея гражданского общества не укоренялась.

Римская империя была все-таки очень примитивно организована; она не учила и не разъясняла себя все увеличивавшимся массам новых граждан и не позволяла им хоть как-то участвовать в принимаемых государством решениях. Не было сети школ, сплачивавших общество, не было распространения новостей для поддержания коллективной деятельности. Авантюристы, боровшиеся за власть, начиная с Мария и Суллы, и понятия не имели

о значении общественного мнения, и потому никто даже не заметил исчезновения духа гражданственности. Все империи, все государства, все сообщества зависят в конечном счете от понимания и воли к действию. Для сохранения и поддержания Римской империи ни у кого не оставалось ни воли, ни желания, и тогда наступил ее конец.

Но хотя латинская Империя умерла в V веке, из нее родилось нечто иное, присвоившее себе ее престиж и традиции, а именно романская часть католической церкви. Она выжила, несмотря на смерть Империи, потому что

обращалась к уму и воле людей, потому что у нее были книга и великая система учителей и миссионеров, то есть нечто более сильное и способствующее сплочению, чем власть легионов. В IV и V веках, когда империя распадалась, христианство приобретало все большее влияние во всей Европе. Оно победило своих завоевателей-варваров. Когда Атила собирался идти на Рим, римский первосвященник встал на его пути и одной только силой морального воздействия сделал то, на что не способна была армия, — он заставил его повернуть назад.

Папа Римский претендовал на

главенство во всей христианской церкви. Когда не стало императоров, он присвоил себе императорские титулы и притязания и назвал себя pontifex maximus — первосвященником в римских владениях, древнейшим среди императорских титулов.

XXXIII.

ВИЗАНТИЙСКАЯ И САСАНИДСКАЯ ИМПЕРИИ

Греческая (восточная) половина Римской империи оказалась значительно устойчивее западной. Она пережила все катастрофы V века, которые уничтожили римское латинское государство. Атила запугивал императора Феодосия II и доходил почти до стен Константинополя, но город все-таки уцелел. Нубийцы спустились по

Нилу и разорили Верхний Египет, однако Нижний Египет и Александрия продолжали благоденствовать. Большую часть Малой Азии удалось отстоять от сасанидских персов.

VI век, когда Запад погрузился в кромешную тьму, стал для греков временем возрождения. Юстиниан I (527—565 гг.), правитель с огромными амбициями и деятельным характером, женился на Феодоре, которая в молодости выступала на театральных подмостках, но своими способностями ничуть не уступала мужу. Юстиниан отвоевал у вандалов Северную Африку, прогнал почти

всех готов из Италии и возвратил империи юг Испании. Войнами он не ограничился: основал университет, построил великолепный храм Святой Софии в Константинополе и создал свод римских законов. Он же, впрочем, закрыл философские школы в Афинах (соперников своего университета), которые существовали со времен Платона, то есть почти тысячу лет.

Начиная с III века грозным соперником Византии становится Персидская империя. Обе державы постоянно опустошали Малую Азию, Сирию и Египет, которые в I веке по-прежнему сохраняли высокий

уровень цивилизации и благосостояния. Однако постоянные передвижения войск по их территории, сопровождавшиеся убийствами, грабежами и поборами, истощали и изнуряли эти страны, и в конце концов там остались одни руины. В трагическом процессе запустения и анархии меньше других пострадал Нижний Египет. Александрия, как и Константинополь, все еще поддерживала (неуклонно сокращавшуюся) торговлю между Востоком и Западом.

Казалось, наука и политическая философия окончательно умерли в постоянно воюющих и

разлагающихся империях. Афинские философы вплоть до запрещения их школ с благоговением хранили тексты великой литературы прошлого. Но в мире уже не осталось людей свободного и смелого ума, и продолжить воплощенную в древних книгах традицию открытого взгляда и исследования было некому. Это объясняется прежде всего социально-политическим хаосом, а также тем, что восприятие людей того времени стало бесплодным и лихорадочно-возбужденным. В Персии и Византии, где сложились религиозные системы, резко ограничивающие свободу человеческого разума, наступил век

нетерпимости.

Конечно, в прежних царствах основой также служил культ божества или царя-бога, каким, например, почитали Александра Великого, а римским цезарям воздвигали алтари, где для подтверждения верности Риму граждане обязаны были совершать торжественные воскурения. Однако старые религии являлись в сущности культами жеста и факта и не порабощали ум. Если человек приносил жертву, ему не возбранялось не только думать, но и говорить все, что он хочет. Однако пришедшие им на смену новые религии, и прежде всего

христианство, обратились внутрь человека, требуя не только внешнего соответствия, но и внутренней убежденности. Как следствие, возникли яростные споры о точном смысле веры. В мир пришло новое слово — правоверие (ортодоксия), с его жесткой решимостью ограничить не только слова людей, но и их мысли рамками установленного учения. Отныне ложное мнение, а тем более передача его другим, считалось не просто дефектом ума, а нравственным изъяном, способным повлечь за собой вечную гибель.

И Ардашир I, основавший династию Сасанидов в III веке н. э., и Константин Великий, воссоздавший

Римскую империю в IV веке, обратились за помощью к религиозным организациям, в которых видели средство для овладевания умами людей. Уже к концу IV века в обеих империях преследовались свободные мнения и религиозные новшества. В Персии Ардашир восстановил древний культ Зороастра, со священнослужителями, храмами и священным огнем в алтарях, как государственную религию. Еще за сто лет до этого зороастризм преследовал христиан, а в 277 г. Мани, основатель нового учения — манихейства, был распят, и с него содрали кожу. В Константинополе также боролись с

ересями. Манихейские идеи проникли в христианство, и их искореняли жесточайшими мерами. Христианство, в свою очередь, нарушало чистоту зороастризма. Да и вообще, все идеи стали казаться подозрительными. Наука, которой необходим свободный и ясный ум, пришла за этот период религиозной нетерпимости в полный упадок.

Жизнь Византии того времени наполняли войны, религиозные преследования, политические распри и, конечно же, самые обычные пороки. Она была красочна и романтична, но в ней почти не оставалось места для радости и легкости. Когда Византия и Персия

не воевали с северными варварами, они в ожесточенной борьбе друг с другом опустошали Малую Азию и Сирию. Даже объединившись в союз, обе империи с большим трудом отражали набеги варваров. Турки или татары впервые появляются в истории как союзники то одной, то другой из них. В VI веке главными соперниками были Юстиниан и Хосров I, в начале VII — Ираклий и Хосров II (580 г.).

До воцарения Ираклия (610 г.) Хосров неизменно сметал все на своем пути. Он взял Антиохию, Дамаск и Иерусалим, его армии дошли до Халкидона, расположенного на малоазийском

берегу напротив Константинополя. В 619 г. он завоевал Египет, но затем его стал теснить Ираклий, разгромивший персидское войско при Ниневии (627 г.), хотя тогда персы стояли еще в Халкидоне. В 628 г. Хосров был свергнут и убит своим сыном Кавадом, после чего между двумя уже истощенными империями был заключен мир.

Византия и Персия больше не воевали друг с другом, но мало кто мог тогда вообразить, какая гроза собирается в далеких пустынях, чтобы навсегда положить конец этой хронической и бессмысленной борьбе.

Император

Ираклий

умиротворял Сирию, когда в его резиденцию к югу от Дамаска было доставлено послание, написанное по-арабски — то есть на неведомом семитском языке. Его прислал тот, кто называл себя «Мухаммедом, Пророком Бога». Он обращался к императору с призывом признать Единственного Истинного Бога и служить ему. Ответ императора остался нам неизвестен.

Такое же послание пришло и к Каваду. Он разорвал его и прогнал гонца.

Судя по всему, Мухаммед был предводителем бедуинов, который обосновался в городке среди пустыни, называвшемся Мединой.

Он проповедовал новую
религию Единого Истинного Бога.

«О, Господь, — взывал он, —
вырви у Кавада его царство!»

XXXIV. ДИНАСТИИ СУЙ И ТАН В КИТАЕ

На протяжении V—VIII веков миграция монгольских народов на Запад не прекращалась. Гунны Аттилы были лишь предвестниками этой миграции, которая, привела в конце концов к расселению монголов в Финляндии, Эстонии и Венгрии, где их потомки, говорящие на тюркском языке, живут до сих пор. Монгольские племена сыграли по отношению к арийским цивилизациям Европы, Персии и

Индии ту же роль, что сами арийцы по отношению к эгейской и семитской цивилизациям много веков назад.

В Центральной Азии тюркские народы осели в Западном Туркестане, и персы принимали на службу тюркских чиновников и воинов-наемников. Парфяне исчезли из истории, поглощенные массой персидского населения, а в Центральной Азии кочевники арийцы больше не появлялись — их сменили монголы. Тюрки стали хозяевами Азии от Китая до Каспийского моря.

Во II веке та же страшная эпидемия, которая опустошила

Римскую империю, привела к свержению династии Хань в Китае. Затем наступил период распада и гуннских завоеваний, но Китай обновился гораздо быстрее и полнее, чем Европа. До конца VI века Китай вновь объединился под властью династии Суй, которая ко времени византийского императора Ираклия сменилась династией Тан, принесшей с собой еще одну эпоху процветания.

В VII—IX веках Китай был самой безопасной и цивилизованной страной в мире. Династия Хань расширила его границы на севере, а династии Суй и Тан распространили китайскую цивилизацию к югу, и

страна начала принимать
современные очертания. В
Центральной Азии Китай
продвинулся через территории
вассальных тюркских племен до
Персии и Каспийского моря.

Это была уже совсем другая
страна, не похожая на ханьский
Китай. Возникла новая литературная
школа, положившая начало великому
поэтическому возрождению. Буддизм
неузнаваемо преобразил философию
и религию. Небывалого расцвета
достигли искусства, ремесла и все
то, что способствует комфорту
повседневной жизни. Стали пить
чай, изобрели бумагу, появилась
наборная печать деревянными

литерами. Миллионы китайцев вели спокойную и приятную жизнь, тогда как изрядно сократившееся население Европы и Центральной Азии ютилось в жалких лачугах или пряталось за стенами городов и крепостей. Умы на Западе были омрачены религиозным фанатизмом, в Китае же процветали открытость, терпимость и дух исследования.

Одним из первых императоров Танской династии был Ли Ши-минь, вступивший на престол в 627 г., когда Ираклий одержал победу при Ниневии. К Ли Ши-миню прибыло посольство от Ираклия (который, вероятно, искал себе союзников против Персии), а из Персии —

христианские миссионеры (635 г.), которым позволили объяснить свое учение самому императору. Рассмотрев Священное Писание, он признал эту странную религию приемлемой и разрешил основать церковь и монастырь.

К Ли Ши-миню прибыли в Кантон на купеческом судне и посланцы Мухаммеда (628 г.), проделавшие путь из Аравии вдоль индийских берегов. В отличие от Ираклия и Кавада, император вежливо выслушал их, заинтересовался идеями Мухаммеда и даже помог выстроить в Кантоне мечеть, которая будто бы сохранилась до наших дней как древнейшая

мечеть в мире.

XXXV. МУХАММЕД И ИСЛАМ

Если бы в начале VII века какой-нибудь любитель истории задумался о будущем, он вполне логично заключил бы, что через несколько веков и Европа, и Азия окажутся под властью монголов. На Западе не угадывалось и признака порядка, а Византийская и Персидская империи, не скрывая этого, стремились друг друга уничтожить. Индия была разделена и опустошена. Китай, с другой стороны, неуклонно рос и, вероятно, в это время превосходил по численности всю

Европу. В Центральной Азии преобладали тюркские народы, старавшиеся поддерживать мир с Китаем. Таким образом, предсказание нашего любителя истории было бы не беспочвенным. В XIII веке монгольские владыки достигли господства на пространстве от Дуная до Тихого океана, а тюркские династии воцарились в Византийской и Персидской империях, в Египте и на большей части Индии.

Но даже прозорливый предсказатель не предугадал бы способности латинской Европы к восстановлению и не обнаружил бы скрытые силы в Аравийской

пустыне, которая представлялась всего лишь прибежищем постоянно враждовавших между собой кочевых племен. Уже более тысячи лет ни один семитский народ не основывал своего государства.

И вдруг за какое-то столетие ярко вспыхнула звезда бедуинов. Они распространили свою власть и язык от Испании до границ Китая. Они принесли миру новую культуру и создали религию, которая до сих пор является одним из самых жизненных духовных источников.

Человек, зажегший арабское пламя — Мухаммед, — появляется сначала как молодой муж вдовы богатого купца из Мекки. До сорока

лет он ничем себя не проявил, разве что незаурядным интересом к религиозным спорам. Мекка была языческим городом, где особо чтили некий черный камень, называвшийся Кааба, к которому спекались паломники со всей Аравии. Рядом с арабами жило немало евреев, вся южная часть страны исповедовала иудаизм, а неподалеку, в Сирии, были христианские церкви.

В сорок лет у Мухаммеда проявился пророческий дар, как некогда у еврейских пророков, живших за двенадцать столетий до него. Сначала о Едином Истинном Боге, воздаянии добродетельным и казнях для грешников он поведал

своей жене. Несомненно, на него сильнейшим образом повлияли иудейские и христианские идеи. Мухаммед собрал вокруг себя кружок прозелитов и начал обличать преобладавшее в Мекке идолопоклонство. Это восстановило против него жителей города, для которых паломничество было главным источником благосостояния. Но Мухаммед смело и открыто проповедовал свое учение и объявил себя последним пророком, которому Бог доверил сделать веру совершенной. По его словам, Авраам и Иисус Христос были его предтечами, но сам он избран для окончательного свершения воли Бога.

Мухаммед читал стихи, которые будто бы принес ангел, вознесший его на небо, где он узнал о предназначенной ему миссии.

Его учение стало распространяться, а заодно росла и враждебность к нему жителей Мекки. Наконец состоялся заговор с целью убить Мухаммеда. Один верный друг и последователь, Абу Бакр, помог ему бежать в дружественный город Медину, принявший новую веру. Вражда между Меккой и Мединой завершилась договором. Мекка согласилась признать Единого Истинного Бога и Мухаммеда как его пророка, *по адептам новой религии*

вменялось в обязанность совершать паломничество в Мекку, как это было при язычестве. Так Мухаммед установил веру в Единого Истинного Бога, не лишив Мекку доходов от паломников. В 629 г. он вернулся в нее как властитель, а в следующем году отправил уже упомянутых послов к Ираклию, Ли Ши-миню, Кавду и ко всем правителям земли.

За четыре оставшихся ему года жизни (до 632 г.) Мухаммед распространил свою власть на всю Аравию. Он взял себе несколько жен, и его жизнь, по нашим понятиям, была далеко не безупречной. Судя по всему, в характере этого человека соединялись незаурядное тщеславие,

жадность и хитрость, смешанные с самообманом и искренним религиозным чувством. Он продиктовал книгу заповедей и толкований — Коран, который, по его словам, был дан ему самим Богом, хотя в литературном и философском отношении Коран далеко не соответствует божественности приписываемого ему источника.

Помимо очевидных пороков в жизни и писаниях Мухаммеда ислам унаследовал принесенные им арабам энергию и религиозное вдохновение. Очень характерен бескомпромиссный монотеизм ислама, без лишних богословских

сложностей утверждающий
отцовскую власть Бога. Другая его
отличительная черта — полная
независимость от
священнослужителей и храмов. Эта
чисто пророческая религия
окончательно порвала с кровавыми
жертвоприношениями. Коран
недвусмысленно говорит об
исключительно обрядовом смысле
паломничества в Мекку, и Мухаммед
принял все меры, чтобы
предотвратить свое обожествление
после смерти. Третий элемент,
дающий исламу силу, — постулат о
братстве и равенстве перед Богом
всех верующих, независимо от
происхождения, цвета кожи и

положения в обществе.

Все это сделало новую религию колоссальной силой в истории человечества. Говорили, будто бы истинным основателем ислама был друг и помощник Мухаммеда Абу Бакр. Если Мухаммед с его неуравновешенным характером был умом и вдохновением ислама, то Абу Бакр — его совестью и волей, и когда Мухаммед колебался, Абу Бакр укреплял его. После смерти Мухаммеда он стал халифом (преемником) и, обладая той верой, которая сдвигает горы, принялся за покорение мира Аллаху, начав с небольшого войска в три-четыре тысячи человек, во исполнение того,

о чем Мухаммед писал в своих посланиях из Медины в 628 г. ко всем правителям мира.

XXXVI. ВЕЛИКАЯ ЭПОХА АРАБОВ

Далее следует самая невероятная история завоеваний, какую только знало человечество. В 634 г. византийское войско было сокрушено в битве у берегов Ярмука (приток Иордана). Расслабленному водянкой императору Ираклию оставалось лишь наблюдать, как его истощенная персидской войной держава почти без сопротивления уступает мусульманам все приобретенное ей в Сирии, а также Дамаск, Пальмиру, Антиохию, Иерусалим и т. д. Население

империи массами принимало ислам. Затем арабы обратились на Восток. У персов был талантливый полководец Рустам и большое войско с боевыми слонами. Три дня он сражался с мусульманами при Кадисии, но все-таки дрогнул и потерпел сокрушительное поражение (637 г.).

Последовало завоевание Персии, и мусульманская империя вклинилась в Западный Туркестан и далее на восток, пока арабы не встретились с китайцами. Египет сдался почти без сопротивления, и новые завоеватели в своем фанатическом убеждении, что на все случаи жизни достаточно одного Корана, уничтожили в Александрии

остатки мастерских по переписке и изготовлению книг. Волна завоеваний прокатилась по северному берегу Африки до Гибралтарского пролива и Испании, куда арабы вторглись в 710 г., а в 720-м уже подошли к Пиренеям. Они достигли Центральной Франции (732 г.), но здесь в битве при Пуатье были наконец остановлены и отброшены в Испанию. Завоевание Египта дало мусульманам флот, и какое-то время казалось, что они захватят Константинополь, который подвергли нескончаемым атакам с моря в 672—718 гг. Однако великий город сумел себя отстоять.

Арабы не отличались

способностью к дипломатии и не имели политического опыта, и потому раскинувшейся от Испании до Китая империи суждено было очень быстро распасться. Единство мусульман с самого начала подрывалось богословскими распрями, но нас интересует прежде всего их влияние на человеческий ум и судьбы всего мира. Арабское мировоззрение распространилось по всему миру быстрее, чем греческое тысячу лет тому назад, породило мощные интеллектуальные импульсы для всего человечества к западу от Китая и привело к отказу от прежних идей и возникновению новых понятий и воззрений.

В Персии пробудившийся арабский ум пришел в соприкосновение не только с манихейством, зороастризмом и христианством, но и с научной греческой литературой, сохранившейся в оригиналах и сирийских переводах. Греческую ученость мусульмане нашли также в Египте. Повсюду, особенно в Испании, на их пути встречалась активная еврейская традиция мировосприятия и философских споров. В Центральной Азии арабы познакомились с буддизмом и достижениями китайской цивилизации и научились делать бумагу. Наконец, им стали известны

индийские математики и философы.

Довольно скоро нетерпимость новой религии, которой Коран представлялся единственной душеполезной книгой, была забыта. Повсюду по стопам арабских завоевателей зарождалась наука. К VIII веку во всем «арабизированном» мире действовала образовательная система. В IX веке ученые из Кордовы обменивались письмами с коллегами из Клира, Багдада, Бухары и Самарканда. Еврейское мировоззрение легко ассимилировалось с арабским, и на какое-то время оба семитских народа объединились в совместной деятельности, пользуясь арабским

языком. Это интеллектуальное сообщество сохранялось еще долго после распада арабской империи. Даже в XIII веке оно приносило замечательные плоды.

Таким образом, то систематическое накопление знаний, которое было начато греками, продолжилось благодаря поразительному возрождению семитского мира. Зерна, посеянные Аристотелем и александрийским Музеем и долго пребывавшие в спячке, дали теперь всходы, чтобы принести наконец плоды. Были достигнуты чрезвычайные успехи в математике, медицине и физике. Громоздкие римские цифры

уступили место арабским, которые используются до настоящего времени, впервые появился знак нуля. Слова *алгебра* и *химия* имеют арабское происхождение. Названия таких звезд, как Алголь и Альдебаран, хранят в себе следы завоеваний арабов на небесном своде. Их философские трактаты придали новое дыхание средневековой философии не только во Франции и Италии, но и во всем христианском мире.

Арабских химиков называли алхимиками, но тогда они еще не покинули состояния варварства и скрывали свои методы и результаты исследований, понимая, какое

колоссальное влияние их открытия могут оказать на человечество. Алхимики изобрели и открыли множество полезных веществ, процессов и устройств в области металлургии и техники: сплавы и красители, способы возгонки жидкостей и оптическое стекло. Но две свои главные цели они так и не достигли: «философский камень» — способ превращения одного металла в другой, то есть возможность получать искусственное золото, и *elixir vitae*^[26] — стимулирующее вещество для омоложения и бесконечного продления жизни. Настойчивые эксперименты арабских алхимиков перешли и в

христианский мир. Постепенно их деятельность стала более практичной. Они поняли, как выгодно обмениваться друг с другом идеями, и постепенно превратились из алхимиков в естествоиспытателей.

Старые алхимики искали «философский камень», чтобы добыть золото и эликсир бессмертия, но при этом они выработали методы современной экспериментальной науки, в которой заложена неограниченная власть человека над природой и своей судьбой.

XXXVII. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЗАПАДНОГО ХРИСТИАНСКОГО МИРА

В VII и VIII веках под властью арийцев остались до предела сократившиеся территории, хотя еще тысячу лет назад арийские племена побеждали во всем цивилизованном мире к западу от Китая. Но теперь монголы продвинулись до Венгрии, а в Азии не осталось арийских владений, за исключением

византийских в Малой Азии. Была потеряна вся Африка и почти вся Испания. Великий эллинский мир сжался вокруг торгового города Константинополя, а память о Римской империи сохранилась лишь в латинском языке западных священников. Ярким контрастом этому упадку явилось возрождение семитской традиции, заново восставшей после тысячи лет порабощения и небытия.

И все же жизненные силы нордических народов не истощились. Ограниченные пространством Центральной и Северо-Западной Европы, окончательно запутавшиеся в своих социальных и политических

представлениях, они тем не менее постепенно и неуклонно создавали новое общество и бессознательно накапливали силу, которой у них еще не было.

Мы уже говорили, что в начале VI века в Западной Европе не оставалось центрального правительства; она была разделена между множеством мелких правителей, всеми силами державшихся за свои владения. Такое неустойчивое положение не могло долго продолжаться; из анархии выросла система взаимодействия и объединения — феодализм, повлиявший на всю европейскую жизнь вплоть до нашего времени.

Феодализм представлял собой нечто вроде кристаллической решетки вокруг центров власти. Нигде человек-одиночка не чувствовал себя в безопасности и готов был отдать часть своей свободы в обмен на помощь и защиту. Он искал себе господина и покровителя, нес военную службу, платил подати, а взамен ему гарантировалась неприкосновенность его имущества. В свою очередь и его сеньор ради своей безопасности становится вассалом более сильного сеньора. Городам тоже было выгодно иметь феодальных покровителей, равно как и монастырям и церковным владениям. Во многих случаях

вассальная зависимость навязывалась сверху, и система росла не только снизу вверх. В разных местах феодальные пирамиды, создаваемые с изрядной долей насилия и частными войнами, заметно отличались друг от друга, и все же они неуклонно двигались к порядку и новой законности и в конце концов превращались в королевства. Уже в начале VI века там, где сейчас находятся Франция и Нидерланды, Хлодвиг основал Франкское королевство. Существовали и королевства вестготов, лангобардов и готов.

Появившиеся за Пиренеями в 720 г. арабы столкнулись с франками,

которыми фактически правил Карл Мартелл, майордом одного из выродившихся потомков Хлодвига. Карл разгромил мусульманское войско в битве при Пуатье (732 г.) и стал верховным правителем всей Европы к северу от Альп и Пиренеев вплоть до Венгрии. Он подчинил себе множество властителей, говоривших на франко-латинском и нижненемецком языках. Его сын Пипин искоренил последних потомков Хлодвига и сам стал королем, а внук Пипина Карл Великий, воцарившийся в 768 г., правил такой обширной державой, что решил присвоить себе титул римского императора. Он завоевал

Северную Италию и стал хозяином Рима.

Рассматривая историю Европы в более широком масштабе, можно отчетливо видеть, сколь ограничена и катастрофична была традиция Римской империи. Упорная борьба за этот фантом сжигала энергию европейцев чуть ли не тысячелетие, в течение которого прослеживаются непримиримые антагонизмы, напоминающие одержимость безумца. Одной из движущих сил стала жажда преуспевающих правителей занять трон цезарей. Их высшим воплощением был Карл Великий, держава которого представляла собой конгломерат

феодалных германских государств, пребывавших на разных ступенях варварства. К западу от Рейна большинство германцев выучились различным диалектам латыни, слившимся в конце концов воедино и образовавшим французский язык. На Востоке родственные им народы сохранили германскую речь, что затрудняло связи между двумя группами варваров-завоевателей, и они как бы раскололись надвое, тем более что, по франкским обычаям, после смерти Карла Великого его сыновья разделили империю между собой. Таким образом, мы наблюдаем, как в истории Европы царствование династии Карла

Великого перерастало в борьбу за призрачное главенство над королями, князьями, герцогами, епископами и городами. Антагонизм между франко- и германоязычными элементами возникшей смеси все более углублялся. Формально каждый император избирался, после чего амбициозные претензии вовлекали его в борьбу за обладание обветшалым и оказавшимся на обочине истории Римом, дабы короноваться там императорской короной.

Другим фактором европейского политического неустройства явилось стремление Римской церкви не допускать светских государей к

фактическому правлению империей, а сосредоточить всю власть в руках римского епископа, который становился *pontifex maximus*^[27] — безраздельным и полновластным хозяином. Лишенный войска, он обладал разветвленной по всему латинскому миру пропагандистской организацией, состоявшей из священников и монахов. Вместо власти над телом у него были ключи от рая и ада, позволявшие ему сильнейшим образом влиять на душу. В Средние века, когда один государь интриговал против другого, сначала добиваясь равенства с ним, затем превосходства и, наконец, высшего, императорского, титула, папа

Римский иногда совершенно открыто, иногда с разными ухищрениями, а то и с робостью (ведь папы были стареющими людьми, и в среднем их понтификат длился около двух лет) всячески стремился вынудить у них признание своего верховенства над ними как властителя всего христианского мира.

Подобными антагонизмами между государями или между императорами и папами европейские неурядицы отнюдь не исчерпывались. В Константинополе еще оставался византийский император, также претендовавший на власть во всей Европе. Карл

Великий возродил только латинскую часть Римской империи, и, вполне естественно, вскоре возникло соперничество греческого и латинского христианства. Папа Римский, утверждая свое преемство от св. Петра, главного христианского апостола, настаивал на своем первенстве в христианском мире. На это, конечно, не соглашались ни византийский император, ни константинопольский патриарх. Спор по поводу богословских тонкостей учения о Пресвятой Троице привел сначала к длительным разногласиям, а в 1054 г. и к окончательному разрыву. С тех пор латинская и греческая церкви

окончательно разделились и до сих пор пребывают в открытом конфликте, что также следует учитывать при рассмотрении всех тех раздоров, которые терзали западный христианский мир в Средние века.

На разделенный христианский мир враги обрушились одновременно с трех сторон. По берегам Балтийского и Северного морей оставались еще нордические племена, с трудом и очень медленно поддающиеся христианизации, — норманны. Исконные морские разбойники, они нападали на прибрежные города Европы вплоть до Испании. Поднимаясь вверх по русским рекам, норманны доходили

до степей, переволакивали свои суда к рекам, текущим на юг, и спускались в Черное и Каспийское моря, где также занимались морским разбоем. В России норманны основали несколько княжеств и получили там название русов. Эти русы-норманны чуть не захватили Константинополь. В начале IX века Англия была уже христианской страной нижнегерманцев под властью короля Эгберта, вассала и ученика Карла Великого. Норманны отобрали половину этого королевства у его преемника Альфреда Великого (886 г.), а при короле Кануте (1016 г.) овладели всей страной. В 912 г. норманнское войско под

предводительством Рольфа захватило север Франции, и эта территория стала называться Нормандией.

Канут правил не только Англией, но и Норвегией и Данией, однако это недолговечное государство распалось сразу же после его смерти по причине обычной для варварских народов политической слабости — раздела наследия между сыновьями. Интересно представить, как развивались бы события, если бы этот союз северных народов — людей поразительной смелости и энергии — сохранился. На своих судах норманны плавали в Исландию и Гренландию и стали первыми

европейцами, ступившими на землю Америки. Впоследствии норманнские авантюристы освободили от сарацинов Сицилию и разграбили Рим. Какая великая морская сила от Америки до России могла бы вырасти из королевства Канута!

Восточнее германцев и латинизированных европейцев возникла смесь славянских племен и тюркских народов, среди которых выделялись мадьяры, или венгры, переселившиеся на Запад в VIII и IX веках. Карл Великий некоторое время сдерживал их, но после его смерти венгры обосновались на территории современной Венгрии и

по примеру своих родственников предшественников, гуннов, каждое лето совершали набеги на различные области Европы. В 938 г., пройдя через Германию, венгры вторглись во Францию, перешли Альпы, захватили Северную Италию и оттуда возвратились на свои земли. Они грабили, убивали и предавали все огню и мечу.

С юга на останки Римской империи нападали еще и сарацины. Они захватили господство на море, где их единственными соперниками были норманны (те, что плавали по Черному морю из Руси, и те, что приходили с Запада).

Оказавшись между этими

агрессивными народами, Карл Великий и его амбициозные преемники, не оценив всех сложностей и опасностей, ввязались в тщетную драму восстановления великой западной державы под названием Священная Римская империя. Политическая жизнь Западной Европы, начиная с самого Карла, была буквально одержима этой идеей, тогда как на Востоке греческая часть наследия Рима угасала и рассыпалась, пока наконец совершенно не исчезла, не считая нескольких миль суши вокруг Константинополя. Политически весь европейский континент со времен Карла Великого на протяжении

тысячи лет сохранял традиционные застойные формы.

Имя Карла ярко отражено на страницах истории, но его личность предстает нам в размытом и неясном свете. Сам он не умел ни читать, ни писать, но с большим пиететом относился к учености и за столом любил слушать чтение вслух или, еще больше, богословские споры. В своих зимних резиденциях, Ахене и Майнце, Карл собирал вокруг себя ученых и многому из их разговоров научился. Летом он вел войны против испанских сарацинов, славян и мадьяр, а также против саксов и других языческих германских племен. До завоевания Северной

Италии ему вряд ли могла прийти в голову мысль стать цезарем, наследником Ромула Августула. Маловероятно и то, что ее внушил Карлу папа Лев III, который стремился сделать Римскую церковь независимой от Константинополя.

В Риме плелись самые изощренные интриги против каждого нового императора, чтобы соблюсти (или не соблюсти) хотя бы видимость получения им короны из рук римского первосвященника. Так, на Рождество 800 г. папе удалось лично короновать застигнутого врасплох претендента-завоевателя. Он возложил корону на Карла Великого и под восторженные крики

собравшегося народа провозгласил его императором. Но все это Карлу не очень понравилось, он почувствовал себя униженным и потому оставил своему сыну подробное наставление, чтобы тот ни в коем случае не позволял папе короновать себя императорской короной, а сам водрузил бы ее себе на голову. Чуть ли не в первые годы возрождения империи мы видим начало борьбы пап и императоров за верховенство, хотя сын Карла Великого Людовик Благочестивый пренебрег отцовскими наставлениями и полностью подчинился папе.

После смерти Людовика

империя распалась на части, и разрыв между франкоязычными и германоязычными франками углубился. Следующим императором стал Оттон, сын Генриха Птицелова, сакса, избранного в 919 г. на собрании князей и прелатов королем Германии. Западные князья и аристократы, говорившие на разных диалектах французского языка, не попали под власть германских императоров из династии Каролингов, происходившей от Карла Великого, не входила в Священную Римскую империю и ни одна часть Британии. За ее пределами остались герцог Нормандии, французский король и многие мелкие феодалы.

В 987 г. королевство Франция перешло от Каролингов к Гуго Капету, потомки которого правили там еще в XVIII веке. Но во времена Капета французский король владел лишь небольшой территорией вокруг Парижа.

В 1066 г. норвежский король Гарольд Хардрада и нормандский герцог романизированных норманнов Вильгельм почти одновременно вторглись в Англию. Английский король Гарольд разгромил норвежцев при Стемфорде, но был побежден при Гастингсе норманнами, которые завоевали его страну. Таким образом, Англия была отрезана от всего, что

происходило в Скандинавии, Германии и России, но оказалась теснейшим образом связанной с Францией. В последующие четыре столетия англичане увязли в конфликтах между французскими феодалами и гибли на полях Европы.

XXXVIII. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И ЭПОХА ПАПСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Интересно, что Карл Великий переписывался с Гарунном аль-Рашидом, героем сказок «Тысячи и одной ночи». Сохранившиеся сведения о посольстве из Багдада, который стал мусульманской столицей вместо Дамаска, сообщают о привезенных им дарах: роскошном шатре, водяных часах, слоне и ключах

от Гроба Господня. Ключи были тонко рассчитанным ходом, призванным разжечь вражду между византийцами и новой Священной Римской империей из-за права покровительствовать христианам в Иерусалиме.

Дары Гаруна аль-Рашида свидетельствуют о том, что в IX веке, когда Европа погрязала в войнах и опустошениях, в Египте и Месопотамии существовала вполне цивилизованная арабская империя. Там процветали наука, литература и искусство, а человеческий разум не страшился преследований фанатиков. Даже в Испании и Северной Африке, где власть

сарацинов шла на убыль, продолжалась богатая и разнообразная интеллектуальная жизнь. Пока Европа пребывала во мраке невежества, евреи и арабы читали и обсуждали труды Аристотеля, сохранив преданные европейцами забвению семена науки и философии.

К северо-востоку от владений калифа обитали тюркские племена. Они приняли ислам и относились к религии с большей прямолинейностью, чем интеллектуальные арабы и персы. В X веке сила тюрков все возрастала, а мощь арабов уже клонилась к упадку. Их отношения во многом повторяли

то, что происходило между мидянами и Вавилоном четырнадцать столетий назад. В XI веке несколько тюркских племен (турки-сельджуки) дошли до Месопотамии и, оставив там халифа номинальным правителем, фактически держали его в качестве пленника и орудия собственных интересов. Они завоевали Армению и обрушились на остатки Византии в Малой Азии. В 1071 г. войско Византии было разгромлено при Маназкерт, и турки беспрепятственно продвигались до тех пор, пока во всей Азии не осталось и следа греческой власти. Они захватили расположенную

напротив Константинополя крепость Никею и стали готовиться к штурму столицы.

Византийский император Михаил VII был парализован паническим ужасом. Ему и так уже приходилось вести тяжелую войну с отрядом норманнских авантюристов, захватившим Дураццо, и со свирепым тюркским народом — печенегами, которые бесчинствовали на Дунае. Отчаявшийся Михаил искал помощи где только возможно и обратился к папе Римскому как к главе западного христианского мира, а не к западному императору, что весьма примечательно. Он отправил послание Григорию VII, а его

преемник Алексей Комнин — папе Урбану II.

Не прошло еще и четверти века после разрыва между латинской и греческой церквами, и в умах людей живо сохранялась вся связанная с ним полемика. Катастрофа Византии предоставляла папе отличную возможность доказать превосходство Римской церкви над вероотступниками-греками. Кроме того, она позволяла справиться еще с двумя проблемами, досаждавшими западному христианскому миру: с «частными войнами», нарушавшими мирную жизнь, и с чрезмерной воинственностью нижегерманцев и христианизированных северных

народов, особенно франков и норманнов. Была провозглашена религиозная война — Крестовый поход против мусульманских захватчиков Иерусалима и мир между всеми христианами (1095 г.). Объявленной целью войны было освобождение Гроба Господня от неверных. Петр Отшельник всенародно призвал к Крестовому походу всю Францию и Германию. Он был бос, одет в грубое платье, ездил на осле и возил за собой большой крест, проповедуя на улицах, рынках и в церквях. Петр обличал зверства, совершавшиеся турками над паломниками, и тот позор, что Гроб Господень не

принадлежит христианам. Здесь сыграло свою роль многовековое распространение христианского учения: по западному миру прокатилась волна всеобщего воодушевления, показавшего, что христианство воистину стало народной религией.

Массовый отклик простых людей на отвлеченную от их повседневной жизни идею был в истории человечества небывалым явлением. Ничего подобного мы не видим ни в Римской империи, ни в Индии, ни в Китае. В меньшем масштабе нечто похожее происходило с еврейским народом после освобождения из Вавилонского

плена, а впоследствии в исламских странах. Несомненно, эти движения проистекали из нового духа, который несли с собой прозелитические религии. Еврейские пророки, Иисус и его ученики, Мани, Мухаммед — все они были проповедниками, обращавшимися непосредственно к человеческой душе, которую они ставили перед лицом Бога. В прежних религиях главную роль играли фетиши и псевдознание, храмы, жрецы и мистические жертвоприношения. Человека, подобно рабу, держали в страхе перед наказанием. Новые религии делали его свободным.

Проповедь Первого Крестового

похода породила первое всенародное движение в европейской истории. Вряд ли можно назвать это зарождением современной демократии, но, несомненно, именно тогда появились ее зародыши. В не столь уж отдаленном будущем произойдут новые изменения в связи с набравшими социальными и религиозными проблемами.

Первое демократическое движение закончилось самым плачевным образом. Большие толпы (не войска!) простого люда двинулись из Франции, с Рейна и Центральной Европы на Восток без необходимого снаряжения, не дожидаясь предводителей. Две

огромные толпы вторглись в Венгрию и, приняв недавно обращенных в христианство венгров за язычников, обрушились на них, но сами были в конце концов перебиты. Третья толпа после жуткого погрома евреев на Рейне направилась на Восток и исчезла где-то в Венгрии. Еще две толпы во главе с Петром Отшельником добрались до Константинополя, переплыли через Босфор и были уничтожены там сельджуками. Так началось и так кончилось первое народное движение в Европе.

На следующий год (1097 г.) через Босфор переправились уже настоящие войска, основу и

командование которых составляли норманны. Они штурмом взяли Никею и путем Александра Македонского направились к Антиохии, осада которой задержала их на целый год. В июне 1099 г. они подступили к Иерусалиму и через месяц овладели им. Последовала ужасающая резня. Лошади рыцарей скакали по улицам города по колено в крови. Вечером 15 июля крестоносцы прорвались к церкви Гроба Господня и сломили там последнее сопротивление. Забрызганные кровью, истомленные, «рыдая от преизбытка восторга», они молитвенно преклонили колена

И сразу же дала о себе знать

вражда греков и латинян. Крестоносцы были служителями Римской церкви, и греческий патриарх Иерусалима попал после их победы в куда более тяжелое положение, чем под властью турок, а крестоносцам пришлось воевать с турками и греками одновременно. Византийская империя отвоевала большую часть Малой Азии, а латиняне оказались буфером между турками и греками, овладев Иерусалимом и несколькими мелкими княжествами, среди которых самым большим была Эдесса в Сирии. Но и там их власть была весьма шаткой, и в 1144 г. Эдесса перешла к мусульманам, что

привело к бесплодному Второму Крестовому походу. Эдессу так и не удалось вернуть, но Антиохия подобной участи избежала.

В 1169 г. мусульмане объединились под предводительством курдского авантюриста Саладдина, который сумел овладеть Египтом. Он провозгласил Священную войну против христиан и взял у них Иерусалим (1187 г.), что привело к Третьему Крестовому походу, окончившемуся неудачей — Иерусалим остался у мусульман. Во время Четвертого Крестового похода Римская церковь открыто напала на Византийскую империю, даже не

прикрываясь войной с турками. В 1204 г. штурмом был взят Константинополь. Главным зачинщиком этой войны стал новый торговый город Венеция, и большая часть побережья и островов Византийской империи оказались в руках венецианцев. В Константинополе посадили «латинского» императора (Балдуина Фламандского) и объявили о воссоединении Римской и Греческой церквей. Латинские императоры правили с 1204 по 1261 год, когда греки снова освободились от римского владычества.

В эти века христианская вера широко распространилась по всей

Европе, но сам Рим переживал темный и позорный период своей истории; лишь немногие авторы склонны оправдывать жизнь таких чудовищ, как папа Иоанн XI или папа Иоанн XII (X век). И все-таки римское христианство сохраняло ревностную и простодушную веру. Большинство священников и монахов вели образцовую христианскую жизнь. На этом благочестии и основывала свое влияние церковь. Среди великих пап были Григорий I Великий (590—604 гг.) и Лев III (795—816 гг.), который не только короновал Карла Великого, но и предлагал ему титул цезаря. К концу XI века появился еще один великий

церковный деятель, Гильдебранд, на склоне лет занявший римский престол под именем Григория VII (1073—1085 гг.). Эти понтифики заложили основы того периода папского величия, когда Рим повелевал императорами. Папы властвовали от Болгарии до Ирландии и от Норвегии до Сицилии и Иерусалима Григорий VII заставил императора Генриха IV явиться к нему с покаянием в Каноссу и три дня и три ночи ждать во дворе замка босым на снегу, одетым в мешковину. Император Фридрих Барбаросса в 1176 г. преклонил колена перед папой Александром III и дал ему клятву феодальной верности.

Сила церкви в начале XI века заключалась в самосознании и волевом начале людей, но порожденный этим нравственный авторитет ей сохранить не удалось. В первые десятилетия XIV века вдруг обнаружилось, что престиж папы куда-то испарился. Каким же образом получилось, что доверие простых людей к церкви было утрачено и они перестали откликаться на ее призывы?

Первая причина заключалась в накоплении церковных богатств. Люди умирали, а церковь существовала вечно, и бездетные нередко оставляли ей свое имущество, тем более что духовники

побуждали к этому кающихся грешников. В некоторых странах церкви принадлежала чуть ли не четверть всех земель, но, как известно, жажда приобретения по мере накопления лишь возрастает. Уже в XIII веке говорили, что от священников добра не жди, что они заняты только охотой за деньгами и наследствами. Особенно негодовали короли и князья. Вместо вассалов, готовых во всеоружии выступить на войну, они видели на своей земле аббатства с монахами и монахинями, к тому же находящиеся фактически под иностранной властью. Еще до папы Григория VII шла борьба между государями и Римом за право

«инвеституры», то есть за прерогативу назначения епископов. Если инвеститура оставалась в руках папы, король терял возможность управлять не только душами своих подданных, но и значительной частью своих владений. К тому же духовенство претендовало еще и на освобождение от налогов, поскольку оно само платило подать Риму, и требовало для себя права собирать с мирян десятину.

История почти всех западных христианских стран в XI веке свидетельствует об одном и том же явлении — борьбе монархов и пап за инвеституру. В большинстве случаев победа оставалась за папами: ведь

они могли отлучать королей от церкви и освобождать их подданных от клятвы верности. Более того, папа мог наложить интердикт на целую страну, и в ней прекращалось отправление большинства церковных треб, за исключением крещения, конфирмации и покаяния; священники не совершали ни обычные богослужения, ни венчание новобрачных, ни даже похороны. Используя столь грозное оружие, Рим в XII веке подчинял себе самых неуступчивых государей и держал в благоговейном страхе самые беспокойные народы. Подобные чрезвычайные средства следует, конечно же, применять в

чрезвычайных обстоятельствах, а папы стали прибегать к ним слишком часто, что и привело к ослаблению их действенности. В конце XII века за тридцать лет интердикту подвергались Шотландия, Франция и Англия. К тому же папы не удерживались от искушения объявлять Крестовые походы против неугодных им государей, а это привело к полному угасанию крестоносного духа.

Если бы Римская церковь просто боролась с государством, стараясь сохранить свое влияние на общество, она, возможно, и сохранила бы власть над всем христианским миром, но нравы

духовенства подрывали авторитет пап. До XI века католические священники могли жениться; они были тесно связаны с народом, являлись его неотъемлемой частью. Григорий VII наложил на клириков обет безбрачия и таким образом оторвал их от тесного общения с мирянами, чтобы еще сильнее привязать к Риму. Между церковью и обществом возникла глубокая трещина. Церковь имела свои суды, юрисдикции которых подлежали не только священники, но и монахи, студенты, крестоносцы, вдовы, сироты и все беспомощные, равно как и дела о завещаниях, браках и клятвопреступлениях, не говоря уже

о случаях колдовства, ереси и богохульства. Если у мирянина возникал конфликт со священником, ему приходилось обращаться в церковный суд. Неудивительно, что в христианском мире усиливалась вражда к священнослужителям.

Кажется, Рим так и не понял, что его сила заключается в самосознании людей. Напротив, он боролся с теми чувствами верующих, которые вполне могли бы стать его союзником, и требовал догматического правоверия от сомневающихся и заблудших душ. Если церковь вмешивалась в нравственные отношения, простые люди были на ее стороне, но в делах,

касающихся предметов вероучения, так было далеко не всегда. Когда на юге Франции Пьер Вальдо призвал возвратиться к простоте жизни и веры Иисуса, Иннокентий III объявил Крестовый поход против его приверженцев. По благословению этого папы вальденсы были усмирены с ужасающей жестокостью. Затем начались гонения на последователей св. Франциска Ассизского (1181—1226 гг.), учившего подражать Христу, жить в бедности и служить людям. В 1318 г. четверо францисканцев были заживо сожжены в Марселе.

С другой стороны, тот же

Иннокентий III поддерживал крайне ортодоксальный орден доминиканцев, основанный св. Домиником (1170—1221 гг.), с помощью которого возникла инквизиция для преследования еретиков и свободомыслящих.

Непомерные притязания церкви, ее несправедливые привилегии и бессмысленная нетерпимость уничтожили ту свободную веру простых людей, которая была, в сущности, источником ее силы. История упадка Римской церкви свидетельствует не столько о ее внешних врагах, сколько о непрерывном внутреннем разложении.

XXXIX. НЕПОКОРНЫЕ ГОСУДАРИ И ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ

Серьезной помехой для Римской церкви в ее борьбе за главенство во всем христианском мире была процедура избрания пап.

Амбиции церкви и стремление к единовластию требовали, чтобы сохранялась не только непрерывная преемственность, но и неуклонная воля главы церкви. Для этого папы при вступлении на престол должны

быть в дееспособном возрасте, иметь уже назначенного преемника и избираться по вполне определенным и неизменным правилам. К несчастью, ничего подобного не существовало. Оставалось неясным даже то, кто должен был голосовать при избрании и имели ли на это право императоры Священной Римской империи и Византии. Величайший государственный деятель церкви Гильдебранд (папа Григорий VII, 1073—1085 гг.) очень многое сделал для упорядочения процесса избрания. Он ограничил его кардиналами, а право императора свел к простой формуле утверждения, но не предусмотрел

назначаемого преемника и оставил возможность пустого престола, что и случалось порой по целому году и более.

Следствия этой неопределенности можно было наблюдать вплоть до XVI века. Начиная с самых первых пап случались спорные избрания, когда двое-трое претендентов заявляли свои права на Святейший престол. В подобных случаях церкви приходилось подвергаться унижительному обращению к императору или другому внешнему арбитру для разрешения возникшего спора. Служение папы без назначенного им преемника

означало, что после его смерти церковь могла остаться обезглавленной и недееспособной. Вакантное место мог занять и кто-нибудь из соперников, стремящийся скомпрометировать своего предшественника и уничтожить все сделанное им. Нередко папой становился бессильный старец, одной ногой стоящий в могиле.

Подобные ситуации привлекали к себе германских князей, французского короля и норманнских королей (в том числе правивших в Англии), которые стремились повлиять на избрание папы сообразно своим интересам. По мере усиления папской власти такое

вмешательство учащалось, и потому не удивительно, что то и дело папами становились слабовольные и ничтожные люди. Поразительно другое: каким образом римский престол не так уж редко занимали талантливые и мужественные деятели?

Одним из самых энергичных и достойных пап этого великого периода был Иннокентий III (1198—1216 гг.), которому посчастливилось занять римский престол, не достигнув тридцати восьми лет. Ему и его преемникам пришлось столкнуться с еще более интересной персоной — императором Фридрихом II, прозванным Stupor

Mundi — Чудо Света. Борьба Фридриха II против Рима стала поворотным пунктом в истории. Папы все-таки победили Фридриха и уничтожили его династию, но и он нанес тяжелейшие раны престижу церкви, в конечном счете приведшие к расколу.

Фридрих был сыном императора Генриха IV и дочери норманнского короля Сицилии Рожера I. Четырехлетним ребенком он унаследовал королевство (1198 г.), и папа Иннокентий III стал его опекуном. Норманны совсем недавно завоевали Сицилию, и двор был наполовину восточным со множеством образованных арабов,

занимавшихся воспитанием юного короля и старавшихся привить ему свои взгляды. Фридрих узнал и мусульманские понятия о христианстве, и христианские воззрения на ислам, что привело его к совершенно необычному для того времени убеждению, что все религии лгут. Фридрих свободно рассуждал об этом; его еретические выпады и богохульства дошли до нас в письменных свидетельствах.

Достигнув совершеннолетия, юноша вступил в конфликт со своим опекуном, который хотел получить от него слишком многое. Когда Фридриху представилась возможность наследовать империю,

Иннокентий III выставил ему свои условия — силой подавить еретиков в Германии, отказаться от сицилийской короны (Иннокентий боялся чрезмерного усиления императорской власти) и, наконец, освободить немецкое духовенство от налогов. Фридрих согласился на все, хотя и не думал исполнять обещанное. Папа уже вынудил французского короля к кровавому Крестовому походу против собственных подданных — вальденсов и хотел заставить Фридриха сделать то же самое. Но Фридрих, не меньший еретик, чем пиетисты^[28], вызвавшие озлобление папы, отнюдь не испытывал

«крестоносного» рвения. Когда Иннокентий потребовал от него участия в Крестовом походе для освобождения Иерусалима, император охотно это обещал, но с исполнением не торопился.

Упрочив за собой императорскую корону, Фридрих остался в Сицилии, которую предпочитал в качестве своей резиденции вместо Германии, и совершенно не думал об исполнении данных Иннокентию III обещаний, тем более что тот в 1216 г. умер.

Преемнику Иннокентия Гонорию III так и не удалось справиться с Фридрихом, а следующий папа, Григорий IX

(1227 г.), решил свести счеты с молодым императором и отлучил его от церкви, но при полуарабском сицилийском дворе это не произвело особого впечатления. Кроме того, папа опубликовал письмо к Фридриху, в котором перечислял все его несомненные грехи, ереси и несправедливый образ жизни, на что император ответил дьявольски изощренным посланием, в котором были изложены причины конфликта между папством и светскими властями, и разослал его всем государям. Это было сокрушительное разоблачение жажды папы стать абсолютным владыкой всей Европы и предложение создать союз против

его незаконных претензий. Особое внимание Фридрих обратил на церковные богатства.

Выпустив этот смертоносный снаряд, император решил исполнить свое двенадцатилетней давности обещание и отправился в Крестовый поход, уже шестой по счету (1228 г.), но превратил его в откровенный фарс. Фридрих явился в Египет, где встретился и совещался с султаном. Оба монарха, истые скептики, обменялись близкими по духу взглядами, заключили торговое соглашение и условились о передаче Иерусалима Фридриху. Этот совершенно новый вид Крестового похода состоял в заключении

личного договора без крови по колению победителю и «рыданий от преизбытка восторга». Сам крестоносец был отлучен от церкви; ему пришлось довольствоваться чисто светской коронацией в Иерусалиме и самому взять корону с алтаря, поскольку всем духовным лицам было предписано его игнорировать. Тогда Фридрих возвратился в Италию, изгнал из своих владений папское войско и вынудил понтифика дать ему отпущение грехов. Так в XIII веке государь мог уже обращаться с папами, не вызывая бури негодования во всей Европе. Наступили новые времена.

В 1239 г. Григорий IX возобновил борьбу с Фридрихом, вторично отлучил его и снова начал войну публичных поношений, от которой папство и без того сильно пострадало. Poleмика продолжалась и после смерти Григория IX, при Иннокентии IV. Фридрих написал еще одно сокрушительное и надолго оставшееся в памяти людей послание против церкви. Он обличал гордыню и атеизм духовенства, объясняя этим все пороки общества. Государей он призывал к всеобщей конфискации церковного имущества — исключительно для блага самой же церкви. С тех пор эта идея навсегда внедрилась в головы

европейских князей и королей.

Не будем останавливаться на последних годах Фридриха II. Отдельные события его жизни слишком незначительны по сравнению с ее общей атмосферой. Приведем лишь некоторые факты придворной жизни в Сицилии. Император любил роскошь и красивые вещи. Его считали развратным, но он, несомненно, обладал любознательным и пытливym умом. При его дворе собирались еврейские, мусульманские и христианские философы, и сам он немало сделал для того, чтобы оплодотворить итальянское миропонимание

сарацинскими идеями. Благодаря ему христиане узнали арабские цифры и алгебру, а живший при его дворе Михаил Скотт перевел отрывки из сочинений Аристотеля и комментарии к ним великого арабского философа из Кордовы Аверроэса. В 1224 г. Фридрих основал в Неаполе университет и значительно расширил и обогатил знаменитую медицинскую школу Салернского университета. Он основал зоологический сад и написал книгу о соколиной охоте с тончайшими наблюдениями за птичьими повадками. Фридрих был одним из первых авторов итальянской поэзии, зародившейся

при сицилийском дворе. Его называли «первым из современных людей», что верно отражает свободный от предрассудков и суеверий ум императора.

Еще более поразительным свидетельством упадка жизненных сил папства явился конфликт Рима с растущим могуществом французских королей. При Фридрихе II в Германии началось раздробление, и французские короли стали играть там роль покровителей и вместе с тем соперников Рима вместо императоров из династии Гогенштауфенов. Некоторые папы поддерживали французских монархов. В Сицилии и Неаполе при

их содействии была восстановлена французская династия, и французские короли уже видели перед собой возрождение империи Карла Великого. Но когда со смертью последнего Гогенштауфена — Фридриха II^[29] закончилось германское междоцарствие^[30] и императором был избран Рудольф, первый из Габсбургов (1273 г.), политика Рима стала колебаться между Францией и Германией в зависимости от пристрастий очередного папы. Тем временем на Востоке греки освободили Константинополь от латинских императоров (1261 г.), и основатель новой династии Михаил VIII

Палеолог после нескольких безрезультатных попыток примирения с папами окончательно порвал с римским исповеданием. Вместе с падением латинских королевств в Азии это означало конец папской власти на Востоке.

В 1294 г. папой стал Бонифаций VIII — итальянец, враждебный к французам и преклонявшийся перед великими традициями Рима и его предназначением. В 1300 г. он праздновал юбилей христианства, и в Риме собралось огромное множество паломников. «В папскую казну стекалось столько денег, что два человека постоянно сидели с граблями, сгребая подношения к

гробнице св. Петра». Но это торжество было обманчивым. В 1302 г. у Бонифация возник конфликт с английским королем, а на следующий год, когда он вознамерился отлучить его от церкви, Бонифация арестовали в родовом дворце в Ананье. Агент короля Гийом де Ногаре силой ворвался к нему; папа лежал на постели с крестом в руках, и на него посыпались угрозы и оскорбления. На следующий день горожане освободили Бонифация. Он возвратился в Рим, но там его снова арестовали, и через несколько недель потрясенный старец скончался за тюремной решеткой.

Жители Ананье возмутились первым насилием над папой и восстали против Ногаре, чтобы освободить Бонифация, однако Ананье был его родным городом. Главное же заключалось в том, что французский король, учинивший это надругательство, действовал с полного одобрения своего народа. Он созвал Совет трех сословий Франции (дворянство, духовенство, податное население) и добился их согласия. Но и в Италии, Германии и Англии не было ни малейших признаков недовольства подобным обращением с суверенным понтификом. Идея единого христианского мира уже настолько дискредитировала себя,

что потеряла свое влияние на умы людей.

На протяжении XIV столетия папство ничего не сделало для того, чтобы вернуть себе нравственный авторитет. Следующим после Бонифация папой был (избранный по желанию французского короля Филиппа) француз Климент V. Он так и не приехал в Рим, а обосновался со своим двором в Авиньоне, который принадлежал папскому престолу, хотя и находился в окружении французских владений. Его преемники оставались там до 1377 г., когда Григорий XI возвратился в Ватиканский дворец, что понравилось далеко не всем.

Многие французские кардиналы связали свою жизнь с Авиньоном, и когда в 1378 г. Григорий XI умер, а на его место избрали итальянца Урбана VI, они объявили выборы недействительными и избрали другого папу, или антипапу, Климента VII. Так начался великий раскол. Папы оставались в Риме, их поддерживали антифранцузские силы: император, английский король, Венгрия, Польша, весь Север Европы. Антипапы жили в Авиньоне, на их стороне были французские и шотландские короли, Испания, Португалия и некоторые германские князья. Каждый папа отлучал от церкви и проклинал сторонников

своего соперника (1378—1417 гг.).

Удивительно ли, что после всех этих перипетий люди по всей Европе стали самостоятельно рассуждать о религиозных делах?

Францисканский и доминиканский ордены, о которых говорилось в предыдущей главе, оказались среди новых сил, стремившихся в меру своего понимания или потрясти церковь, или удержать ее единство. Церковь вобрала в себя оба ордена, хотя и проявила к францисканцам определенное недоверие. Появились, однако, и другие, уже открыто антагонистические силы. Через полтора столетия оксфордский

философ Уиклиф (1320—1384 гг.) подверг резкой критике коррупцию духовенства и неблагоразумие церкви. Он побудил некоторых бедных священников (уиклифитов) к распространению его идей в Англии, а чтобы люди могли рассудить его спор с церковью, перевел Библию на английский язык. Его поддерживали и в высших кругах, и среди простого народа. Несмотря на то, что Рим ополчился против него и требовал заточить в тюрьму, Уиклиф умер свободным человеком, но темный дух, направлявший Католическую церковь к гибели, не дал его останкам покоя: по решению Констанцкого собора (1415 г.) и по

повелению папы Мартина V они были выкопаны и сожжены (1428 г.). Подобное осквернение оказалось не единственным актом фанатизма — такой стала официальная политика церкви.

XL. ЗАВОЕВАНИЯ МОНГОЛОВ

В том же XIII веке, когда происходила бесплодная борьба за единство христианского мира под главенством папы, в Азии развернулись куда более грандиозные события. Неожиданно к северу от Китая на мировой арене появился некий народ, завоевания которого превзошли всё, что прежде случалось в истории человечества. Это были монголы. В начале XIII века они, подобно гуннам, кочевали, употребляли в пищу мясо и кумыс, укрывались в войлочных шатрах.

Освободившись от китайской власти, они вместе с несколькими другими тюркскими племенами образовали военный союз. Их главный лагерь находился на реке Онон в Сибири.

В это время Китай раздирали внутренние смуты. К X веку великая династия Тан пришла в полный упадок, после периода раздробленности и междоусобных войн осталось три сильных царства: Цинь на севере со столицей в Пекине, Сун на юге (столица Нанкин), Си-Ся в центральной части. Вождь монгольского союза напал на царство Цинь и захватил Пекин (1214 г.). Затем завоевал Западный Туркестан, Персию, Армению,

Индию до Лахора и Южную Русь, дошел до Венгрии и Силезии. Чингис-хан умер повелителем огромной империи, раскинувшейся от Тихого океана до Днепра.

Его преемник Угедей основал постоянную столицу в Каракоруме (Монголия) и продолжил потрясающие завоевания. Монгольские армии были превосходно обучены и организованы, они использовали китайское изобретение — порох, который применяли для небольших полевых орудий. Угедей завершил покорение царства Цинь и бросил свои орды через всю Азию на Русь (1235 г.). Он разрушил Киев (1240 г.),

и почти вся Русь стала данницей монголов. Польша была опустошена, а объединенная армия поляков и немцев уничтожена в битве при Лигнице (Нижняя Саксония, 1241 г.). По всей видимости, император Фридрих II не очень заботился о том, чтобы остановить надвигающийся ураган.

Лишь совсем недавно, — пишет Дж. Бьюри в своих замечаниях к гиббоновской «Истории упадка и разрушения Римской империи», — европейская наука стала понимать, что успехи

монголов, прошедших через Польшу и весной 1241 года захвативших Венгрию, были достигнуты благодаря совершенной стратегии, а вовсе не подавляющим превосходством сил. Этот факт еще не стал достоянием обыденного сознания; до сих пор принято представлять монголов как дикую орду, которая бессмысленно несется по Восточной Европе и своей колоссальной массой сметает все на своем пути.

<...>

Поразительно, сколь пунктуально и эффективно исполняли монголы все задуманное, начиная от Нижней Вислы и до Трансильвании. Подобная кампания была недоступна ни одной европейской армии того времени и далеко за пределами возможностей европейских полководцев, все они, в том числе Фридрих II, по сравнению с Субудаем, не более чем ученики. Отметим и то, что монголы начали свое наступление, отлично зная (благодаря

прекрасно организованной разведке) политическую ситуацию в Венгрии и состояние Польши. Напротив, венгры и вообще христианские державы, подобно несмышленным варварам, ничего не знали о своих врагах.

Несмотря на победу при Лигнице, монголы не продолжили свой натиск на Запад — леса и гористая местность не позволяли им применять привычную тактику. Они повернули к югу и намеревались обосноваться в Венгрии, где не только убивали, но и принимали к

себе родственников им мадьяр, подобно тому, как раньше мадьяры убивали и ассимилировали скифов, аваров, гуннов. Возможно, монголы могли бы совершать с Венгерской равнины набеги на запад и юг, как это делали мадьяры в IX веке, авары — в VII и VIII и гунны — в V. Но внезапно умер Утедей, и в 1242 г. началась связанная с престолонаследием смута, после чего непобедимая монгольская орда двинулась через Венгрию и Румынию на восток.

Впоследствии монголы сосредоточили свое внимание на азиатских завоеваниях. К середине XIII столетия они покорили царство

Сун. В 1251 г. великим ханом стал Мункэ, который назначил правителем Китая своего брата Хубилая. В 1280 г. Хубилай был официально провозглашен императором и основал династию Юань, просуществовавшую до 1368 г. Пока погибали последние остатки династии Сун, брат Мункэ, Хулагу, завоевал Персию и Сирию. В это время монголы жестоко враждовали с исламом и не только вырезали все население Багдада, но и уничтожили существовавшую с древних времен систему орошения, основу процветания Месопотамии, после чего там остались только руины и пески. До Египта монголы не дошли,

султан разбил армию Хулагу в Палестине (1260 г.).

После этой катастрофы прилив монгольских побед пошел на убыль. Владения великого хана распались на несколько государств. Восточные монголы стали, подобно китайцам, буддистами, западные приняли ислам. В 1368 г. Китай сбросил династию Юань и установил местную династию Мин, процветавшую почти триста лет (1368—1644 гг.). Русские оставались данниками татарских орд, осевших в юго-восточных степях, вплоть до 1480 г., когда великий князь Московский Иван III освободил Русь от вассальной зависимости и

зложил основы современной России.

В XIV веке произошло краткое возрождение монгольского могущества при правлении потомка Чингисхана Тамерлана, обосновавшегося в Западном Туркестане и принявшего титул великого хана (1369 г.). Империя, созданная его завоеваниями от Сирии до Дели, не пережила своего основателя. Однако в 1505 г. потомок Тамерлана Бабур собрал армию, вооруженную пушками, и ворвался в долины Индии. Внук Бабура Акбар (1542—1605 гг.) довершил его завоевания, и эта монгольская династия (династия Моголов, как

называли ее арабы) правила в Дели большей частью Индии вплоть до XVIII века.

Одним из последствий волны великих монгольских завоеваний XIII века было вытеснение из Туркестана в Малую Азию тюркского племени, ставшего известным впоследствии как османские турки. Они распространили и укрепили свою власть в Малой Азии, перешли Дарданеллы и стали нападать на Македонию, Сербию и Болгарию. В конце концов Константинополь оказался одиноким островом среди моря османских владений. В 1453 г. султан Магомет II, имевший мощную артиллерию, атаковал и взял великий

город. Это событие вызвало в Европе всеобщее возбуждение, говорили даже о новом Крестовом походе. Увы, времена крестоносцев прошли.

В XVI веке османские султаны завоевали Багдад, Венгрию, Египет и большую часть Северной Африки, а их флот стал владыкой Средиземного моря. Они чуть было не взяли Вену и обложили данью императора. Только два события задержали спад христианского влияния в XV веке: восстановление независимости Москвы (1480)[\[31\]](#) и постепенное возвращение Испании христианам. В 1492 г. Гранада, последний оплот мусульман на Иберийском полуострове, перешла под власть

короля Фердинанда Арагонского и кастильской королевы Изабеллы.

Но только в 1571 г., после морского сражения у Лепанто, гордость османов была повержена и средиземноморские воды возвратились под власть христиан.

XLI.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ЕВРОПЕ

В XII веке появилось немало признаков того, что европейский интеллект вновь обретает смелость и уверенность в себе и готов продолжать научные исследования греков и следовать умозрениям таких римлян, как Лукреций. Этому способствовали самые разные причины, включая запрет частных войн, более высокий уровень жизни

и безопасности после Крестовых походов, которые, открыв новые горизонты, возбудили деятельность ума. Возрождалась торговля, города становились богаче, а жизнь в них — спокойнее. Поднимался уровень образования духовенства, что, в свою очередь, распространялось на мирян. В XIII и XIV веках быстро росли независимые и полунезависимые города; Венеция, Флоренция, Генуя, Лиссабон, Париж, Брюгге, Лондон, Антверпен, Висби, Берген — торговые центры, в которые стекалось множество приезжих, обменивающихся идеями и сведениями. Конфликты пап и государей, жестокие преследования

еретиков порождали сомнения в правоте церкви и ставили под вопрос основополагающие понятия.

Мы уже видели, что арабы стали посредниками в возвращении для Европы Аристотеля, а Фридрих II способствовал проникновению арабской философии и науки. Еще более важную роль в формировании умов сыграли евреи. Уже одно их существование было вопросительным знаком по отношению к претензиям церкви. Наконец, широко распространились тайные и притягательные опыты алхимиков, которые, пусть из низменных побуждений, способствовали плодотворному

возвращению опытной науки.

Это пробуждение умов не ограничивалось кругом образованных и независимых людей. Пробудился и разум простого человека чего в истории еще не случалось. Несмотря на власть духовенства и преследования еретиков, христианство несло в себе закваску умственного брожения. Оно напрямую связывало сознание каждого человека с Богом Праведности, и теперь люди самостоятельно могли высказывать суждения о государях, прелатах и даже о самой вере.

Уже в XI веке возобновились философские диспуты, а в Париже,

Оксфорде, Болонье и других городах возникли крупные университеты. Средневековые «схоластики» возвратились к дотошному исследованию таких проблем, как смысл и значение слов, — необходимой предпосылке для ясного мышления. Особняком стоял гениальный францисканский монах из Оксфорда Роджер Бэкон (1214—1292 гг.), основоположник современной опытной науки. Его имя заслуживает самого выдающегося места в истории, уступая разве что Аристотелю.

Сочинения Бэкона представляют собой непрерывный монолог, направленный против невежества, в

котором он обличал свой век, и уже это было невероятной дерзостью. Сегодня можно обвинять окружающий мир в гордыне, инфантильности, предрассудках, не подвергая опасности свою жизнь. Но средневековые люди страстно отстаивали свои убеждения и яростно отвергали любое сомнение. Труды Роджера Бэкона были яркой вспышкой среди окружающей тьмы. Порицание невежества сочеталось в них с богатством замыслов, направленных на умножение знаний. В его призыве к экспериментам и накоплению фактов возродился дух Аристотеля. «Опыты и еще раз опыты» — вот лейтмотив учения

Роджера Бэкона.

Но в своей оценке Аристотеля Бэкон ошибался, чему виной ужасные латинские переводы — единственный источник, по которому можно было познакомиться с учением великого философа. «Будь на то моя воля, — писал он с обычной своей несдержанностью, — я сжег бы все книги Аристотеля, поскольку их изучение приводит лишь к напрасной трате времени, порождает заблуждения и поощряет невежество». Пожалуй, и сам Аристотель согласился бы с этим мнением, окажись он вдруг в тогдашнем мире, где его труды не столько читали, сколько

превозносили до небес, да еще, как показал Бэкон, в ужасных переводах.

Во всех своих книгах, слегка подправленных так, чтобы соответствовать официальному правоверию и не поплатиться тюрьмой, а то и жизнью, Бэкон восклицал: «Довольно подчиняться догмам и авторитетам, *взгляните на окружающий мир!*» Бэкон обличал четыре источника невежества: почитание авторитетов, следование обычаям, невежественность толпы и не желающую ничему учиться гордыню. Если преодолеть их, перед человечеством откроется мир всемогущества:

Возможны огромные плавательные машины без весел, пригодные для рек и океанов, управляемые одним человеком и двигающиеся гораздо быстрее, чем если бы на них было множество гребцов. Повозки можно сделать такими, чтобы они без тягловых животных двигались *cum impetu inaeestimabile*^[32]. Возможны также летательные машины, внутри которых находится человек, управляющий устройством, посредством которого

приводятся в действие
искусственные крылья,
наподобие птичьих.

Так писал Роджер Бэкон, но
прошло еще три столетия, прежде
чем люди начали исследовать силы
природы.

Исламский мир не только
привил христианам вкус к
философии и алхимии, он научил их
делать бумагу. Вряд ли будет
преувеличением сказать, что именно
это сделало возможным
интеллектуальное возрождение в
Европе. Бумага пришла из Китая, где
появилась, вероятно, во II веке до
н. э. В 751 г. китайцы напали на

арабов в Самарканде, но потерпели поражение, а среди взятых арабами пленников оказались бумажные мастера, от которых было перенято их искусство. До нас дошли бумажные арабские рукописи, относящиеся к IX веку. В Европу бумага пришла через Грецию или после захвата арабских бумажных мельниц во времена Реконкисты в Испании. Бумагу хорошего качества европейцы научились делать только в конце XIII века, а в XIV веке ее стали производить в Германии. Еще через сто лет бумага подешевела настолько, что книгопечатание могло приносить прибыль. Естественно, именно тогда оно и возникло, и интеллектуальная

жизнь человечества вступила в новую эпоху — она перестала быть тонкой струйкой, перетекавшей от одного ума к другому, а превратилась в широкий поток, захвативший сначала тысячи, а потом десятки и сотни тысяч людей.

Непосредственным результатом изобретения книгопечатания явилось, с одной стороны, множество изданий Библии, а с другой — удешевление школьных учебников. Быстро распространилась грамотность. Книг стало много, они были просты для чтения и понимания. Вместо того чтобы корпеть над неразборчивым текстом и гадать о его смысле, читатель

полностью освобождал свой ум для обдумывания прочитанного. Книга перестала быть изощренной игрушкой или непостижимой тайной, доступной лишь ученым. Появились книги специально для простых людей, не на латыни, а на разговорных языках. С XIV века начинается настоящая история европейской литературы.

Мы рассмотрели исламский вклад в европейское возрождение. Обратимся теперь к влиянию монгольских завоеваний, которые в сильнейшей степени стимулировали географические представления европейцев. При Чингис-хане Азия и Западная Европа имели возможность

беспрепятственного общения: были открыты все дороги, и ко двору в Каракоруме прибывали посланники всех наций. Барьеры между Европой и Азией, воздвигнутые враждой христиан и мусульман, исчезли. Папство надеялось на обращение монголов в христианство. До сих пор их религией был шаманизм, одна из разновидностей первобытного язычества. При монгольском дворе находились папские легаты, буддистские священники из Индии, французские, итальянские и китайские ремесленники, византийские и арабские купцы, арабские чиновники, персидские и индийские астрономы и математики.

В истории слишком много говорится о походах и зверских убийствах, совершенных монголами, и совсем мало об их любознательности и стремлении учиться. Пусть не как творческий народ, а как передатчик знаний, они оказали сильнейшее влияние на мировую историю. То, что известно о романтических фигурах Чингис-хана и Хубилая, показывает этих монархов не менее проницательными и созидательными, чем яркий, но эксцентричный Александр Македонский или энергичный, но безграмотный Карл Великий.

Одним из самых интересных людей, посетивших монгольский

двор, был венецианец Марко Поло, который написал об этом книгу. Он прибыл в Китай около 1272 г. вместе с отцом и дядей, уже побывавшими здесь. Старшие Поло (первые из латинских людей, которых увидел великий хан) произвели на хана большое впечатление, и он просил их прислать учителей и ученых, которые объяснили бы ему христианскую веру.

Трое путешественников отправились через Палестину, а не через Крым, как в первый раз. Хан просил привезти ему масла из лампы у Гроба Господня в Иерусалиме, куда они и отправились, а потом, через Киликию^[33], далее в

Армению. Так далеко на север они отклонились потому, что султан Египта воевал в это время с монголами. Далее их путь лежал через Месопотамию и Ормуз к Персидскому заливу. В Ормузе путешественники встретили индийских купцов. По каким-то причинам они не сели на корабль, а повернули к северу и направились через персидские пустыни Балх и Памир к Кашгару, а затем через Лобнор по долине реки Хэйхэ достигли Пекина.

Хубилаю особенно понравился юный и сообразительный Марко, очевидно хорошо изучивший монгольский язык, — его даже

посылали с официальными поручениями в Юго-Западный Китай. Рассказ Марко Поло об обширной процветающей стране, где «повсюду устроены удобные постоялые дворы для путешественников» и «произрастают превосходные виноградники, поля и сады», о «множестве монастырей» с буддийскими монахами, о мастерских, где «вырабатываются шелковые, золототканые и другие тонкие материи», о «непрерывной чреде городов и поселений» — все это сначала вызвало недоверие, а потом разожгло воображение европейцев. Он поведал о Бирме, о ее великих армиях с сотнями боевых

слонов, о том, как их победили монгольские лучники, и о завоевании этой страны. Марко Поло рассказал о Японии, сильно преувеличив легенды о японском золоте. Три года он правил городом Яньчжоу и, вероятно, поразил китайцев тем, что оказался для них не таким чужим, как монголы. Возможно, он ездил с поручениями в Индию. По китайским источникам, какой-то Поло в 1277 г. состоял в императорском совете — ценное подтверждение достоверности его книги.

Книга Марко Поло произвела на европейцев глубочайшее впечатление. В литературе, особенно

романтической, относящейся к XV веку, мы встречаем географические названия из сочинения Марко Поло — Катай (Северный Китай), Камбулак (Пекин) и т. п.

Через два столетия «Путешествие Марко Поло» прочел генуэзский моряк Христофор Колумб, у которого возникла великая мысль — отправиться на корабле на запад вокруг света, чтобы достичь Китая. В Севилье хранится экземпляр «Путешествия» с его пометками. Своим замыслом генуэзец обязан многим причинам. До захвата Константинополя турками в 1453 г. этот город был всемирным торговым посредником между

Западом и Востоком, и генуэзцы беспрепятственно вели там свои дела. Однако их смертельные враги венецианцы были союзниками турок против греков, и завоеватели Византии косо поглядывали в сторону Генуи. Сама собой напрашивалась идея западного пути в Китай, тем более что уже был изобретен компас, благодаря которому мореплаватели не зависели от ясной ночной погоды для определения курса по звездам. Норманны, каталонцы, генуэзцы и португальцы стали выходить в Атлантический океан и достигали Мадейры, Канарских и Азорских островов.

Колумбу пришлось преодолеть множество трудностей, чтобы получить корабли для воплощения своей идеи. Он ездил от одного европейского дозора к другому и, наконец, в только что отвоеванной у мавров Гранаде, заручившись покровительством испанских монархов Фердинанда и Изабеллы, вышел в море на трех небольших кораблях. После шестидесяти девяти дней плавания Колумб высадился на земле, которую принял за Индию. На самом деле это оказался континент, Старому Свету совершенно неизвестный [\[34\]](#). Он возвратился в Испанию с золотом, хлопком, диковинными зверями и двумя

раскрашенными индейцами, которых тут же окрестили в католическую веру. Колумб до конца своих дней был уверен, что доплыл до Индии — только через несколько лет европейцы поняли, что он открыл новый континент.

Успех Колумба в огромной степени стимулировал заокеанские исследования. В 1497 г. португальцы, обогнув Африку, достигли Индии, а в 1515 г. их корабли появились на Яве. Португальский моряк на испанской службе Магеллан отправился с пятью кораблями на запад (1519 г.), и один из них, «Виктория», через три года возвратился в Севилью, впервые совершив кругосветное плавание. Из

двухсот восьмидесяти человек
команды уцелел только тридцать
один. Сам Магеллан был убит на
Филиппинских островах.

Изобретение бумаги для
книгопечатания, кругосветное
плавание, зрелище неизвестных
доселе земель, растений и животных,
а также непривычных обычаев и
нравов наряду с заморскими
открытиями и познаниями тайн неба
мощным потоком обрушились на
головы европейцев. Давно забытые и
погребенные греческие классики
благодаря печатному станку
оживляли умы прозрениями Платона
и традициями республиканской
свободы. Когда-то римское

владычество принесло с собой законность и порядок, впоследствии возрожденные церковью, однако и в языческом, и в христианском Риме любознательность и новшества ограничивались.

Теперь власть латинского мировоззрения подходила к концу. Между XIII и XVI веками европейские арийцы благодаря стимулирующему влиянию семитов и монголов, а также заново открытым греческим классикам оторвались от латинской традиции и возглавили интеллектуальный и материальный прогресс человечества.

XLII. РЕФОРМАЦИЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ

Римская церковь была сильнейшим образом затронута этим умственным возрождением. Она раскололась, но и оставшаяся ее часть претерпела глубокое обновление.

Мы уже говорили о том, как близко церковь подошла к неограниченной власти над христианским миром в XI и XII

веках, и как в XIV и XV веках ослабло ее влияние на умы и дела людей. Религиозные чувства верующих, прежде служившие опорой и источником могущества церкви, из-за ее гордыни, нетерпимости и жесткой организации обернулись против нее самой, а лукавый скептицизм императора Фридриха II породил усиливающуюся непокорность государей. Великий раскол резко ослабил политический и религиозный престиж Католической церкви, и мятежные силы напали на нее сразу с двух сторон.

По всей Европе распространилось учение

англичанина Джона Уиклифа. В 1398 г. чешский проповедник и богослов Ян Гус прочел в Пражском университете курс лекций об учении Уиклифа, и оно быстро проникло в образованные классы общества и вызвало широкий отклик в народе. В 1414-1418 гг. в Констанце проходил церковный Собор для устранения Великого раскола. Гус был приглашен туда, однако его схватили, судили за ересь и заживо сожгли (1415 г.). Это не только не умиротворило чехов, а напротив, привело к восстанию гуситов — первой войне в ряду религиозных войн, ознаменовавших собой распад католического мира. Избранный на

Соборе в Констанце папа Мартин V призвал к Крестовому походу против гуситов.

Пять таких походов обрушились на стойкую маленькую Богемию, и все они кончились неудачей. Негодяи и бандиты со всей Европы поспешили на призыв папы, как это было в Крестовом походе XIII века против вальденсов. Но чехи, в отличие от последователей Вальдо, верили в вооруженное сопротивление. При одном только шуме приближающихся повозок гуситов, заслышав пение их гимнов, крестоносцы разбегались с поля битвы (сражение при Домажинцах, 1431 г.). В 1436 г. удалось как-то

залатать отношения с чехами на новом Соборе в Базеле, где им были сделаны уступки по части богослужебной практики.

XV век — время глубокой смуты во всей Европе. Крайняя нужда простого народа привела к крестьянским восстаниям в Англии и Франции, а после гуситских войн они перекинулись в Германию и также приняли религиозную окраску. Очень важным оказалось изобретение книгопечатания. К середине XV века в Голландии и Германии появились печатные станки с подвижными литерами, которые распространились на Италию и Англию, где Кэкстон

издавал книги в Вестминстере (1477 г.).

Умножилось количество Библий, что способствовало популярности в народе религиозных споров. Европа стала континентом читающих людей, чего раньше нигде не бывало. Это внезапное и всеобщее оплодотворение умов ясными идеями и доступными сведениями произошло как раз тогда, когда церковь, пребывающая в разброде, не могла эффективно защитить себя, а многие государи искали удобного случая прибрать к рукам ее колоссальные богатства.

В Германии война против церкви сконцентрировалась вокруг

бывшего монаха Мартина Лютера (1483—1546 гг.), который выступал в Виттенберге с богословскими лекциями и оспаривал католическое учение (1517 г.). Сначала он полемизировал по-латыни, как это делали схоластики, а потом, используя новое оружие — печатный станок, обратился ко всему народу на немецком языке. От него, как от Гуса, пытались избавиться силой, но книгопечатание совершенно изменило ситуацию, и к тому же у Лютера среди германских князей оказалось немало явных и тайных доброжелателей.

Теперь, в век приумножившихся идей и ослабления веры, многие

правители сочли для себя выгодным разорвать религиозные связи с Римом и самим возглавить национальные конфессии. Одна за другой отделялись от римского исповедания Англия, Шотландия, Швеция, Норвегия, Дания, Северная Германия, Богемия... — с тем, чтобы уже никогда не вернуться к католической вере^[35].

Всех этих государей мало заботила нравственная и интеллектуальная свобода подданных — они просто использовали их религиозные сомнения, дабы усилить себя в борьбе с Римом. Как только происходил разрыв и под эгидой короны возникала национальная

церковь, они старались более не допускать ослабления своей власти. Однако учение Иисуса — прямой призыв к праведности и понимание того, что человек выше любых обязанностей к государству и церкви, обладало поразительной жизненной силой. В Англии и Шотландии, например, имелось много сект, члены которых крепко держались за Библию как за единственное руководство к жизни и вере и отказывались следовать предписаниям государственной церкви. В Англии в их числе были неконформисты, сыгравшие очень важную политическую роль в XVII и XVIII веках. Их нежелание видеть

короля главой церкви привело к тому, что Карл I оказался на эшафоте (1649 г.), после чего Англия на протяжении одиннадцати лет процветала при республиканском правлении нонконформистов.

Отпадение чуть ли не всей Северной Европы от католического мира принято называть Реформацией. Потрясение, вызванное этими потерями, повлекло за собой не менее глубокие перемены и в самой Римской церкви. Она подверглась переустройству, в нее влился новый дух. Одним из важнейших деятелей этого возрождения был молодой испанский дворянин Иниго Лопес де Рекальдо,

известный миру как св. Игнатий Лойола который после романтических приключений ранней молодости стал священником (1583 г.). Он получил от папы разрешение основать Общество Иисуса и пытался перенести рыцарские традиции военной дисциплины на службу религии. Его Общество Иисуса, иезуиты, стало одной из величайших образовательных и миссионерских организаций. Оно принесло христианство в Индию, Китай и Америку, остановило распад Католической церкви и подняло уровень образования и самосознания во всем католическом мире. Более

того, иезуиты стимулировали развитие протестантских школ и университетов. Энергичная и проникнутая наступательным духом Католическая церковь нашего времени возникла в основном благодаря иезуитскому возрождению.

XLIII. ИМПЕРАТОР КАРЛ V

Священная Римская империя достигла своего апогея в царствование Карла V, одного из самых выдающихся монархов Европы, уступавшего, как говорили, только Карлу Великому.

Это величие, впрочем, было создано не столько им самим, сколько его дедом, императором Максимилианом I (1459—1519 гг.). В Европе одни династии сражались за власть, другие ради нее погрязали в интригах, Габсбурги же прокладывали себе путь

династическими браками. Максимилиан начал свою карьеру, владея австрийской Штирией, частью Эльзаса и некоторыми другими землями. Он женился на Нидерландах и Бургундии (имя наследницы не имеет особенного значения). После смерти первой жены большая часть Бургундии ускользнула из его рук, но Нидерланды удалось удержать. Затем Максимилиан пытался жениться на Британии, безуспешно. Унаследовав в 1439 г. императорскую корону от своего отца Фридриха III, он женился на Миланском герцогстве, а своего сына женил на слабоумной дочери Фердинанда и Изабеллы,

покровителей Колумба, которые правили не только вновь объединенной Испанией, Сардинией и Королевством обеих Сицилий^[36], но и всей Америкой к западу от Бразилии. Таким образом, его внук Карл V унаследовал большую часть Нового Света и от трети до половины того, что оставили в Европе турки. В 1506 г. ему достались Нидерланды, а после смерти своего испанского деда Фердинанда он по слабоумию матери стал фактическим королем всех испанских владений (1516 г.). Когда через три года скончался другой дед Карла, Максимилиан, его, несмотря на юный двадцатилетний возраст, избрали императором.

Этот белокурый юноша с простоватым лицом, толстой верхней губой и тяжелым подбородком, оказался в кругу молодых и энергичных деятелей. Среди них блистали французский король Франциск I, который вступил на престол в двадцать один год (1515 г.), и Генрих VIII Английский, который стал королем в восемнадцать лет (1509 г.). В Индии правил Бабур, в Турции — Сулейман Великолепный, оба выдающиеся личности, равно как и папа Лев X (1513 г.). Франциск вместе с папой пытались предотвратить избрание Карла на императорский трон, опасаясь сосредоточения чрезмерной власти в

одних руках. И Франциск I, и Генрих VIII предложили курфюрстам [\[37\]](#) самих себя, но династия Габсбургов уже прочно установилась (с 1273 г.), а щедрые подарки окончательно решили дело.

Поначалу этот блестящий юноша оказался марионеткой своих министров, но вскоре стал проявлять себя как умелый правитель, вполне сознающий всю опасность и сложность своего высокого положения.

С первых лет царствования Карл столкнулся с проблемами, созданными проповедью Лютера в Германии. Поскольку папа противодействовал его избранию, у

императора были основания объединиться с протестантами. Но он воспитывался в Испании^[38] — самой католической из всех католических стран — и потому вступил в борьбу с протестантскими князьями, и прежде всего с курфюрстом Саксонским. Карл стоял перед угрозой раскола уже обветшавшего христианского мира на два противоборствующих лагеря. Его попытки воспрепятствовать расколу были энергичными и совершенно бесплодными. Германию охватила политическая смута, переплетавшаяся с сильнейшим религиозным брожением. Все это осложнялось нападениями на

империю и на востоке, и на западе — со стороны его пылкого конкурента Франциска I, союзники которого, турки, неумолимо продвигались вперед, дошли до Венгрии и требовали дани от габсбургских владений. Хотя у Карла была испанская армия, собрать деньги в Германии оказалось чрезвычайно трудно.

Социальные и политические неурядицы осложнялись тем, что приходилось прибегать к разорительным займам.

Благодаря союзу с Генрихом VIII, Карл все-таки добился успехов в борьбе против Франциска I и турок. Главным театром военных действий

была Северная Италия; стратегия обеих сторон оказалась не на высоте, наступления и отступления зависели от прибытия подкреплений. Вторгшиеся во Францию немцы не смогли взять Марсель, потеряли Милан и заперлись в Павии. Франциск долго и безуспешно осаждал ее, был разбит подошедшим немецким резервом, ранен и оказался в плену. Тогда папа и Генрих VII, которых страшило усиление Карла, выступили против него. Не получавшие жалованья немецкие наемники коннетабля Бурбона принудили своего предводителя напасть на Рим, штурмом взяли город и разграбили его (1527 г.). Пока шла

резня и грабеж, папа отсиживался в замке Св. Ангела, потом за 400 тысяч дукатов откупился. Десять лет беспорядочных войн разорили Европу, но Карл все-таки победил в Италии, и папа короновал его в Болонье (1530 г.), — последняя подобная коронация германских императоров. Тем временем турки продолжали завоевывать Венгрию. Они убили венгерского короля (1526 г.) и захватили Будапешт^[39], а в 1529 г. Сулейман Великолепный едва не взял Вену. Продвижение турок очень беспокоило императора, однако объединить германских князей было чрезвычайно трудно, хотя страшный враг стоял у самого

порога. Франциск I по-прежнему не соглашался на мир, началась новая война с французами. В 1538 г., после опустошения юга Франции, Карл все-таки уговорил Франциска и они заключили союз против турок. Тогда протестантские князья в Германии, решив окончательно порвать с папой, создали Шмалькальденскую лигу для борьбы с императором, и вместо того чтобы освободить Венгрию, Карлу пришлось заняться Германией. Единственный выход он видел в оружии: разгорелась истребительная война, которая иногда затухала, переходя в интриги и дипломатические маневры. Этот мешок со змеями княжеских

интересов так и дотащился до XIX века, снова и снова разоряя и обескровливая Центральную Европу.

Кажется, император так и не понял, какие силы породили грянувшую бурю. Для своего времени и положения он был исключительным человеком, и, однако же, как будто принимал раздиравшие Европу религиозные распри за плоды теологического разномыслия. В тщетных стараниях к примирению он собирал сеймы и советы, где вырабатывались всевозможные формулы и символы веры. Изучающему германскую историю приходится продираться сквозь дебри Нюрнбергского

религиозного мира, договоренностей Ратисбонского сейма, Аугсбургского мира и т. п. Мы упомянули о них лишь как о подробностях беспокойной жизни самого могущественного из германских императоров. Вряд ли хоть один из всей плеяды правителей Европы действовал по искреннему побуждению. Глубокая религиозная смута, стремление народа к правде и справедливости, начавшееся распространение знаний становились пешками увлеченных своей хитроумной дипломатией игроков. Король Англии Генрих VIII (начинавший с книги против ереси и получивший за нее от папы титул

«Защитника веры»), чтобы убрать свою первую жену ради юной Анны Болейн, а заодно и овладеть богатствами английской церкви, присоединился к компании протестантских государей (1530 г.). Швеция, Дания и Норвегия уже перешли на сторону протестантов.

Религиозная война в Германии началась через несколько месяцев после смерти Мартина Лютера (1546 г.). Не будем вдаваться в подробности военных действий. Саксонская армия протестантов была разгромлена при Лохау. Главного из противников императора, гессенского ландграфа Филиппа, заманили в ловушку. Туркам обещали

ежегодную дань, и они отступили. В 1547 г., к великому облегчению императора, умер Франциск I, и все как-то само собой образовалось. Карл предпринимал последние попытки достичь мира там, где было невозможно никакое умиротворение. В Германии опять вспыхнула война, и только поспешное бегство из Инсбрука спасло Карла от плена. В 1552 г. договор в Пассау создал новое неустойчивое равновесие...

Таков краткий очерк политической жизни в империи на протяжении тридцати двух лет. Интересно отметить, с какой маниакальной настойчивостью умы европейцев обращались к идее

преобладания в Европе. Ни турки, ни французы, ни англичане, ни немцы не проявляли политического интереса к великому американскому континенту и не придавали никакого значения новым морским путям в Азию. А в Америке уже свершались судьбоносные деяния: Кортес с кучкой конкистадоров завоевал для Испании великую неолитическую империю — Мексику; Писарро преодолел Панамский перешеек (1530 г.) и покорил еще одну страну чудес — Перу... Но все это воспринималось не более как дополнительный приток серебра в испанскую казну.

После договора в Пассау у Карла

все отчетливее стало проявляться новое настроение. Императорское величие ему вконец надоело. Ощущение невыносимой тщеты всех этих европейских соперничеств овладело им. У него всегда было слабое здоровье, он страдал от подагры. Карл решил отречься от престола и передал суверенные права в Германии своему брату Фердинанду, а в Испании и Нидерландах — сыну Филиппу, после чего удалился в монастырь в Юсте, стоявший среди каштановых лесов на холмах к северу от долины Тахо, где и скончался в 1558 г.

О его отречении много писали в сентиментальном духе:

величественный и разочарованный титан удалился от света, чтобы обрести в одиночестве мир с Господом. Но его уход вовсе не был аскетическим отшельничеством — при нем оставалось сто пятьдесят слуг; в роскошных апартаментах недоставало разве что придворной жизни, а Филипп II был послушным сыном, для которого отцовский совет являлся непреложным законом.

Карл потерял интерес к европейским делам, но у него оставались другие, близкие его сердцу желания. Прескотт^{[\[40\]](#)} пишет:

Чуть ли не в
ежедневной переписке

между Кихадой и Гастелу и
государственным
секретарем в Вальядолиде
не найдется почти ни
одного письма, которое так
или иначе не отражало бы
аппетит императора и его
болезни. Подобные сюжеты
редко занимают столь
важное место в сношениях
с государственными
службами. Наверное,
секретарю трудно было
сохранять серьезное лицо
при чтении донесений, где
политика прихотливо
переплеталась с
гастрономией. Курьер из

Вальядолида в Лиссабон по четвергам привозил рыбу для постного пятничного стола, поскольку местная форель казалась Карлу мелковатой. Рыба занимала почетное место на императорском столе, наряду с лягушками и устрицами. Он любил вареные анчоусы и жалел, что мало привез их из Нидерландов, но всему предпочитал пироги с угрями... [\[41\]](#)

Еда и лечение! Возврат к простейшему. У Карла V не было

привычки к книгам, но ему читали за трапезой, как Карлу Великому. Он развлекался механическими игрушками, музыкой и проповедями, а также все еще доходившими до него государственными делами. Смерть императрицы, к которой он был очень привязан, обратила Карла к религии, принявшей у него мелочно-церемониальные формы: так, во время Великого поста он каждую пятницу до крови бичевал себя. Подобные упражнения, усугубленные подагрой, свидетельствовали о его ханжестве. Появление в Вальядолиде протестантского проповедника повергло Карла в бешенство: «Скажите от меня великому

инквизитору и его Совету, чтобы все они были на своих местах, а секира разила бы корни зла, пока оно не распространилось...» При этом Карл выразил пожелание, чтобы в таком черном деле поступали без малейшего снисхождения, дабы «помилованный преступник не смог уже повторить злодеяние». В качестве примера он рекомендовал поступать как в Нидерландах, «где всех упорствовавших в своих заблуждениях сжигали заживо, а раскаявшимся отрубали головы».

Почти символической была озабоченность Карла своими похоронами, как будто он интуитивно предчувствовал смерть

чего-то великого, нуждающегося в завершении и обозначении. Он не только присутствовал на всех совершавшихся в Юсте погребениях, но и велел служить заупокойные мессы по далеким и давно скончавшимся покойникам, например по своей жене. Более того, он совершил обряд собственных похорон:

Вся часовня была обтянута черным, сотни восковых свечей не могли рассеять тьму. Монахи и весь двор в глубоком трауре столпились вокруг громоздкого черного

катафалка, стоявшего
посреди часовни.
Отслужили заупокойную
мессу, и среди подвываний
монахов вознесли молитвы
о приятии отошедшей души
в обитель блаженных.
Присутствовавшие не
сдерживали своих слез,
представляя смерть своего
повелителя или, возможно,
побуждаемые к этому
изъявлению слабости
состраданием. Закутанный
темным плащом, Карл с
горящей свечой в руках
стоял среди всех, как
свидетель собственных

похорон. Скорбная
церемония завершилась
тем, что он передал свечу
священнику в знак
предания своей души
Всемогущему.

Через два месяца после этого
маскарада Карл скончался, а с ним
— и недолгое величие Священной
Римской империи. Его держава была
уже разделена между братом и
сыном и продолжала борьбу за
существование вплоть до эпохи
Наполеона, но разве что подобно
умирающему инвалиду. Однако и по
сей день эта традиция отравляет
политическую атмосферу.

XLIV. ВЕК ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ. ВЕЛИКАЯ МОНАРХИЯ, ПАРЛАМЕНТЫ И РЕСПУБЛИКАНИЗМ В ЕВРОПЕ

Католическая церковь была
сломлена, Священная Римская
империя разлагалась. История
Европы с начала XVI века — это

история поисков, в темноте и на ощупь, какой-то новой системы, лучше приспособленной к зарождающимся новым условиям. В Древнем мире через длительные периоды происходили смены династий и даже господствующих рас, но форма власти, основанная на монархе и храме, оставалась неизменной, как оставалась неизменной повседневная жизнь. Но в новой Европе начиная с XVI века династические перемены оказались несущественными; главное — разнообразные эксперименты над политической и социальной системами.

Как мы уже сказали,

политическая история мира с XVI века состояла по преимуществу из неосознанных попыток приспособить политические методы к неким новым условиям. Все осложнялось тем, что сами условия менялись с нарастающей быстротой. Указанная адаптация почти не осознавалась, не была желанной (люди обычно не любят что-то менять) и все больше отставала от происходящих перемен. Политические и социальные институты становились все более неприспособленными, неудобными и инертными. Приходит медленное, неохотное понимание необходимости переустроить всю систему

человеческих сообществ перед
лицом новых нужд и новых
возможностей.

В чем же заключались перемены
условий жизни, которые нарушали
баланс, определенный ритм
отношений между государством,
священником, крестьянином и
купцом, устоявшийся на протяжении
ста веков, несмотря на
периодические и освежающие
завоевания варваров?

Эти перемены многочисленны,
сложны и разнообразны, как и сами
дела человеческие, но в основном
сводятся к одному — к росту и
расширению знаний о природе
вещей, которые, зародившись среди

небольших групп образованных людей, стали распространяться, поначалу медленно, а в последние пятьсот лет с нарастающей быстротой, на все новые и новые части населения.

Наряду с расширением знаний и в связи с ним происходили и заметные перемены в условиях жизни. Ширилось неприятие существования, основанного на удовлетворении элементарных потребностей, возникло стремление к более объемному миропониманию, что присуще всем великим религиям, распространившимся за последние двадцать с лишним столетий, — буддизму, христианству, исламу. Им

пришлось вступить в совершенно новые отношения с человеческой душой, поскольку они радикально отличались от традиционных фетишистских религий, с храмами, жрецами и кровавыми жертвоприношениями. Постепенно развилось самоуважение личности, чувство ответственности и соучастия в жизни всего человечества, чего в прежних цивилизациях не было.

В древности первой значительной переменной в политической и общественной жизни было упрощение и широкое применение письменности, что сделало возможным существование больших империй. Затем появились

лошадь, верблюд и повозка, сеть дорог, было открыто самородное железо, значительно усовершенствовавшее орудия войны. Изобретение монет привело к глубоким, хотя и опасным изменениям в понятиях о собственности и торговле. Империи росли, а вместе с ними расширялись и представления людей. Стали исчезать местные боги, наступила эпоха теократии и новых великих религий. Возникли зачатки письменной истории и географии, первое осознание человеком своего глубокого невежества и первые систематические исследования.

Однако блистательное развитие

науки, начавшееся в Греции и Александрии, было на некоторое время прервано. Набеги тевтонских варваров, натиск монгольских народов, конвульсии религиозной мысли и обширные эпидемии чрезмерно напрягали политическую и социальную систему. Когда после эпохи конфликтов и смут цивилизация возродилась, рабство перестало быть основой экономики, а первые бумажные мельницы создали новое средство для массовой передачи сведений посредством книгопечатания. Постепенно воссоздавался систематический научный процесс.

Как побочный результат такого

развития стало появляться все больше и больше изобретений, помогавших взаимодействию людей. Но люди не были готовы ко всему этому; до тех пор пока великая катастрофа в начале XX века не обострила восприятие человечества, мы почти не замечаем разумно спланированных попыток соответствовать новым условиям, порожденным нарастающим потоком изобретений. Человечество в последние четыре столетия напоминает крепко спящего в горящей тюрьме узника, который не просыпается и воспринимает потрескивание и жар огня как сновидение, а вовсе не как реальную

опасность и необходимость бегства.

Поскольку история изучает не отдельные личности, а целые сообщества, ее в первую очередь интересуют те изобретения, которые влияют на связи людей. В XVI веке главными новшествами были бумага для печатания книг и океанские корабли с компасом. Первое способствовало удешевлению и широкому распространению учебников, общепользовных сведений и дискуссий, а также сообщений о главных политических событиях. Второе сделало мир единым. Но не менее значительным было употребление и усовершенствование пороха и огнестрельного оружия,

которое в XIII веке принесли на Запад монголы. Благодаря пороху замки баронов и крепостные стены городов лишились былой неприступности. Пушки смяли не только Константинополь, но и феодализм как таковой. Мексика и Перу в ужасе пали перед испанскими орудиями, извергающими огонь.

В XVII веке началась систематическая публикация научных книг. Здесь особенно заметен сэр Фрэнсис Бэкон (1561—1626 гг.), лорд Веруламский, канцлер Англии. Он был учеником сторонника опытной философии из Колчестера доктора Гильберта (1540—1603 гг.) и выразил свои мечты о

великой пользе науки в утопии «Новая Атлантида».

Возникли Лондонское Королевское общество, Флорентийское общество и другие национальные организации для поощрения научных экспериментов и обмена знаниями. Эти общества стали рассадником не только бесчисленных изобретений, но и уничтожающей критики той гротескной истории, что затемняла человеческий разум на протяжении многих веков.

Ни в XVII, ни в XVIII веках не было изобретено ничего столь же революционного, как книгопечатание и океанское мореплавание, зато

продолжалось неуклонное
накопление знаний и научного
потенциала, что и принесло в XIX
веке свои плоды. Были открыты
новые земли, на картах появились
Австралия, Тасмания и Новая
Зеландия. В Англии для выплавки
металлов вместо древесного угля
стали употреблять кокс, что
значительно удешевило железо и
сделало возможным
крупногабаритное литье.
Зарождались современные машины и
механизмы.

Подобно деревьям небесного
сада, наука непрестанно приносит
цветы и плоды. Теперь научно-
техническому прогрессу не видно

конца, а развернулся он по-настоящему лишь в XIX веке. Появились сталь и паровая машина, железные дороги, большие мосты и высокие здания; машины почти беспредельной мощности; возможность удовлетворения любых материальных потребностей; человек добился еще больших чудес, открыв таинственные сокровища науки об электричестве...

Мы уподобили общественно-политическую жизнь XVI века положению спящего узника в горящей тюрьме. В XVI веке европейские умы соблазнились миражами Священной Римской империи под эгидой Католической

церкви, хотя английский король Генрих VIII и Мартин Лютер уже в ключья разрывали ткань католицизма.

В XVII и XVIII веках эти миражи превратились в мечту об абсолютной монархии. История Европы того времени с некоторыми вариациями повествует о стремлении консолидировать монархии, сделать их самодержавными и распространить их власть на более слабых соседей. Эта мечта вызвала упорное сопротивление сначала землевладельцев, а с развитием торговли и ремесел — торговых и состоятельных слоев. Ни одна из сторон не получила решающего

перевеса — короли то побеждали, то шли на уступки. В одном случае мы видим монарха, ставшего солнцем и центром своего национального мира, и совсем рядом с ним — крепкий торговый народ, установивший республиканское правление^[42].

Обычный герой в этих национальных драмах — королевский министр (в католических странах — он еще и прелат), который не только служит королю, но и подавляет его волю своей незаменимостью.

Размеры нашей книги не позволяют подробно пересказать все перипетии этой драмы. Торговый народ Голландии создал

протестантскую республику и сверг власть Филиппа Испанского, сына императора Карла V. В Англии Генрих VIII и его министр Вольсей, а также Елизавета I и ее министр Берли закладывали основы абсолютизма, которые были подорваны неблагоприятным правлением Якова I и Карла I. Обвиненный в государственной измене, Карл погиб на эшафоте (1649 г.) — абсолютное новшество в политической жизни Европы. Двенадцать лет Британия оставалась республикой, а потом возродившаяся, но неустойчивая королевская власть во многом зависела от парламента, пока Георгу III (1760—1820 гг.) не

удалось возобновить влияние короны. Успешнее всех оказались французские короли. Два великих министра, Ришелье (1585—1642 гг.) и Мазарини (1602—1661 гг.), выпестовали абсолютизм, чему способствовало продолжительное правление одаренного немалыми способностями «великого монарха» — короля Людовика XIV (1634—1715 гг.).

Его можно считать образцовым европейским государем. Это был исключительно талантливый король; амбиции преобладали у него над низменными вожделениями, и его энергичная внешняя политика вела страну к банкротству, хотя он

неизменно сохранял при этом величественность, до сих пор вызывающую восхищение. Его ближайшими целями было укрепление единства Франции, распространение ее границ до Рейна и Пиренеев и поглощении Испанских Нидерландов. В дальней перспективе он видел французских королей во главе преобразенной Священной Римской империи в роли преемников Карла Великого. Он сделал подкуп методом государственной политики, едва ли не более важным, чем война. На содержании у него находились английский король Карл II и большая часть польской аристократии. Деньги его подданных разлетались

по всему свету. Но главным «призванием» короля было великолепие и величие. Весь мир восхищался его помпезным Версальским дворцом со множеством зал, галерей, террас, фонтанов, парков и аллей...

Версаль вызвал повсеместные подражания. Все короли и государи Европы, вплоть до мельчайших князьков, принялись строить собственные версали, стараясь растратить как можно больше денег своих подданных, а дворянство — перестраивать и расширять свои замки по новому образцу. Развилось обширное производство роскошных тканей и стильной мебели. Расцвели

искусства и ремесла, связанные с предметами роскоши: гипсовая скульптура, фаянс, золотильное дело, тисненая кожа, драгоценные картины, изящные книги... Среди зеркал и роскошной мебели обитали какие-то небывалые мужчины, в пудренных париках, в шелках и кружевах, на высоких каблуках, и еще более поразительные дамы с прическами в виде башен, в каких-то невероятных сооружениях из шелка и атласа на проволочных каркасах. А в центре — великий Людовик-Солнце, не замечавший угрюмых глаз, смотревших на него из темных низов, куда не достигали лучи королевского сияния.

Все это время немецкий народ оставался политически разьединенным, а множество герцогских и княжеских дворов из последних сил подражало версальскому великолепию. Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) — опустошительная схватка шведов, немцев и чехов за колеблющиеся политические преимущества — на целое столетие подорвала жизненные силы Германии. После Вестфальского мира 1648 г. в центре Европы появилось замысловатое «лоскутное одеяло» из княжеств, герцогств, свободных городов и т. п.; одни из которых входили в империю, другие

оставались сами по себе. Шведская рука протянулась в глубь Германии, но Франции до Рейна было еще далеко. Среди всей этой чересполосицы, выиграв несколько войн, набирала силу Пруссия (королевство с 1701 г.). У Фридриха Великого (1740—1786 гг.) был свой Версаль в Потсдаме, где говорили и читали только по-французски и вообще старались превзойти самого французского короля.

В 1714 г. курфюрст Ганноверский получил в наследство английский престол, и еще одно государство прибавилось к списку тех, кто входил в империю только наполовину.

Австрийская ветвь потомков Карла V сохраняла императорский титул, однако тем временем на Востоке тоже появился император. После падения Константинополя (1453 г.) великий князь Московский Иван III (1462—1505 гг.) объявил себя наследником византийского трона и взял гербом византийского двуглавого орла. Его внук Иван IV Грозный (1533—1584 гг.) принял титул цезаря (царя). Но лишь во второй половине XVII века Россия перестала казаться европейцам чем-то далеким и азиатским — царь Петр Великий (1682—1725 гг.) вывел ее на европейскую сцену. Он основал в устье Невы новую столицу —

Петербург — как окно между Россией и Европой, а в восемнадцать милях от него устроил свой Версаль — Петергоф. Был приглашен французский архитектор^[43], возведший там террасу, фонтаны, каскады, картинную галерею, парк и прочие атрибуты великой монархии. Как и в Пруссии, придворным языком в России стал французский.

Крайне невыгодное положение между Австрией, Пруссией и Россией занимало Королевство Польское, очень плохо организованное государство крупных землевладельцев, которые слишком ревниво относились к своему значению и потому вручали королю

(к тому же избираемому ими) лишь номинальную власть. Польше суждено было стать жертвой раздела между тремя соседями, несмотря на все старания Франции сохранить ее в качестве независимого союзника. Швейцария являлась конфедерацией нескольких кантонов-республик; Венеция также была республикой; Италия, подобно Германии, оставалась разделенной на мелкие герцогства и княжества. Папа правил в своих владениях как светский государь, старавшийся сохранить поддержку католических королей, и уже не вмешивался в их дела с назидательными напоминаниями об интересах христианского

сообщества. Уделом Европы, лишившейся общей политической идеи, стало разделение и разнородность.

Все эти суверенные государства и республики вынашивали планы расширения за счет своих соседей, каждое проводило «международную» политику агрессии и захватнических союзов. Сегодня мы, европейцы, живем в последнем периоде эпохи разношерстных независимых государств и страдаем от их взаимной вражды и подозрительности. История былых времен становилась все более бессмысленной и удручающей. Нам рассказывают, что такая-то война

произошла по проискам любовницы такого-то короля, а такая-то была спровоцирована соперничеством двух министров. Сплетни о подкупках и интригах вызывают только отвращение, но куда важнее то, что, несмотря на множество границ, книги и идеи продолжали распространяться, а число изобретений неуклонно расти. В XVIII веке возникла литература, глубоко критически и даже скептически относившаяся к монархии и вообще к политике. Такая книга, как вольтеровский «Кандид», уже полностью отвергала бессмысленность европейского мира.

XLV. НОВЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В АЗИИ И ЗАМОРСКИХ ЗЕМЛЯХ

Пока Центральная Европа
оставалась в состоянии
беспорядочного разделения,
голландцы, скандинавы, испанцы,
португальцы, французы и англичане
уже перенесли свое соперничество
на весь земной шар. Если
книгопечатание привело
политические идеи в состояние

какого-то неопределенного
брожения, то другое великое
новшество — океанское
мореплавание — неумолимо
расширяло горизонт европейцев
далеко за пределы водных преград.

Заморские поселения голландцев и атлантических европейцев возникли для торговли и использования недр. Первыми здесь были испанцы, которые претендовали на безраздельное обладание новым континентом, получившим название Америка. Вскоре свою долю потребовали португальцы. Папа (это было одним из последних деяний Рима как правителя мира) разделил новый

континент между двумя нациями-первопроходцами. Португалии он отдал Бразилию и все земли к востоку от меридиана, проходящего на 370 лиг западнее островов Зеленого Мыса. Остальное принадлежало Испании (1494 г.). В 1497 г. Васко да Гама проплыл из Лиссабона вокруг мыса Доброй Надежды к Занзибару и Калькутте. Португальские корабли появились на Яве и Молуккских островах, по периметру Индийского океана были основаны укрепленные торговые фактории. Португалии до сих пор принадлежат Мозамбик, Гоа, два небольших владения в Индии, Макао в Китае и часть Тимора^[44].

Нации, не допущенные папской буллой в Америку, не признавали прав Испании и Португалии. Вскоре англичане, датчане, шведы и голландцы заявили о своих притязаниях в Северной Америке и Вест-Индии, а его католическое величество король Франции относился к решению папы ничуть не лучше, чем протестантские государи.

Самыми успешными в этой гонке за колониями оказались англичане. Датчане и шведы слишком были заняты германскими делами, чтобы снаряжать экспедиции за океан. Шведы истощили себя на полях сражений в Германии, чему

виной их колоритный король Густав Адольф, этот протестантский «Северный лев». Их наследниками в Америке стали голландцы, но им постоянно угрожала французская агрессия, и они не смогли удержаться против англичан. На Дальнем Востоке главными соперниками были англичане, голландцы и французы, в Америке — англичане, французы и испанцы. Подавляющее преимущество принадлежало англичанам — их меньше всего связывали традиции Священной Римской империи.

Что касается Франции, то она слишком зависела от европейских дел и на протяжении всего XVIII века

пыталась подчинить себе Испанию, Италию и немецкий конгломерат. Религиозные и политические распри в Англии XVII века заставили многих навсегда перебраться в Америку, где они пустили крепкие корни, расширились и приумножились, что давало Англии определенные преимущества в борьбе за Америку. В 1756—1760 гг. французам пришлось отдать им Канаду, а еще через несколько лет одна торговая английская компания добилась преобладающего влияния на полуострове Индостан, оттеснив французов, голландцев и португальцев. Империя Великих Моголов, которой правили Бабур,

Акбар и их преемники, пребывала в глубоком упадке, и ее покорение британской Ост-Индской компанией — один из самых поразительных эпизодов в истории завоеваний.

Ост-Индская компания при ее основании в царствование Елизаветы I представляла собой всего лишь объединение морских первопроходцев, но постепенно стала набирать себе войско и вооружать корабли. Эта торговая компания с ее традициями наживы стала не только торговать пряностями, красителями, чаем и драгоценными камнями, но и управлять целыми княжествами, а потом распоряжаться судьбами всей Индии. Она возникла для

коммерции, в результате же получился вселенский грабеж, и никто не смог ей противостоять. Неудивительно, что ее военачальники и чиновники (включая низших) и даже простые солдаты возвращались в Англию отягощенные богатой добычей.

В подобных обстоятельствах, имея власть над великой и богатой страной, люди перестают соизмерять свои возможности и силы. Для них Индия была чужой землей под чужим солнцем; ее смуглый народ представлялся расой инопланетян, не вызывавшей ни сочувствия, ни симпатии; ее таинственные храмы отображали фантастические нравы и

обычаи. В Англии не могли понять, почему возвращавшиеся генералы и чиновники обвиняли друг друга в вымогательствах и жестокостях. Клайву^[45] парламент вынес вотум недоверия, и он покончил с собой (1774 г.). В 1788 г. другой великий правитель Индии — Уоррен Гастингс^[46] был обвинен, но в конце концов оправдан (1792 г.). Ничего подобного во всей мировой истории еще не бывало. Английский парламент управлял лондонской торговой компанией, которая, в свою очередь, властвовала над царством, намного превосходившим все владения британской короны. Для большинства англичан Индия была

далекой, экзотической и почти недоступной страной, куда отправлялись предприимчивые, но бедные молодые люди, чтобы спустя много лет вернуться на родину очень богатыми и скандальными старыми господами. Ум британцев не воспринимал жизнь бесчисленных миллионов темнокожих людей. Индия оставалась романтически-ирреальной, и поэтому установить эффективный контроль над деятельностью компании было невозможно.

Пока европейцы сражались на океанах за эти фантастические царства, в Азии произошли два великих завоевания. Китай сбросил

монгольское иго (1360 г.) и процветал под властью местной династии Мин вплоть до 1644 г., когда другой монгольский народ — маньчжуры — вновь покорил его и владел им до 1912 г. Тем временем Россия пробивалась на восток и превращалась в значительную силу на мировой арене. Возникновение великой континентальной державы, не принадлежащей целиком ни к Западу, ни к Востоку, имело величайшее значение для судеб всего человечества. Ее экспансия происходила во многом благодаря появлению христианского степного народа — казаков, преградивших путь польским и венгерским

феодалам на западе и татарам на востоке. Казаки были европейским Диким Западом, во многом схожим с американским середины XIX века. Все изгои России: преступники и невинные жертвы, беглые рабы, религиозные сектанты, воры, бродяги, убийцы — искали убежища в южных степях, начинали там новую жизнь и насмерть боролись за свою свободу с поляками, русскими и татарами, не делая между ними особого различия. Постепенно этот приграничный люд начал встраиваться в государственную систему, подобно тому, как шотландские кланы превращались в полки британской армии. Им

предлагали новые земли в Азии, и они стали орудием борьбы с ослабевающей мощью монгольских кочевников сначала в Туркестане, а потом и по всей Сибири, вплоть до Амура.

Трудно объяснить угасание энергии монголов в XVII и XVIII столетиях. Через два-три века после Чингисхана и Тамерлана Центральная Азия, господствовавшая чуть ли не над всем миром, впала в состояние полного политического бессилия. Возможно, это отчасти объясняется переменой климата или неизвестными нам эпидемиями. Некоторые ученые говорят об умиротворяющем влиянии

пришедшего из Китая буддизма. Во всяком случае экспансия монголов и тюркских народов в XVI столетии прекратилась, и они сами стали подвергаться давлению, завоеваниям и вытеснению со стороны христианской России на западе и Китая на востоке.

На протяжении всего XVII века казаки продвигались на восток от европейской России и оседали в благоприятных для земледелия местах. Линия застав и крепостей образовывала подвижную границу на юге, где кочевники были по-прежнему сильны, зато на северо-востоке ничто не ограничивало Россию, пока она не достигла Тихого

океана...

XLVI.

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

В третьей четверти XVIII века Европа пребывала в состоянии неустойчивого раздробления, уже не объединенная какой-либо политической или религиозной идеей, и все-таки (благодаря стимулирующему воздействию книгопечатания и новым возможностям океанского мореплавания) сумела в условиях

жесткой конкуренции овладеть всеми побережьями Мирового океана. Подобное спонтанному кипению, это временное и чуть ли не случайное преимущество над остальным человечеством позволило европейцам заселить новый и еще пустынный американский континент. Южная Африка, Австралия и Новая Зеландия также предоставляли удобную возможность для переселения из Европы.

Причина, побудившая Колумба плыть в Америку, а Васко да Гаму — в Индию, была одна и та же — извечное стремление развивать торговлю. Но если на густонаселенном и процветающем

Востоке европейские поселения были всего лишь торговыми факториями, куда европейцы устремлялись ради обогащения, после чего возвращались на родину, то в Америке этого не позволяла малая производительность труда туземного населения. Здесь (особенно это относится к серебряным копям Южной Америки) европейцы искали золото и серебро. Из Европы на новый континент отправлялись не только вооруженные купцы, но и золотоискатели, рудокопы, исследователи и плантаторы. На севере они добывали меха. Рядом с шахтами и плантациями вырастали поселения.

Английские пуритане, спасаясь от преследований, переселялись в XVII веке в Новую Англию, а в XVIII веке Оглеторп^[47] отправлял узников долговых тюрем в Джорджию; голландцы делали то же самое с сиротами, которых везли на мыс Доброй Надежды. Европейцы плыли за океан в поисках нового дома. После появления паровых судов поток эмигрантов на пустующие земли Америки превратился в настоящее переселение народов.

Так возникло постоянное заморское население европейцев, культура которых распространилась на значительно большие области, чем те, где она до сих пор развивалась.

Новые общины, принеся с собой
устоявшуюся цивилизацию,
возникали сами собой, без всякого
плана, и правители Европы,
совершенно этого не предвидевшие,
не знали, что с ними делать.
Политики и министры смотрели на
колонии как на источник дохода и
считали своими «владениями», но у
самых колонизаторов выработалось
обостренное чувство своей
собственной общественной жизни.
Тем не менее их по-прежнему
считали бесправными подданными
метрополии, несмотря на то что они
давно уже распространились в глубь
континента, за пределы
досягаемости карающей руки закона

со стороны моря.

До середины XIX века связующим звеном с заморскими территориями был океанский парусник. На суше самым быстрым средством передвижения оставалась лошадь, чем и ограничивались единство и связь политических систем.

Во второй половине XVIII века две трети побережья Северной Америки находились под властью британской короны. Французы Америку уже покинули. Не считая Бразилии, принадлежавшей португальцам, одного-двух островов и нескольких французских, английских, датских и голландских

владений, все далее к югу было испанским — Флорида, Луизиана, Калифорния и т. д.

Впервые недостаточность одного только океанского флота для удержания заморских земель доказали британские колонии к югу от Мэна и озера Онтарио. Эти колонии заметно отличались друг от друга по своему устройству и происхождению. Помимо английских там были французские, шведские и голландские поселения, британские католики в Мэриленде и британские ультрапротестанты в Новой Англии. Последние занимались сельским хозяйством и отвергали рабство, зато англичане Вирджинии и всего Юга

использовали на своих плантациях все больше и больше черных рабов. Ни о какой естественной общности здесь не было и речи — даже переезд от одной территории к другой на каботажном судне был ничуть не меньшим испытанием, чем плавание через Атлантику. Однако к союзу, которому препятствовали разность происхождения и природных условий, англо-американцев вынудили своекорыстие и глупость лондонского правительства. Их облагали налогами, но при этом не давали права голоса в распределении денег и ограничивали их торговлю в интересах Англии. Чрезвычайно прибыльная работоторговля

сохранялась за английским правительством, несмотря на протесты вирджинцев, которые хотя и использовали рабов, но боялись, как бы их не затопил все возрастающий наплыв черных варваров.

Тем временем Англия сползала к авторитарным формам монархии, и упрямство Георга III (1760—1820 гг.) во многом способствовало противостоянию колоний и метрополии.

Конфликт был подогрет законодательством в пользу лондонской Ост-Индской компании, ущемлявшим интересы американских судовладельцев. В

1773 г. в бостонской гавани какие-то переодетые индейцами люди сбросили с кораблей за борт груз чая, доставленный по новым правилам. Военные репрессии начались в 1775 г., когда английские власти пытались арестовать в Лексингтоне, под Бостоном, двух американских предводителей. Раздались первые выстрелы со стороны англичан, в Конкорде произошел первый бой.

Так началась американская Война за независимость, хотя более года колонисты крайне отрицательно воспринимали разрыв связей с исторической родиной. Только в середине 1776 г. Конгресс мятежных штатов провозгласил Декларацию

независимости. Командующим войсками был назначен Джордж Вашингтон, который, как и многие авторитетные колонисты, участвовал в войнах с французами. На следующий год английский генерал Бургойн потерпел поражение и сдался при Саратоге; тогда же Франция и Испания объявили войну Великобритании и начали действовать против нее на море. Вторая английская армия генерала Корнвалиса, окруженная на Йорктаунском полуострове в Вирджинии, капитулировала (1781 г.). В 1783 г. был заключен Парижский мир, и тринадцать колоний от Мэна до Джорджии стали

Союзом независимых государств. Так родились Соединенные Штаты Америки. Канада осталась верна британскому флагу.

В течение четырех лет эти штаты были очень слабо централизованы и управлялись согласно неким «Статьям Конфедерации»; казалось, им суждено вскоре распасться на отдельные независимые сообщества. Но от скорого разделения их удерживали враждебность англичан и агрессивность французов. В 1788 г. была принята конституция, установившая федеральное управление с президентом во главе, который обладал значительными

полномочиями. Слабое чувство национального единства подогрела вторая война с Англией в 1812 г. Тем не менее территория штатов была настолько велика, а их интересы столь различны, что из-за одной только неразвитости средств сообщения распад Конфедерации на отдельные государства европейского масштаба представлялся вопросом времени. Для сенаторов и конгрессменов из дальних мест каждая поездка в Вашингтон была длительным, опасным и изнурительным предприятием, а чисто физические препятствия для распространения образования и литературы казались

непреодолимыми. И все-таки
нашлись силы, сумевшие
предотвратить распад:
Североамериканские Штаты были
спасены речными пароходами,
железной дорогой и телеграфом,
соединившими разбросанных в
пространстве людей в первую из
великих наций нашего времени.

Через двадцать два года
испанские колонии в Америке
последовали примеру английских
тринадцати штатов и добились
независимости от Европы. Однако
большая разбросанность на
континенте, разделявшие их горы,
пустыни и леса, а также
португальская империя — Бразилия

— не позволили им слиться в единое целое. Они стали созвездием республик, весьма склонных поначалу к междоусобным войнам и революциям.

Бразилия пошла к неизбежной независимости несколько иным путем. В 1807 г. наполеоновская армия оккупировала Португалию, и королевское семейство бежало в свои американские владения. С тех пор, вплоть до окончательного отделения, скорее Португалия зависела от Бразилии, чем наоборот. В 1822 г. колония провозгласила себя независимой империей под властью Педро I, сына португальского короля, однако Новый Свет был не слишком

расположен к монархиям. Бразильского императора без лишнего шума отправили в Европу (1889 г.), а Соединенные Штаты Бразилии окончательно встали в строй американских республик.

XLVII.

**ФРАНЦУЗСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ И
ВОССТАНОВЛЕНИЕ
МОНАРХИИ ВО
ФРАНЦИИ**

Не успела Британия потерять тринадцать колоний в Америке, как невиданный социальный и политический катаклизм в другой великой монархии с еще большей наглядностью показал Европе всю неустойчивость ее политических

систем.

Мы уже говорили, что французские короли на европейском континенте оказались самыми успешными. Их государство было предметом зависти многих соперничавших друг с другом второстепенных королевских дворов. Но его процветание основывалось на социальной несправедливости, что и привело к роковой катастрофе. Блестящая и агрессивная французская монархия совершенно не заботилась о своих подданных. Духовенство и дворянство были свободны от налогов, а значит, вся тяжесть содержания государства ложилась на средние и низшие

классы. Поборы стирали крестьян в порошок; дворянство попирало и унижало средние классы.

В 1787 г. монархия оказалась банкротом и была вынуждена созвать представителей всех сословий для рассмотрения дефицитного бюджета и сокращения чрезмерных затрат.

В 1789 г. в Версале открылись заседания Генеральных Штатов — собрания дворянства, духовенства и податного населения, некое подобие ранней формы Британского парламента. Генеральные Штаты не собирались с 1610 г. [\[48\]](#) Все это время Франция оставалась абсолютной монархией, но теперь у народа возникла возможность выразить

давно уже зревшее недовольство. Сразу же возникли споры из-за стремления третьего сословия занять главенствующее положение. Оно одержало верх, и Генеральные Штаты преобразовались в Национальное собрание, вставшее на путь ограничения абсолютизма по примеру Британского парламента. Король (Людовик XVI) приготовился к борьбе и вызвал войска из провинций. В ответ на это Париж и Франция восстали.

Падение абсолютной монархии произошло чрезвычайно быстро. Парижане взяли мрачную Бастилию, и мятеж тут же распространился по всей Франции. В восточных и

северо-западных провинциях крестьяне жгли дворянские замки и уничтожали владельческие грамоты, а самих хозяев убивали или прогоняли.

Прогнившая аристократическая система старого режима рухнула за один месяц. Многие принцы и придворные бежали за границу. В Париже и других крупных городах установилась местная муниципальная власть и сформировалась Национальная гвардия, открыто предназначавшаяся для противостояния монархии. Национальному собранию предстояло создать новую социальную и политическую систему совершенно нового мира.

Подобная задача подвергала Францию жесточайшему испытанию. Разом были устранены самые вопиющие несправедливости абсолютизма: налоги, крепостное право, аристократические титулы и привилегии. Дело шло к установлению конституционной монархии. Король сменил версальское величие на более скромный дворец Тюильри в Париже.

В течение двух лет сохранялась надежда создать обновленную и эффективную систему управления. Многие из сделанного было рационально и сохранилось до сих пор, хотя от некоторых нововведений

пришлось отказаться. Был пересмотрен Уголовный кодекс, упразднены пытки, бессудные аресты и преследования за ересь. Прежние провинции (такие как Нормандия, Бургундия и другие) заменили восьмьюдесятью департаментами[\[49\]](#). Высшие чины в армии стали доступными независимо от происхождения. Однако прекрасная и простая система судов была испорчена частой выборностью судей, что делало толпу своего рода апелляционной палатой, а судьям, как и членам Национального собрания, приходилось, заискивать перед галеркой. Подлежала

конфискации вся церковная
собственность. Религиозные
учреждения, не связанные с
образованием и
благотворительностью,
упразднялись, а содержание
духовенства переходило на счет
государства. Для низших клириков
это оказалось не так и плохо,
поскольку их доходы зачастую были
скандально малы. Вводилась
выборность священников, что
подрывало принцип римского
католичества, в котором иерархия
выстраивалась сверху вниз, начиная
от папы и кардиналов. Национальное
собрание хотело одним махом
превратить французскую церковь,

если не по доктрине, то по организации, в протестантскую. Повсюду возникали споры и конфликты между государственными и ортодоксальными священниками, сохранявшими верность Риму.

В 1791 г. эксперимент с конституционной монархией резко оборвался вследствие сговора короля и королевы со своими друзьями за границей. К Рейну стягивались иностранные армии, и наконец июньской ночью королевское семейство бежало из Тюильри, чтобы присоединиться к аристократам-эмигрантам. В Варение их задержали и возвратили в Париж. Францию охватил патриотический энтузиазм.

Была провозглашена республика и объявлена война Австрии и Пруссии; короля предали суду и по примеру Англии приговорили как предателя народа к смертной казни (январь 1793 г.).

Далее в истории Франции последовал странный период. Ярко разгорелось патриотическое пламя, подогреваемое призывами положить конец любому соглашательству, поставить роялистов и всех недовольных вне закона, взять под защиту революции в других странах. Европа и весь мир должны стать республиканскими. Французские юноши толпами стекались под знамена. Повсюду звучала новая

вдохновляющая песня —
«Марсельеза», которая и до сих пор,
подобно вину, горячит кровь. Под ее
звуки французы прогнали иноземцев
гораздо дальше пределов завоеваний
Людовика XIV и повсюду стояли на
чужой земле: в Брюсселе, Савойе,
Майнце и на Шельде в Голландии.
Но французское правительство
совершило один необдуманый шаг:
оскорбленное изгнанием своих
представителей из Лондона после
казни Людовика, оно объявило войну
Англии. Это было крайне
неблагоразумно, потому что
революция, создавшая
вдохновенную энтузиазмом пехоту и
блестящую артиллерию, разрушила

(избавившись от офицеров-аристократов) дисциплину на флоте, а англичане оставались владыками морей. Вся Англия сплотилась против этого вызова, хотя поначалу там возникло влиятельное движение в поддержку Французской революции.

У нас нет возможности подробно говорить о происходившей в последующие несколько лет войне Франции против европейской коалиции. Австрийцы были изгнаны, и уже навсегда из Бельгии, Голландия стала республикой^[50]. Замерзший на Текселе голландский флот сдался без единого выстрела отряду кавалерии. В Италии

французский напор на некоторое время приостановился, и только в 1796 г. новый генерал Наполеон Бонапарт с триумфом провел свою оборванную и голодную армию через Пьемонт в Мантую и Верону.

Более всего союзников поражали численность и быстрота республиканцев. Ничто не останавливало их импровизированную армию. Из-за отсутствия денег не хватало палаток, да их все равно не на чем было перевозить, и солдаты 1793—1794 годов стойко переносили те тяготы, от

которых разбежались бы профессиональные военные. Для снабжения новых, неслыханных по численности войск не годились конвой, и французы вскоре научились жить «на подножном корму». Таким образом, в 1793 году родилась современная стратегия: быстрые марши, полное напряжение всех сил народа, биваки, реквизиции — все это заменило осторожное маневрирование, малочисленные

профессиональные армии,
палатки, полный рацион.
Системе малых рисков
ради малых выгод был
противопоставлен дух
смелых решений... [\[51\]](#)

Но в то время когда толпы
оборванцев-фанатиков с пением
«Марсельезы» сражались за свою la
France, не разбирая, освобождают
они или грабят страны, куда занесла
их война, республиканский
энтузиазм парижан явил себя далеко
не в столь благородном обличье.

Революция развивалась под
эгидой нового фанатичного вождя —
Робеспьера. Трудно дать оценку

этому самодовольному и вместе с тем робкому педанту. При слабом здоровье он обладал необходимым для властителя даром — несокрушимой верой и был уверен, что республику может спасти только его власть. Живой дух революции поддерживался убийствами роялистов и казнью короля. Впрочем, были и восстания: одно на западе, в Вандее, где народ поднялся против рекрутского набора и преследований духовенства; другое на юге, в Лионе, Марселе и Тулоне, куда роялисты впустили английский и испанский гарнизоны. Здесь уже не было иного выхода, как продолжать поголовные убийства роялистов.

Революционный трибунал
принялся за дело, началась бойня,
значительно облегчившаяся
благодаря изобретению гильотины.
Под ее нож пошли и королева, и
противники Робеспьера, и атеисты,
отрицавшие бытие Верховного
Существа; день за днем, неделя за
неделей адская машина не
переставая рубила головы.
Царствование Робеспьера питалось
кровью: подобно курильщику
опиума, он нуждался в ней все в
больших и больших количествах.

Наконец летом 1794 г. сам
Робеспьер был низвергнут и попал
под нож. Его сменила Директория
Пяти, которая продолжала

оборонительную войну за границей и в течение пяти лет удерживалась у власти. Их правление было своеобразным перерывом в эпохе жестоких и яростных перемен. Революционный энтузиазм привел французские армии в Голландию, Бельгию, Швейцарию, Южную Германию и Северную Италию. Повсюду они свергали королей и устанавливали республики, что не мешало им грабить сокровища освобожденных народов для облегчения финансовых трудностей французского правительства. Войны становились все менее освободительными и все больше напоминали агрессивные войны при

старом режиме.

Из своего монархического наследия Франция в последнюю очередь была готова отказаться от традиционной внешней политики. При Директории мы видим ее такой, как если бы революции вообще не было.

К несчастью для Франции и всего мира, появился человек, который в высшей степени воплощал в себе эгоизм французов и принес им десять лет славы и унижение окончательного разгрома, — Наполеон Бонапарт, генерал итальянской армии, водивший ее от победы к победе.

В течение пяти лет он всеми

силами старался продвинуться
наверх и в конце концов захватил
высшую власть. Это был человек
весьма ограниченного понимания,
зато обладавший неукротимой
энергией и всегда готовый идти
напролом. В юности он усвоил
радикальное учение Робеспьера, что
помогло ему в начале карьеры,
однако значения появившихся в
Европе новых сил он по-настоящему
не понимал и не сумел придумать
ничего лучшего, чем опереточное
возрождение западной империи со
столицей в Париже и уничтожение
остатков Священной Римской
империи. В Вене император стал уже
не германским, а только

австрийским. Наполеон развелся со своей французской женой и женился на австрийской принцессе.

Став в 1799 г. первым консулом, Наполеон фактически сделался французским монархом, а в 1804 г. по аналогии с Карлом Великим объявил себя императором французов. Папа короновал его в Париже; во время церемонии Наполеон, подобно Карлу, сам возложил на себя корону. Сын его был коронован как римский король.

Царствование Наполеона в течение нескольких лет было непрерывной цепью побед. Он завоевал большую часть Италии и Испании, разгромил Пруссию и

Австрию и господствовал над всей Европой к западу от России. Но победить Англию на море ему так и не удалось, а в 1805 г. его флот был наголову разбит адмиралом Нельсоном при Трафальгаре. В 1808 г. восстала Испания, и британская армия Веллингтона медленно выдавливала французов на север Иберийского полуострова. В 1811 г. возник конфликт с царем Александром I, и на следующий год Наполеон вторгся в Россию во главе объединенной армии, насчитывавшей шестьсот тысяч человек, которая была почти полностью уничтожена русскими войсками и русскими морозами.

Восстала Германия, Швеция присоединилась к противникам Наполеона. Французские войска, терпя поражение за поражением, отступали, и Наполеон отрекся от престола в Фонтенбло (1814 г.). Его сослали на остров Эльбу, однако последним усилием он сумел возвратиться во Францию (1815 г.), и снова был побежден при Ватерлоо союзными войсками Англии, Бельгии и Пруссии. Наполеон умер пленником на острове Св. Елены в 1821 г.

Силы, освобожденные Французской революцией, исчерпали себя. Союзники-победители на конгрессе в Вене старались по

возможности восстановить то, что великий ураган разнес в щепки. Почти сорок лет в обессиленной Европе сохранялся мир.

XLVIII. НЕУСТОЙЧИВЫЙ МИР В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ НАПОЛЕОНА

Две главные причины не только препятствовали полному социальному и международному умиротворению в этот период, но и подготовили серию войн 1854—1871 годов. Первая заключалась в стремлении монархов восстановить систему несправедливых привилегий и ограничить свободу мысли,

образования и печати. Второй были совершенно противоестественные границы, установленные на Венском конгрессе.

Впервые стремление монархий возвратиться к прежним порядкам с особой ясностью проявилось в Испании, где была восстановлена даже инквизиция. Но по другую сторону Атлантики испанские колонии последовали примеру Соединенных Штатов и, когда Наполеон посадил на испанский престол своего брата Жозефа (1808 г.), восстали против европейской системы великих держав.

Южноамериканским

Вашингтоном стал генерал Боливар. Испания была неспособна подавить этот бунт, и он вяло тянулся, подобно американской Войне за независимость.

Наконец в соответствии с духом Священного союза [\[52\]](#) Австрия предложила европейским монархам помочь Испании. Англия на это не согласилась, но более всего подействовало предостережение президента США Джеймса Монро (1823 г.), который заявил, что Америка будет считать враждебным актом любое распространение европейской системы на Западное полушарие. Так возникла доктрина Монро, провозгласившая, что новой

власти европейских держав на американском континенте не должно быть. Это позволило новым государствам Южной Америки идти собственным путем.

Утратив свои колонии, испанская монархия все-таки могла под покровительством европейских держав делать у себя дома все, что ей заблагорассудится. В 1823 г. французские войска усмирили народное восстание в Испании по мандату конгресса Священного союза; одновременно Австрия подавила революцию в Неаполе.

В 1824 г. умер Людовик XVIII, и его трон наследовал Карл X, который поставил своей целью уничтожить

свободу печати и университетов и
восстановить абсолютную
монархию. Был ассигнован миллиард
франков на компенсацию дворянам,
пострадавшим от поджогов замков и
конфискаций в 1789 г. Париж
поднялся против этого
олицетворения старого режима
(1830 г.), и Карла сменил Луи-
Филипп, сын казненного во время
террора герцога Орлеанского. Другие
континентальные монархии ввиду
открытого одобрения этой
революции со стороны Англии и
сильного либерального брожения в
Германии и Австрии от
вмешательства воздержались. В
конце концов, ведь Франция

продолжала быть монархией. Луи Филипп оставался на троне восемнадцать лет (1830—1848 гг.).

Таковы были зигзаги политики после Венского конгресса, спровоцированные монархической реакцией. Напряженность, возникшая из-за противоестественных границ, установленных конгрессом, нагнеталась значительно медленнее, но она несла в себе куда большую угрозу для мира в Европе. Крайне опасно смешивать под одним управлением народы с разным языком, разной литературой и разной идеологией, особенно если эти различия усугубляются

религиозными противоречиями. Лишь сильная необходимость в общности, как, например, защита от нападений извне у швейцарских горцев, оправдывает тесную связь разноязычных народов, исповедующих разную веру. Там, где подобно Македонии население в деревнях и округах напоминает лоскутное одеяло, настоятельно необходима система кантонов^[53]. Одного взгляда на политическую карту Европы, созданную Венским конгрессом, достаточно, чтобы возникло впечатление, что конгресс планировал как можно больше локальных конфликтов.

Совершенно бесцельно была

уничтожена Республика Нидерланды; протестантов голландцев соединили с франкоязычными католиками прежних Испанских (Австрийских) Нидерландов. Не только древняя Венецианская республика, но и весь север Италии, вплоть до Милана, попал под власть германоязычных австрийцев. Ради восстановления Сардинского Королевства франкоязычную Савойю объединили с частью Италии. К уже существовавшей взрывоопасной смеси немцев, венгров, чехов, южных славян, румын, а теперь и итальянцев, добавились подтвержденные конгрессом польские приобретения Австрии,

сделанные в 1772 и 1795 годах. Другая часть католиков поляков, проникнутых республиканским духом, была отдана под еще менее цивилизованную власть православного царя, а некоторые области Польши отошли к протестантской Пруссии. Признано было и завоевание Россией совершенно чуждых ей финнов. Под властью одного короля соединились весьма различные норвежцы и шведы. Германия, как увидит читатель, была оставлена в опасном состоянии беспорядочного смешения. Пруссия и Австрия частично находились в пределах Германской Конфедерации, а

частично за ее границами. Сама Конфедерация состояла из множества мелких государств, в нее входил даже датский король как владетель некоторых германоязычных территорий в Гольштейне, а кроме того, Люксембург, хотя его правитель стал одновременно королем Нидерландов и большинство его подданных говорили по-французски.

Как видим, полное безразличие к тому, что для народов, говорящих по-немецки и воспитанных на идеях немецкой литературы (как и для итальянцев со своим языком и литературой, и для поляков), гораздо лучше вести дела в пределах своего

языкового пространства при минимальных помехах от общения с другими народами. Недаром в одной популярной песне того времени говорилось: где слышна немецкая речь, там и Германское отечество.

В 1830 г. под влиянием Французской революции франкоязычные бельгийские провинции Нидерландов выступили за отделение от Голландии. Великие державы, испугавшись установления республики или аннексии этих провинций Францией, поспешили уладить конфликт и дали бельгийцам короля — Леопольда I, немецкого князя Саксен-Кобург-Готского. В том же 1830 г. произошли

незначительные восстания в Италии и Германии и куда более серьезное — в русской Польше. Повстанческое республиканское правительство держалось в Варшаве целый год, но было жестоко уничтожено императором Николаем I (наследовавшим Александру I в 1825 г.). Польский язык был запрещен^[54], а Православная церковь получила статус государственной вместо Римско-католической...

В 1821 г. греки восстали против турецкого ига и в течение шести лет вели отчаянную войну, но европейские правительства лишь наблюдали за их борьбой. Либеральное общественное мнение

протестовало против бездействия, к
восставшим со всех сторон стекались
добровольцы. Наконец Англия,
Франция и Россия предприняли
совместные действия. В сражении
при Наварине (1827 г.) французы и
англичане^[55] уничтожили турецкий
флот, а русский царь вторгся в
Турцию. По Адрианопольскому миру
(1829 г.) Греция была объявлена
свободной, однако ей не позволили
возродить древние республиканские
традиции. Для Греции нашли
немецкого короля, некоего
баварского принца Оттона, а в
Дунайские княжества (ныне
Румыния) и в Сербию были
назначены христианские

губернаторы. До полного изгнания турок из этих земель предстояло еще пролить немало крови.

XLIX. РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Пока на протяжении XVII, XVIII и начала XIX века в Европе происходили все эти конфликты между государями и между великими державами, «лоскутное одеяло» Вестфальского мира (1648 г.) калейдоскопически превращалось в «одеяло» Венского конгресса (1815 г.), а океанские парусники распространяли влияние европейцев по всему свету, — продолжалось неуклонное накопление знаний об

окружающем мире.

Это накопление никак не было связано с политической жизнью и почти не оказывало на нее влияния, как, впрочем, и на народное мировосприятие. Влияние новых знаний пришло позднее и в полной мере только во второй половине XIX века, тем более что сам процесс накопления знаний ограничивался небольшим кругом независимо мыслящих людей. Без такого, по английскому выражению, явления, как *private gentleman*^[56], наука не смогла бы ни возникнуть в Греции, ни возродиться в Европе. Хотя для развития научной и философской мысли этого периода университеты

сыграли свою роль, она была отнюдь не самой главной. При отсутствии общения с независимыми умами организованному обучению присущи робость мысли и консерватизм, отсутствие инициативы и неприятие новшеств.

Мы уже говорили об основании Королевского общества в 1662 г. и его деятельности по воплощению идей бэконовской «Новой Атлантиды». В XVIII веке значительно продвинулось понимание сущности материи и движения, успешно развивалась математика, появились микроскопы и телескопы и произошло возрождение анатомии. Геология, провозвестниками которой были

Аристотель и Леонардо да Винчи (1452—1519 гг.), начала свою работу по расшифровке летописи, запечатленной в камне.

Развитие физики повлияло на металлургию, что, в свою очередь, благодаря возможности обрабатывать массы металла и других материалов привело к множеству практических изобретений. Появившиеся в большом количестве новые машины совершили революционный переворот в промышленности.

В 1804 г. Тревитик приспособил машину Уатта для перевозок и построил первый локомотив. В 1825 г. была открыта первая железная дорога между Стоктоном и

Дарлингтоном, и «Ракета» Стефенсона с тринадцатитонным поездом достигла скорости сорок четыре мили в час. Начиная с 1830 г. железные дорога быстро разрастались и к середине столетия покрыли всю Европу.

Резко изменилось одно из постоянных условий человеческого существования — максимальная скорость передвижения на суше. После катастрофы в России Наполеон проехал из Вильно в Париж (около тысячи четырехсот миль) за триста двенадцать часов со средней скоростью пять миль в час. Обычный путешественник не одолел бы этот путь и за удвоенное время.

Такой же была максимальная скорость при езде между Римом и Галлией в I веке н. э. И вот произошла потрясающая перемена. Железная дорога сократила этот путь для обычного путешественника до сорока восьми часов и менее. Иначе говоря, расстояния в Европе уменьшились почти в десять раз, то есть стало возможным эффективно управлять десятикратно большими территориями, хотя значение этого фактора не осознано как следует до сих пор. Европа остается в границах, возникших в эпоху лошади, зато в Америке последствия не заставили себя ждать. Для экспансии Соединенных Штатов на запад это

означало непрерывную связь с Вашингтоном, как бы далеко ни отодвигалась граница в глубь континента. Возникало единство, при других условиях невозможное.

Паровые суда поначалу даже опережали сухопутный транспорт. В 1802 г. на канале Фирт-оф-Клайд уже плавала «Шарлотта», а в 1807 г. американец Фултон построил на Гудзоне у Нью-Йорка пароход «Клермон» с английскими паровыми машинами. Первый морской пароход «Феникс» тоже был американским и ходил между Нью-Йорком и Филадельфией. Американцы первыми переплыли Атлантический океан на паровом судне («Саванна»,

1819 г.). Но все это были колесные суда, не приспособленные для штормовой погоды, поскольку лопасти колес легко повреждались и оставляли судно беспомощным. Винтовые суда появились далеко не сразу, и лишь к середине XIX века морские пароходы превзошли по общему тоннажу парусный флот. Далее морской транспорт развивался быстрыми темпами. Впервые стало возможным более или менее точно знать продолжительность рейса. Ускорились трансатлантические плавания, которые прежде длились неделями, а то и месяцами. В 1910 г. быстроходные суда пересекали Атлантический океан менее чем за

пять дней, и их прибытие определялось с точностью до часа.

Одновременно с развитием парового транспорта, благодаря исследованиям Вольты, Гальвани и Фарадея в области электричества, возникли новые средства связи. В 1835 г. появился электрический телеграф, а в 1851 г. был проложен первый подводный кабель между Францией и Англией. Всего за несколько лет сеть телеграфов покрыла цивилизованный мир, и новости, которые раньше медленно передавались от одного места к другому, стали распространяться по всему свету практически одновременно.

Железные дороги и электрический телеграф для людей середины XIX века — самые поразительные и революционные изобретения, но они были всего лишь первыми плодами более глубокого процесса. Технические знания и умения расширялись и развивались гораздо быстрее, чем в предыдущие века. Не столь заметным в повседневной жизни, но в конечном счете гораздо более важным явилось развитие металлургии. До середины XVIII века железо добывалось из руды с использованием древесного угля и обрабатывалось посредствомковки небольших болванок. Этот материал был пригоден только для

ремесленников, его качество в значительной степени зависело от их опыта и мастерства. Получавшиеся небольшие массы железа не превосходили двух-трех тонн (именно этим определялся предел для калибра пушек). В XVIII веке появилась домна, усовершенствованная благодаря применению кокса. До XVIII века не знали катаного железа в виде листов, круглых болванок и полос (1783 г.). Паровой молот Несмита был изобретен лишь в 1838 г.

Древний мир не мог как следует использовать пар уже по причине слабого развития металлургии. Даже примитивную паровую машину

нельзя построить без листового железа. Первые машины кажутся нам жалкими и неуклюжими, но металлургия того времени не могла создать ничего более совершенного. Только в 1856 г. появился бессемеровский процесс, а еще позднее (1864) — мартеновская печь, где сталь выплавляли в неслыханных ранее количествах. Сегодня в электрической печи можно видеть тонны раскаленного железа, напоминающего кипящее молоко. Ничто из прежних практических достижений человечества не сравнится по своим последствиям с властью над огромными массами железа и стали и способностью

регулировать их качество и структуру. Железные дороги и паровые машины были лишь первыми триумфами металлургии, затем появились железные и стальные корабли, огромные мосты и новые способы строительства с широким применением стали.

До XIX века не существовало судов грузоподъемностью более 2000 тонн; в наше время никого не удивляет лайнер в 50 000 тонн. Некоторые люди с презрением относятся к прогрессу, породившему «гигантоманию», что свидетельствует только об их умственной ограниченности. Огромный стальной корабль — это

вовсе не увеличенная копия малых судов прошлого, а принципиально иное явление — он легче и прочнее, построен не на глазок по эмпирическим правилам, а на основе сложнейших вычислений. В старых домах и кораблях господствовал материал, которому все беспрекословно подчинялось. Отныне он покорен и подвластен воле человека. Извлеченную из-под земли руду плавят и прокатывают, чтобы в конце концов вознести блестящим тонким куполом в шестистах футах над городом!

Все эти подробности о металлургии железа мы привели в качестве иллюстрации. То же самое

относится к меди, олову и многим другим металлам, в том числе и таким неизвестным до XX века, как никель и алюминий. Блестящие победы технической революции связаны со все возрастающим использованием самых разнообразных материалов. Но все-таки мы пожинаем только первые плоды, нам еще предстоит применить на практике добытые знания, хотя многие приложения науки оказались неразумными, вульгарными и даже ужасными.

Одновременно с развитием механических возможностей возникла новая наука об электричестве, но только в 80-х годах

XIX века эта отрасль начала приносить плоды, способные поразить воображение простого человека. Как-то совершенно неожиданно появились электрический свет и электрическая тяга, возможность передачи *энергии* с последующим преобразованием в свет, тепло или механическое движение, для чего медную проволоку используют наподобие водопроводной трубы.

Сначала передовыми нациями в этом приумножении знаний были англичане и французы, однако наученные Наполеоном смирению немцы [\[57\]](#) показали такое рвение и упорство в научных исследованиях,

что превзошли их.

Английская наука создавалась главным образом вне традиционных центров образования и знаний. Университеты пребывали в состоянии застоя и оставались по большей части в руках педантичных приверженцев латинских и греческих классиков. Французское образование также всецело находилось под влиянием классической традиции иезуитских школ. Немцам нетрудно оказалось создать сообщество исследователей, пусть немногочисленное, но довольно значительное по сравнению с одиночками-изобретателями и экспериментаторами в Англии и

Франции. Научная работа делала эти страны богатыми и сильными, хотя самих ученых и изобретателей не обогащала. По своей природе настоящие ученые (люди не от мира сего) слишком заняты исследованиями, чтобы тратить время на извлечение из них денег, и, естественно, экономические выгоды достаются предпринимателям, которые видят в изобретателях средство для собственного обогащения.

Немцы оказались умнее. У германских ученых не было непримиримой ненависти к новой науке, а у бизнесменов и промышленников — характерного

для Англии презрения к людям науки. Они понимали, что знание, поддержанное деньгами, принесет богатый урожай, и потому создавали благоприятные возможности для научно-ориентированного ума; в Германии была выше доля государственного бюджета для научных исследований, и эти траты обильно вознаграждались. Во второй половине XIX века ни один ученый, желающий оставаться на переднем крае науки, не мог обойтись без знания немецкого языка. По сравнению с западными соседями в Германии особенно успешно развивалась химия. Научные исследования 1860-х—1870-х годов

стали приносить плоды уже после 1880-х. В техническом и промышленном развитии немцы неуклонно обгоняли Англию и Францию.

Новая фаза в истории открытий наступила в 80-х годах XIX века с изобретением двигателя, использующего взрывную силу горючей смеси вместо энергии расширения пара. Эту легкую и эффективную машину применили сначала в автомобилях, а после усовершенствований — для полетов, превратив их теоретическую возможность в практическое достижение. Летательный аппарат, хотя и не управляемый человеком,

был построен в 1897 г. профессором Смитсониевского института в Вашингтоне доктором Лэнгли. В 1909 г. появился аэроплан, пригодный для полета человека. Закончилась пауза в росте скоростей передвижения, наступившая после появления железных дорог и автомобилей. Летательные аппараты сократили расстояние практически между любыми точками земли. В XVIII веке для поездки из Лондона в Эдинбург требовалось восемь дней, а в 1918 г. Британский комитет гражданской авиации сообщил, что через несколько лет путешествие из Лондона в Мельбурн (вокруг половины планеты) займет те же

восемь дней. К 1944 г. стал возможен перелет вокруг света за один день.

Эти поразительные сокращения расстояний — лишь один из аспектов грандиозного расширения человеческих возможностей. В течение XIX века не меньших успехов достигли, например, агрономическая наука и агрохимия. Благодаря удобрениям урожаи по сравнению с XVII веком увеличились вчетверо-впятеро. Еще более впечатляющими были успехи медицины. Возросла средняя продолжительность жизни и ее качество.

В целом существование человека настолько изменилось, что

можно говорить о наступлении новой исторической эпохи. Менее чем за столетие произошла техническая революция, и человек достиг за это время большего, чем за весь долгий период между палеолитом и эрой земледелия или между фараоном Пепи и королем Георгом III.

Возникла гигантская материальная основа жизнедеятельности, которая потребовала глубокой перестройки в социальной, экономической и политической областях.

L. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Многие историки склонны смешивать то, что мы называем *технической революцией*, а именно: совершенно новое явление, возникшее на основе организованной науки, сравнимое с появлением земледелия или открытием металлов, — с совершенно другим феноменом, имевшим уже исторический прецедент, — социально-экономическим развитием, получившим название

промышленная революция. Оба процесса шли одновременно и постоянно взаимодействовали, но по своей сущности и происхождению они совершенно различны. Даже если бы не существовало ни угля, ни пара, ни созданных на их основе машин, все равно произошла бы некая промышленная революция, хотя в этом случае она, скорее всего, напоминала бы социально-экономическое развитие Римской республики в ее последние годы. Повторилась бы история разорившихся свободных земледельцев, принудительного труда, латифундий, огромных состояний и злокачественной

финансовой системы. Ведь даже фабричные методы появились в виде «разделения труда» до изобретения машин. Специально обученные работники делали коробки для шляп и мебель, раскрашивали карты и книжные иллюстрации и т. п. еще до того, как для промышленных нужд стали употреблять водяное колесо. Во времена Августа в Риме уже существовали фабрики. В книготорговых заведениях текст диктовали сразу нескольким писцам. Если внимательно читать Дефо и политические памфлеты Фильдинга, можно убедиться в том, что идеи коллективного труда бедняков на фабриках были распространены в

Англии уже в конце XVII века. На это есть указания и в «Утопии» Томаса Мора (1516 г.). Однако во всех этих случаях мы имеем чисто социальный, а не технический феномен.

Вплоть до середины XVIII века социально-экономическая история Западной Европы повторяет эволюцию Рима в последние три столетия до нашей эры. Однако политическая разобщенность Европы, ее конвульсии в борьбе с монархиями, бунтарский дух простого народа и, возможно, особая склонность европейского ума к техническим идеям и изобретениям обусловили совершенно иной путь

развития. В новом европейском мире широко распространились представления о человеческой солидарности, политическая власть была не так сконцентрирована, и потому стремившиеся разбогатеть предприимчивые люди охотнее обращались к применению механической силы, чем к рабскому и иному принудительному труду.

Техническая революция с ее изобретениями и открытиями была совершенно новым явлением в истории человечества. Она происходила независимо от вызываемых ею же социальных, политических и экономических последствий. Но промышленная

революция до сих пор продолжает видоизменяться под влиянием постоянных изменений условий человеческого существования, обусловленных революцией технической. Глубокое различие между Римской республикой и Европой XVIII и XIX веков при всем сходстве таких процессов, как разорение мелких землевладельцев и предпринимателей, заключается в принципиальном изменении труда, вызванном технической революцией. В Древнем мире использовали только энергию самого человека; в конце концов все зависело от мускульной силы невежественных и угнетенных людей — сила тягловых

животных, волов и лошадей была лишь дополнением. Там, где требовалось поднять груз, его поднимали люди; они же вместе с волами вспахивали поле; римским эквивалентом парохода была галера, где рядами сидели надрывавшиеся гребцы. В древнейших цивилизациях огромная масса людей была занята рутинной мускульной работой. Появление машин поначалу как будто не обещало избавления от отупляющего труда. Толпы людей рыли каналы, прокладывали железные дороги, возводили набережные и т. п. Колоссально возросло число шахтеров. Однако производство товаров резко

возросло, и в XIX веке логика нового развития стала очевидной. Машины как источник физической силы значительно превосходили людей, от человека же требовалось только применять умственные способности. Он стал не нужен как *рабочее животное*, на чем основывались все предыдущие цивилизации.

Это в равной мере относилось и к древним отраслям, например к сельскому хозяйству и горному делу, и к новейшим металлургическим процессам. Для пахоты, сева и уборки урожая появились быстродействующие машины, освобождавшие десятки людей. Римская цивилизация основывалась

на дешевом принудительном труде, современное общество заменило его дешевой механической энергией. С течением столетий энергия дешевела, а труд дорожал. Если машины на целое поколение и запоздали спуститься под землю, то лишь потому, что люди там были дешевле машин.

Итак, в истории человечества произошел первостепенной важности переворот. Некогда главная забота богачей и правителей заключалась в том, чтобы всегда иметь достаточный запас одушевленного рабочего скота. Но в XIX веке всем стало ясно, что простой человек может быть чем-то

большим, нежели тягловое животное. Хотя бы ради «эффективности производства» он должен иметь образование и понимать, что происходит в окружающем его мире. Начиная с раннего христианства в Европе затеплилось народное образование, и это же произошло в Азии с распространением ислама — верующие должны хоть немного понимать ту религию, что спасает их души, и читать для этого священные книги. Христианские диспуты привлекали последователей других религиозных учений, подготавливая тем самым почву для народного образования. В Англии, например, в 30-х и 40-х годах XIX века публичные

споры религиозных сект и необходимость привлечения в них новых верующих привели к появлению конкурирующих образовательных детских учреждений: церковных «национальных» школ, диссидентских «британских» школ и даже католических начальных школ. Во второй половине XIX века во всем западном мире быстро развивалось народное образование, но ничего похожего в образовании высших классов не наблюдалось. Колоссальная пропасть, разделявшая когда-то миры читателей и нечитателей, сузилась до едва заметной разницы в образовании. За

этим, независимо от социальных условий, стояла техническая революция, неумолимо требовавшая полного устранения неграмотности.

Экономическая революция в Римской республике не осознавалась простыми гражданами, которые не ощущали происходивших на протяжении их жизни перемен с такой же ясностью, с какой они понятны нам. Зато промышленная революция конца XIX века все более явственно *воспринималась* простыми людьми, которые могли читать, обсуждать, общаться и наблюдать происходящее, чего никогда раньше не было.

LI. РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕЙ

Установления, обычаи и политические идеи древних цивилизаций развивались очень медленно, веками, никто их не планировал и не предвидел. Только в великом VI веке до н. э., когда человечество покидало свое детское состояние, люди начали лучше понимать свои отношения друг с

другом и не только подвергать сомнению общепринятые понятия, законы и способы правления, но и осознавать необходимость перемен.

Мы рассказывали о замечательном интеллектуальном расцвете Греции и Александрии и о том, как распад рабовладельческих цивилизаций, тучи религиозной нетерпимости и абсолютизма затмили это многообещающее начало. Свет бесстрашной мысли по-настоящему пробился сквозь европейские сумерки только в XV—XVI столетиях. Отчасти мы пытались показать значение арабской мудрости и монгольских завоеваний для постепенного очищения

интеллектуального небосвода Европы. Сначала развивалось в основном материальное знание. Наука о человеческих отношениях, индивидуальная и социальная психология, экономические исследования не только сложны сами по себе, но и по своей природе неразрывно связаны с человеческими эмоциями. Прогресс в этих областях происходит медленно, с большим сопротивлением. Люди довольно спокойно относятся к воззрениям на природу звезд или молекул, но идеи о том, как нужно жить, затрагивают каждого из нас.

Подобно тому как в Греции смелые идеи Платона

предшествовали изысканиям Аристотеля, направленным на познание действительности, в Европе нового времени первые политические учения появились в виде утопий, как непосредственное подражание платоновским «Государству» и «Законам». «Утопия» сэра Томаса Мора, своеобразное переложение Платона, стала в Англии одним из источников при создании закона о бедных. Более фантастическим и непрактичным оказался «Город Солнца» неаполитанца Томмазо Кампанеллы.

К концу XVII века возникла обширная политическая литература. Среди ее зачинателей был Джон

Локк, отец которого, ученый из Оксфорда и убежденный республиканец, заинтересовал его химией и медициной. Трактаты Локка о правительстве, веротерпимости и образовании показывают нам ум, вполне открытый социальным реформам. Несколько позже француз Монтескье (1689—1755 гг.) подверг глубокому и всестороннему анализу социальные, политические и религиозные институты и лишил магического престижа абсолютную монархию. Как и Локк, он развенчал множество ложных идей, мешавших сознательным попыткам преобразования общества.

На проложенный им путь в следующие десятилетия вступило новое поколение. Группа блестящих писателей, «энциклопедисты» (в большинстве своем люди бунтарского духа, вышедшие из иезуитских школ), взялась за планирование нового мира (1766 г.). Бок о бок с ними были «физиократы», занимавшиеся экономическими исследованиями производства и распределения продуктов питания и других товаров. Аббат Морелли, автор «Кодекса Природы», разоблачал частную собственность и предлагал коммунистическую организацию общества. Он был предшественником тех многочисленных и

разнообразных мыслителей, которые стали называть себя социалистами.

Что такое социализм? Этому есть не менее сотни определений, а социалистических сект наберется с тысячу. В сущности социализм — это отрицание идеи собственности во имя общего блага. Вместе с интернационализмом социализм образует главную ось, вокруг которой вращается большая часть нашей политики.

Собственность возникает из агрессивных инстинктов человека; задолго до появления человека собственниками были обезьяны. Звери всегда готовы сражаться за свою собственность: собака — за

кость, тигрица — за логово. Что может быть бессмысленнее теорий некоторых социологов о «первобытном коммунизме»? Стадный человек раннего палеолита заявлял о своем праве на жен и дочерей, на орудия, на окружающий его мир и, если чужак забредал в пределы этого мира, старался его убить. Как доказал профессор Аткинсон в своей книге «Первобытный закон», племена развивались благодаря постепенно возникавшей терпимости старших к младшим и признанию захваченных ими жен, охотничьей добычи и орудий. Человеческое общество росло на компромиссе прав

собственников, компромиссе
инстинктов, вызванном
необходимостью прогнать чужое
племя за пределы своего мира. Если
холмы, леса и реки не были *твоей*
или *моей* землей, то лишь потому,
что они принадлежали *всем нам*.
Каждый предпочел бы иметь *свою*
землю, но из этого ничего не
получалось, потому что в этом
случае другие нас просто бы
уничтожили. С самого начала
общество устанавливало *компромисс*
собственников. Среди животных и
дикарей собственность проявлялась
гораздо резче, чем в современном,
цивилизованном мире. Она
укоренена не столько в нашем

разуме, сколько в инстинктах.

У природного дикаря и у отсталого современного человека никаких ограничений в сфере собственности нет. Добытое силой принадлежит победителю: женщина, пленник, пойманный зверь, лесная поляна — все что угодно. По мере развития общества возникали законы для ограничения кровавых междоусобиц, устанавливались простейшие способы разрешения споров.

Собственность принадлежала тому, кто первый сделал, первый захватил, первый заявил о своем праве. Стало вполне естественным, что несостоятельный должник переходит в собственность

заимодавца, равно как и то, что объявивший себя хозяином земельного участка мог требовать плату с тех, кто хотел его возделывать. Постепенно, по мере того как люди начинали понимать преимущества организованной жизни, им стали понятны неудобства такого рода неограниченной собственности. Уже при рождении люди попадали в мир, где все было давно поделено. Более того, они и сами оказывались чьей-то собственностью. Теперь трудно отыскать следы социальных конфликтов в первобытных цивилизациях, но из нашего рассказа о Римской республике можно видеть,

как возникла идея об антиобщественной сущности долгов и неограниченного землевладения. И наконец, великий революционер из Назарета радикально осудил собственность. По его словам, легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Небесное. Судя по всему, в последние двадцать пять-тридцать веков осуждение собственности в мире неуклонно возрастало. Через девятнадцать сотен лет после Иисуса мы видим, что христианский мир считает недопустимым владеть людьми. Пошатнулось убеждение и в том, что «человек может делать с принадлежащим ему все, что

пожелает».

Однако в конце XVIII века мир поставил перед собой большой вопросительный знак. Он так и не уяснил себе мотивов своих действий и хотел только одного: защитить свою собственность от корысти королей и высокородных авантюристов. Такова одна из главных причин Французской революции, которая вскоре вступила в конфликт с эгалитарной идеологией революционеров. Откуда возьмется свобода и равенство, если у большинства людей нет куска хлеба и клочка земли, на котором можно встать обеими ногами, а владельцы кормят их только в обмен на

непосильный труд? Эту загадку пытались разрешить первые социалисты — точнее, коммунисты, намеревавшиеся полностью «отменить» частную собственность. Единственным собственником может быть государство (демократическое, конечно).

Самые разные люди, стремившиеся к одним и тем же целям (свободе и всеобщему счастью), с одной стороны, абсолютизировали собственность, а с другой — собирались ее уничтожить. Только в XIX веке стало понятно, что собственность — чрезвычайно сложное явление. Огромное количество материальных

явлений (железные дороги, машины, механизмы, дома сады, яхты) приходится рассматривать в каждом случае по отдельности, чтобы определить, в каком случае они могут быть частной собственностью, а в каком — сдаваться в аренду ради интересов всего общества. Такого рода вопросы относятся к области политики, которая должна вырабатывать механизмы эффективного управления, при этом возникают проблемы, относящиеся к области социальной психологии. Критика собственности до сих пор остается скорее эмоциональным феноменом, чем наукой. На одном фланге находятся индивидуалисты,

готовые защищать и расширять права собственности, на другом — социалисты, стремящиеся обобществить владения и ограничить возможности собственников. Мы имеем полный набор градаций, от крайних индивидуалистов, с трудом соглашающихся платить налоги и как-то поддерживать правительство, до коммунистов, отрицающих *любую* форму собственности. Современный социалист — это человек, которого называют коллективистом: он готов признать частную собственность, но хочет оставить в руках высокоорганизованного государства образование, транспорт, шахты, землю, основные товары массового

производства и т. п. Сейчас как будто происходит постепенное сближение людей с разными взглядами в пользу планового социализма. Все более и более осознается, что непросвещенный человек — это неэффективный участник широкомасштабных предприятий и что каждый шаг при переходе от частного владения к государственному требует соответствующих образовательных программ и контроля со стороны общества. Пресса и политические структуры современного государства еще слишком грубы и неповоротливы для внедрения коллективистских программ.

В настоящее время противоречия между хозяевами и наемными работниками привели к широкому распространению очень жестокой и примитивной модели коммунизма, связанной с именем Маркса. Маркс основывал свои теории на том, что мышление человека определяется его материальными потребностями, что делает конфликт между работодателями и наемными работниками неизбежным. С развитием образования, вызванным потребностями промышленной революции, огромная масса людей обретает классовое сознание и сплочение в своем противостоянии

правлящему меньшинству. Маркс предсказывал, что рано или поздно рабочие, наделенные классовым сознанием, захватят власть и создадут социалистическое государство. Конечно, можно говорить о классовой борьбе, восстании и даже революции, но из всего этого еще не следует неизбежное появление нового социального государства, а разве что социально злокачественный процесс.

Маркс подменил противоборство наций классовой борьбой, и на основе его учения возникли Первый, Второй и Третий Интернационалы. Однако предпосылки современного

индивидуализма также могут порождать интернациональные идеи. Со времен великого английского экономиста Адама Смита и до сих пор растет понимание того, что для всеобщего процветания необходима свободная торговля. Враждебный государству индивидуалист не приемлет ни таможенных тарифов, ни границ, ни каких-либо других ограничений. Интересно, что два столь противоположных по духу и смыслу направления, как воинствующий классовый марксизм и философия индивидуализма, несмотря на фундаментальное различие между ними, требуют нового понимания проблем

человечества. Логика реальности побеждает логику теории. При всей противоположности своих начал индивидуализм и социализм пытаются отыскать универсальные социально-политические ценности, на основе которых возможна совместная деятельность людей. Этот поиск углублялся по мере того, как европейцы разочаровались в идеалах Священной Римской империи и объединенного христианского мира; этому же способствовало расширение их горизонтов от Средиземноморья к новым морям и континентам.

Становится все яснее, что тенденция человечества к

объединению влечет за собой необходимость единого управления. Наша планета уже превратилась в одно экономическое целое, и поэтому разработка природных ресурсов требует рациональной организации, тогда как современному разрозненному и пронизанному внутренними противоречиями администрированию присущи расточительность и угроза безопасности. Глобальные проблемы порождает и финансовая деятельность. То же самое относится к распространению заразных болезней и к миграции населения. Огромная мощь сделала войну

непомерно разрушительной и неэффективной даже в качестве грубого инструмента решения межнациональных споров. Все эти обстоятельства требуют всеобъемлющего и точного управления, на которое все прежние правительства оказались неспособны.

Из сказанного вовсе не следует, что решение проблемы сводится к созданию всемирного сверхгосударства путем завоевания или мирного слияния существующих. По аналогии с имеющимся опытом уже предлагалось создать Парламент человечества, Всемирный конгресс, должность президента или

императора земного шара. Полувековые дебаты и споры скомпрометировали эту идею, на пути к реализации которой возникает слишком большое сопротивление. Теперь мысль обратилась в сторону создания специальных комитетов и организаций, наделенных всемирными полномочиями в таких областях, как рациональное использование природных ресурсов, улучшение условий труда, поддержание мира, валюта, народонаселение, здравоохранение и т. п. Но прежде, чем будет достигнут подобный уровень интеграции и преодолена патриотическая

подозрительность, необходимо, чтобы умами простых людей овладела идея единого человечества, которую внедряли бы средства всеобщего образования.

Более тысячи лет дух великих мировых религий боролся за распространение идеи всеобщего братства, но племенная, религиозная и расовая вражда «довольно успешно» препятствуют распространению тех благородных побуждений, которые сделали бы каждого из нас другом всего человечества. Эта борьба продолжается, как это было в Европе, когда идея христианского мира пробивалась сквозь смуты VI и

VII веков н. э. Распространение подобных идей происходит благодаря деятельности многих рядовых бескорыстных миссионеров, но пока никто не может сказать, сколько уже сделано для будущего урожая.

Социально-экономические проблемы неразрывно связаны с проблемами международными. В каждом конкретном случае решение может быть найдено благодаря тому творческому духу, который оживляет сердца людей. Подозрительность и эгоизм наций отражают свойства, присущие как отдельному собственнику, так и отдельному работнику перед лицом всеобщего блага. Жажда частной собственности

проистекает из того же источника, что и ослепляющая алчность наций и императоров. Интернационализм — это социализм народов. Но мы способны создавать действенные миротворческие организации не более, чем люди 1820-х годов способны были построить электрическую железную дорогу. И все-таки мы уверены, что наша задача вполне реальна и, возможно, уже близка к разрешению.

Никто не может знать более того, что ему известно, и невозможно предсказать, сколько поколений еще не увидят великой зари всеобщего мира, на которую указывает вся история и которая изгонит прочь

мрак разорительного и
бессмысленного существования.
Предлагаемые нам решения слишком
грубы и неопределенны, но уже идет
великая работа интеллектуальной
перестройки. По мере того как наши
понятия прояснятся, они будут все
сильнее действовать на умы и
чувства людей. Их нынешнее слабое
влияние объясняется недостатком
достоверного знания и тем, что они
невразумительно преподносятся. В
случае отчетливости и
непротиворечивости новое видение
мира очень быстро приобретет силу
убеждения, после чего неизбежно
последует великая перестройка
образования, основанная на более

ясном понимании мира.

II. ЭКСПАНСИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Северная Америка оказалась той частью мира, где наглядно проявились поразительные результаты новых изобретений в области транспорта. Политически Соединенные Штаты воплотили в себе либеральные идеи середины XVIII века. Здесь упразднены государственная церковь, монархия и аристократические титулы. Ревниво охраняется собственность как институт подлинной свободы.

Каждый взрослый мужчина получил право голоса, хотя в разных штатах по-разному, а способ голосования остался несовершенным. Впрочем, довольно скоро политическая жизнь попала в зависимость от высокоорганизованных партийных механизмов, но это не помешало эмансипированному населению проявить энергию, предприимчивость и дух общности, которые далеко превзошли все то, что наблюдалось в других странах.

Затем произошел прорыв в скорости передвижения, о котором мы уже говорили. Как ни удивительно, Америка, более всех

других стран обязанная такому ускорению, в наименьшей степени его осознала. Соединенные Штаты восприняли железные дороги, речные пароходы и телеграфы так, как будто все они были естественной частью их развития. Действительно, все они появились как раз вовремя, чтобы спасти единство Америки. Современные Соединенные Штаты были созданы прежде всего речными пароходами, а во вторую очередь — железными дорогами. Без них огромная континентальная нация просто не смогла бы возникнуть. Поток переселенцев, направлявшийся на запад, двигался бы неизмеримо медленнее и,

возможно, так никогда и не преодолел бы обширные центральные равнины. Двести лет потребовалось для того, чтобы возникло оседлое население на берегах Миссури, то есть менее чем на полпути от океана до океана, зато остальное расстояние до Тихого океана было преодолено за несколько десятилетий.

Будь в нашем распоряжении средства кинематографа, мы могли бы показать, как год за годом, начиная с 1600-го, менялась Северная Америка Пусть маленькие точки означают сто человек каждая, а звездочки — города со сотысячным населением.

Мы увидели бы происходившее в течение двухсот лет пунктирное движение вдоль береговых районов и по судоходным водам, которое очень медленно распространялось до Индианы, Кентукки и далее. Около 1810 г. произошли перемены, и жизнь вдоль рек значительно оживилась. Точки на нашей воображаемой карте задвигались быстрее и стали занимать все больше пространства, что свидетельствует о появлении парохода. Перемещаясь от больших рек, некоторые точки достигли уже Канзаса и Небраски.

Приблизительно с 1830 г. появляются черные линии железных дорог, и теперь маленькие черные

точки не ползут, а буквально мчатся вперед. Возникают первые звездочки, обозначающие стотысячные города: одна, две, потом все больше и больше, словно узлы, завязанные на железнодорожной сети.

Рост Соединенных Штатов не имеет прецедентов в мировой истории — это нечто совершенно новое. Подобное сообщество и не могло появиться раньше, но даже если бы это случилось, оно, лишенное железных дорог, очень быстро распалось бы: без телеграфа управлять Калифорнией из Пекина было бы гораздо легче, чем из Вашингтона. Народонаселение

Соединенных Штатов не только тысячекратно возросло, оно сохранило свою однородность, а то и стало еще более однородным. Современный житель Сан-Франциско больше похож на нью-йоркца, чем обитатель Вирджинии сто лет тому назад на гражданина Новой Англии. Процесс ассимиляции продолжается. Благодаря железным дорогам и телеграфу Соединенные Штаты становятся огромным сообществом людей, говорящих, думающих и действующих в полной гармонии с самими собой и друг с другом.

Мы наблюдаем совершенно новое в истории явление, для

обозначения которого нужно какое-то новое слово. Соединенные Штаты — это вам не Франция и не Голландия. Они похожи друг на друга не более, чем автомобиль и карета — порождения совершенно разных эпох и разных условий; они существуют в разном ритме и совершенно по-разному. По своим масштабам и возможностям Соединенные Штаты находятся где-то посередине между европейской страной и Всемирным Объединением государств.

Но на пути к нынешнему величию американскому народу пришлось пережить период жесточайшего конфликта. Речной пароход, железные дороги, телеграф

и все связанные с ними удобства все-таки несколько запоздали и не смогли предотвратить углублявшиеся противоречия идей и интересов между северными и южными штатами, в одних из которых жили свободные люди, а в других процветало рабовладение. Поначалу ни железные дороги, ни пароходы не влияли на существующий конфликт, но постепенное уравнивание условий, благодаря совершенствованию средств передвижения, все больше обостряло дилемму — возобладает дух Юга или победит Север? Возможность компромисса практически отсутствовала Север был свободен и

индивидуалистичен, Юг основывался на крупных поместьях, в которых семейные кланы правили невежественной массой.

Каждая новая территория, которая по мере передвижения переселенцев на запад становилась штатом, каждое нововведение в быстроразвивающейся американской системе порождали столкновение двух идеологий: будет ли новый штат сообществом свободных людей или в нем возобладает рабство? Начиная с 1833 г. американское антирабовладельческое общество не только боролось с распространением рабства, но и призывало страну к его полной отмене. Спор перерос в

открытый конфликт при вступлении в Союз Техаса, который сначала был частью Мексики, но подвергся широкой американской колонизации со стороны рабовладельческих штатов. Техас отделился от Мексики, в 1835 г. провозгласил независимость, а в 1844-м присоединился к Соединенным Штатам. По мексиканским законам рабство в Техасе было запрещено, но Юг требовал установления рабовладения и этого добился.

Тем временем благодаря развитию океанского мореплавания поток эмигрантов из Европы продолжал возрастать, и они переполняли северные штаты.

Возникновение на фермерских землях Айовы, Висконсина, Миссисипи и Орегона дало антирабовладельческому Северу преобладание в сенате и палате представителей. На хлопковом Юге, где опасались нараставшей угрозы со стороны аболиционистов и их влияния в конгрессе, начали поговаривать об отделении от Союза и строили планы аннексий на юге, в Мексике и Вест-Индии и мечтали о независимом рабовладельческом государстве, простирающемся вплоть до Панамы.

В 1860 г. президентом стал Авраам Линкольн, противник распространения рабства, что

побудило южан расколоть союз. Южная Каролина провозгласила «Ордонанс об отделении» и стала готовиться к войне. Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас присоединились к ней. На съезде в Монтгомери (Алабама) Джефферсон Дэвис был избран президентом Конфедеративных Штатов Америки, была принята конституция, законодательно закреплявшая «институт негритянского рабовладения».

Авраам Линкольн оказался человеком новой формации, сложившейся после Войны за независимость. В молодые годы его,

как щепку, подхватил поток, катившийся на запад. Он родился в Кентукки (1809 г.), еще мальчиком попал в Индиану, а потом в Иллинойс. Жизнь в индианской лесной глуши была сурова и полна лишений; Линкольн получил случайное и недостаточное образование, но мать с ранних лет приучила его к чтению, и он стал поглощать книги. К семнадцати годам это был высокий, атлетически сложенный юноша, прекрасный борец и бегун. Сначала он служил клерком в магазине, потом стал компаньоном лавочника и наделал долгов, с которыми не мог расплатиться целых пятнадцать лет.

В двадцать пять лет его избрали в палату представителей штата Иллинойс, где особенно остро стояла проблема рабства, потому что лидером рабовладельцев был выдающийся сенатор Дуглас, человек больших способностей и престижа. Линкольн долгие годы боролся с ним в речах и памфлетах, постепенно одолевая своего противника. Кульминацией стала президентская кампания 1860 г.; когда 4 марта следующего года Линкольн торжественно вступил в должность, южные штаты открыто вышли из-под федеральной власти Вашингтона и начали военные действия.

В Гражданской войне

участвовали наспех созданные армии, постепенно возраставшие от десятков до сотен тысяч человек, пока наконец федеральные силы не достигли миллиона человек. Война велась на огромной территории между Нью-Мексико и морским побережьем, и главными ее целями были Вашингтон и Ричмонд. Мы не имеем возможности описать эту эпическую борьбу, бушевавшую на холмах и в лесах Теннесси и Вирджинии и на берегах Миссисипи. Стороны обменивались сокрушительными ударами; надежды сменялись унынием и снова возрождались. Конфедераты едва не захватили Вашингтон, но удача от

них отвернулась, и федеральная армия подступила к Ричмонду. Слабейшими по численности и ресурсам конфедератами командовал талантливый генерал Ли, значительно превосходивший военачальников Союза. У северян несколько раз менялись генералы, пока наконец под предводительством Шермана и Гранта обескровленный Юг не был окончательно побежден. В октябре 1864 г. армия Шермана прорвала левый фланг конфедератов и прошла из Теннесси через Джорджию до побережья, а затем повернула к Южной Каролине, зайдя южанам в тыл. Пока Грант удерживал Ли у Ричмонда, Шерман

подошел с юга. 9 апреля 1865 г. генерал Ли капитулировал в Аппоматтоксе, а через месяц сложили оружие все остальные армии. Конфедерация прекратила свое существование.

Четырехлетняя война сопровождалась огромным физическим и нравственным напряжением всего народа Америки. Многим был дорог принцип автономии штатов, а Север, по всем признакам, намеревался принудительно отменить рабство на Юге. В приграничных штатах не только братья, но даже отцы и сыновья оказывались по разные стороны конфликта и воевали в

противоборствующих армиях. Северяне сражались за праведное дело, однако многим эта праведность представлялась не столь уж очевидной. Сам Линкольн не испытывал, впрочем, сомнений: ясный ум среди общего замешательства и постоянных смут. Он твердо стоял за Союз и за мир во всей Америке. Будучи противником рабства, Линкольн считал его второстепенной проблемой, а главной — единство Соединенных Штатов.

Когда в начале войны Конгресс и федеральные генералы стали освобождать рабов, Линкольн выступил против этой инициативы и

охладил их энтузиазм. Он был сторонником постепенного освобождения с компенсацией. Только к январю 1865 г. ситуация созрела настолько, что Конгресс мог предложить конституционную поправку об отмене рабства, но война закончилась раньше, чем эта поправка была ратифицирована всеми штатами.

По мере того как война затягивалась, накал страстей охлаждался: возникла не только усталость от войны, но и отвращение к ней. Президента окружали пораженцы, предатели, генералы в отставке и уклончивые политиканы; его поддерживали сомневающиеся и

утомленные люди; на фронте он видел деморализованных солдат и бездарных командиров. Утешить его могло разве то, что Джефферсон Дэвис в Ричмонде пребывал не в лучшем положении. Недружественное британское правительство позволило агентам конфедератов в Англии построить три быстроходных капера^[58], из которых особую известность получила «Алабама», почти очистившая моря от кораблей Соединенных Штатов. Французская армия в Мексике втаптывала в грязь доктрину Монро^[59]. Из Ричмонда поступали предложения остановить войну, отложить решение конфликта

на будущее и сообща выступить против французов в Мексике. Но Линкольн и слышать ничего не хотел до тех пор, пока не будет признано верховенство Союза, чтобы американцы действовали не как два народа, а как один.

Линкольн удерживал единство Соединенных Штатов в течение долгих изнурительных месяцев неудач и неумелых действий; в черные дни раскола и малодушия он не отступал от поставленной цели. Случалось, уже ничего нельзя было сделать, и Линкольн, неподвижный, молчаливый, сидел в Белом доме как воплощение нестигаемой решимости. Но бывали и часы

передышки, когда он шутил и рассказывал неприличные анекдоты.

Ему довелось увидеть победу Союза; он въехал в Ричмонд через день после сдачи города и принял капитуляцию генерала Ли. Линкольн возвратился в Вашингтон и 11 апреля выступил со своей последней речью, в которой говорил о национальном примирении и восстановлении законной власти в побежденных штатах. Вечером 14 апреля он поехал в театр «Форде», где во время представления получил пулю в затылок и мгновенно умер. Убийцей оказался актер Бут, которому удалось незаметно пробраться в президентскую ложу. Но дело

Линкольна победило — Союз был спасен.

В начале войны железной дороги к Тихому океану еще не было; после нее стальные пути спаяли огромную территорию Соединенных Штатов в единое целое, создав величайшее и нерасторжимое интеллектуальное и материальное сообщество на земле, которое уступит свое первенство разве что тогда, когда народы Китая научатся читать.

ЛШ. НАЧАЛО ГЕРМАНСКОГО ПРЕОБЛАДАНИЯ В ЕВРОПЕ

Как уже говорилось, после потрясений Французской революции и наполеоновских авантур Европа на некоторое время возвратилась к неустойчивому миру и к тому слегка обновленному политическому положению, которое существовало полвека назад. В середине XIX столетия новые способы производства стали, развитие

железных дорог и пароводного мореплавания еще не имели сколько-нибудь заметных политических последствий. Вместе с тем нарастало социальное напряжение, вызванное индустриализацией городов. Особенно нестабильной оставалась Франция. За революцией 1830 года последовала вторая — 1848 года. Затем племянник Наполеона Бонапарта стал сначала президентом, а в 1852 г. императором Наполеоном III.

Он занялся перестройкой Парижа и превратил его из живописного, но грязного города XVII века в италиянизированную мраморную столицу. Он стремился и

Францию перестроить в современную империю с блестящим фасадом. Наполеон хотел возродить то соперничество великих держав, которое в Европе XVII и XVIII столетий порождало почти непрерывные и совершенно бесполезные войны. Русский царь Николай I (1825—1856 гг.) также становился все агрессивнее, усиливал давление на юг, к границам Турецкой империи, и подумывал о захвате Константинополя.

Во второй половине XIX века Европа вступила в новый цикл войн, отчасти за удержание «баланса сил», отчасти за первенство на континенте. В Крымской войне

Англия, Франция и Сардиния защищали Турцию от посягательств России. Пруссия и Австрия (в союзе с Италией) боролись друг с другом за германскую гегемонию, но Франции удалось освободить от австрийского гнета Северную Италию, постепенно объединившуюся в королевство, хотя и с утратой (в пользу Наполеона) Савойи.

Воспользовавшись Гражданской войной Североамериканских штатов, французский диктатор ввязался в неудачную мексиканскую авантюру, посадив там на трон Максимилиана^[60], но тут же бросил его на произвол судьбы, и новоявленный император был

расстрелян федералами.

В 1870 г. разразилась давно назревавшая война между Францией и Пруссией за господство в Европе. Пруссия предвидела ее и к ней готовилась, Франция же погрязла в финансовой коррупции. Разгром был драматически молниеносным. Немецкое наступление началось в августе, а уже через месяц большая французская армия под командованием самого императора капитулировала в Седане, в октябре сдалась вторая. В январе 1871 г. после осады и бомбардировки Париж был взят. По Франкфуртскому миру Германия получила Эльзас и Лотарингию. Она стала единой

империей (без Австрии), и прусский король уже в качестве германского императора присоединился к созвездию цезарей Европы.

В течение следующих сорока трех лет Германия оставалась сильнейшей державой на континенте. В 1877—1878 гг. вспыхнула Русско-турецкая война, но затем, не считая конфликтов на Балканах, в Европе тридцать лет сохранялся неустойчивый мир.

LIV. НОВЫЕ ЗАМОРСКИЕ ИМПЕРИИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ И ПАРОХОДОВ

Конец XVIII века был периодом
распадающихся империй и
разочарованных экспансионистов.
Длительность и тяготы поездки из
Британии или Испании в их
американские владения
препятствовали свободному

перемещению людей, и потому в колониях стали возникать обособленные сообщества со своими понятиями, интересами и даже диалектами. Развиваясь и возрастая, они все сильнее натягивали слабую и ненадежную цепь судоходства, связывающую их с метрополиями. Конечно, отдельные торговые пункты в заброшенной глуши, подобно французским поселениям в Канаде, или фактории в больших городах, как у англичан в Индии, цеплялись за метрополию, которая не только помогала им, но и была единственным источником существования. Многим мыслителям начала XIX века казалось, что предел

покорения заморских земель достигнут. К 1820 г. схематические границы великих европейских «империй» на чужих континентах, смело нанесенные на карты в середине XVIII столетия, сжались до мизерных размеров. Одна только Россия по-прежнему расползалась в глубь Азии.

В 1815 г. в Британскую империю входили: едва населенная речная и озерная территория в Канаде среди огромного необитаемого материка, где единственные поселения принадлежали мехоторговцам Гудзоновской компании; около трети полуострова Индостан, управлявшегося Ост-Индской

компанией; прибрежные районы мыса Доброй Надежды, обитаемые неграми и воинственными голландскими поселенцами; несколько торговых факторий на западном берегу Африки; Гибралтарская скала; острова Мальта и Ямайка, незначительные рабовладельческие территории в Вест-Индии и Британская Гвиана; два отстойника для преступников: Ботани-Бэй в Австралии и Тасмания. Испания сохраняла Кубу и несколько поселений на Филиппинских островах. За Португалией удерживались остатки ее прежних владений в Африке. Голландия имела несколько островов и владений в

Ост-Индии и Голландской Гвиане; датчане — остров в Вест-Индии; там же Франции принадлежали один-два острова и Французская Гвиана. Европейским странам все это казалось вполне достаточным. Только у Ост-Индской компании сохранился еще дух экспансии.

Пока в Европе бушевали наполеоновские войны, эта компания через посредство своих генерал-губернаторов играла в Индии почти такую же роль, которая прежде принадлежала вторгавшимся с севера тюркским завоевателям. Так продолжалось и после Венского конгресса: выкачивание доходов, ведение войн, отправка послов к

азиатским правителям — почти государственная деятельность с отчетливой тенденцией перемещать нажитые богатства на Запад.

Здесь нет возможности подробно рассказать о том, как британская компания достигла главенствующего положения, становясь союзником то одного, то другого государства, в результате чего сумела их все завоевать. Ее власть распространялась на Ассам, Синд и Агру^[61]. Карта Индии начала принимать очертания, знакомые теперь каждому школьнику: «лоскутное одеяло» из туземных владений, входящих в большие провинции, которыми управляла

Британия...

В 1859 г. после грозного бунта индийских войск империя Ост-Индской компании была аннексирована британской короной. Согласно «Акту об улучшении правления в Индии», генерал-губернатор стал вице-королем, представителем монарха, а государственный секретарь по делам Индии — ответственным перед Парламентом. В 1877 г. в завершение этих преобразований королева Виктория по инициативе лорда Биконсфильда была провозглашена императрицей Индии.

Столь необычными узами Индия и Британия связаны по сей день [\[62\]](#).

Индия — это автократия без самодержца, ее правление соединяет в себе недостатки абсолютизма и безответственность демократической бюрократии. У индийца нет реального монарха, к которому он мог бы обратиться свои жалобы; его император — всего лишь позолоченный символ. Чем больше парламент занят собственно английскими делами, тем меньше внимания он уделяет Индии и тем сильнее она зависит от кучки высших чиновников.

Не считая Индии, расширения других европейских империй не происходило вплоть до распространения железных дорог и

пароходов. Некоторые влиятельные политики в Англии даже считали заморские владения источником слабости. Австралия медленно развивалась до 1842 г., когда были открыты ценные залежи меди, а в 1851 г. — золота, что сразу повысило значение этого континента. Усовершенствование перевозок сделало австралийскую шерсть конкурентным товаром на европейском рынке. Канада тоже не заявляла о себе ничем особенным до 1849 г., кроме, пожалуй, конфликтов между франко- и англоязычными жителями, что выливалось порой в серьезные беспорядки. Только в 1867 г., благодаря новой

конституции, создавшей
Федеральный доминион Канада, эту
внутреннюю напряженность удалось
погасить. Железные дороги
изменили ее лицо; как и в
Соединенных Штатах, они
способствовали экспансии на запад,
экспорту зерна и других товаров в
Европу. Несмотря на быстрый рост,
Канада по языку, национальному
характеру и общим интересам
осталась единой. Железные дороги,
телеграфы и пароходы повсюду
меняли условия колониального
развития.

До образования в 1839 г.
Новозеландской земельной
компании английские поселенцы

почти не появлялись на этом острове, но уже в следующем, 1840 г. Новая Зеландия была присоединена к Британской империи.

Как мы уже говорили, Канада первой из британских владений широко воспользовалась экономическими возможностями, возникшими благодаря новым достижениям в области транспорта. Почувствовали близость европейского рынка и торговцы скотом, и продавцы кофе в южно-американских республиках, особенно в Аргентине. Прежде европейцы стремились в незаселенные и варварские земли за золотом, пряностями, слоновой

костью и рабами. В последнюю четверть XIX века рост европейского населения вынуждал правительства отыскивать источники продовольствия за пределами континента; развитие техники требовало нового сырья — всевозможных жиров и масел, каучука и т. п. Великобритания, Голландия и Португалия получали огромные коммерческие выгоды благодаря вывозимым из тропических владений продуктам. После 1871 г. Германия, а затем Франция и Италия заинтересовались еще незанятыми областями, богатыми сырьевыми запасами.

Во всем мире, за исключением

американского континента, на который путь политическим авантюрам преградила доктрина Монро, началась новая схватка.

Ближе всего к Европе находилась Африка — в середине XIX века таинственный континент, известный лишь по Египту и побережью Средиземного моря. У нас нет возможности рассказать здесь удивительную историю исследователей и первопроходцев, которые приоткрыли скрывавшую Африку завесу и о последовавших за ними политических агентах, администраторах, торговцах, переселенцах и ученых. Миру открылись невиданные народы,

такие как пигмеи; дикий животные; удивительные цветы, плоды и насекомые; ужасные болезни; поражающие воображение леса и горы; громадные озера; гигантские реки и водопады. Это был еще один Новый Свет. В Зимбабве обнаружили остатки древней цивилизации, возможно, переселившегося на юг и впоследствии исчезнувшего народа. Пришедшие в этот Новый Свет европейцы обнаружили там арабов-работорговцев, вооруженных огнестрельным оружием, и хаос среди негритянских племен.

Но уже через пол столетия, в 1900 г., Африка была нанесена на

карту, исследована и поделена между европейскими державами. В этой гонке никто не заботился о местных жителях. Арабские работоторговцы попали в подчинение, но жажда каучука, который добывали в Бельгийском Конго, столкновения европейских колонизаторов с местным населением — все это приводило к ужасающим зверствам. Ни одна европейская страна не сохранила там чистые руки.

У нас нет возможности рассказать о том, как Великобритания завладела в 1868 г. Египтом и не покидала его, хотя формально Египет оставался частью Османской империи. Краткость

повествования не позволяет остановиться на едва не вспыхнувшей войне между Францией и Англией, когда полковник Маршан, пройдя с западного побережья через Центральную Африку, пытался захватить район Верхнею Нила возле Фашоды.

Не расскажем мы и о том, как английское правительство согласилось сначала на создание голландскими поселенцами на Оранжевой реке и в Трансваале независимых республик, а потом передумало и в 1877 г. аннексировало Трансваальскую республику, и о том, как буры^[63] воевали за свободу и победили в сражении при Маджуба-

Хилл (1881 г.), оставшемся в памяти англичан из-за назойливой кампании в прессе. В 1893 г. началась война с обеими республиками, продолжавшаяся три года. Буры были покорены, что стоило Англии огромных расходов, но недолго пребывали под чужой властью. В 1907 г. после падения покорившего их правительства проблемой Южной Африки занялись либералы, и обе бывшие республики вновь стали свободными, вступив вместе с Капской колонией и Наталем в Конфедерацию государств юга Африки — самоуправляющуюся республику под протекторатом британской короны.

Раздел Африки завершился в течение четверти столетия. Незахваченными остались всего три страны: Либерия на западном берегу, где жили освобожденные черные рабы; Марокко, под властью мусульманского султана; Абиссиния, страна с древней и своеобразной формой христианства, в 1896 г. успешно защитившая свою независимость от Италии в сражении при Адуа.

LV. ЕВРОПЕЙСКАЯ АГРЕССИЯ В АЗИИ И ВОЗВЫШЕНИЕ ЯПОНИИ

Трудно поверить в то, что пестрая карта Африки сохранится надолго, но историк вынужден признать, что именно так и случилось. В XIX веке европейцы не могли похвастаться глубоким проникновением в историю и считали свое чисто временное преимущество в технике гарантией постоянного и безусловного

лидерства во всем мире. Им и в голову не приходило подумать о том, что науки распространяются, не признавая границ. Они не могли себе представить, что китайцы и индусы окажутся способны к исследованиям ничуть не хуже англичан и французов, и самоуверенно полагали, будто Запад наделен какими-то особыми интеллектуальными способностями, а Востоку присущ застой и лень ума, что и обеспечит европейцам вечное превосходство.

Следствием этого самообольщения явилось то, что многие европейские государства ввязывались в соперничество с англичанами на неосвоенных землях

по всему миру, да еще и стали резать на куски цивилизованные азиатские страны. Внешний блеск имперского правления в Индии, обширные и чрезвычайно доходные владения голландцев в Ост-Индии подталкивали соперничающие великие державы в сторону Персии, распадающейся Османской империи, к далеким Индии, Китаю и Японии.

В 1897 г. Германия завладела Цзяочжоу в Китае, на что Англия ответила захватом Вэйхайвэя, а через год русские стали хозяевами Порт-Артура. По всему Китаю прокатилась волна ненависти к европейцам, сопровождавшаяся убийствами, в том числе крещеных китайцев. В 1900 г.

европейские посольства в Пекине подверглись настоящей осаде. Карательная экспедиция объединившихся западных стран спасла дипломатов, разграбив при этом огромное количество ценностей. Вскоре русские захватили Маньчжурию, а англичане вторглись в Тибет (1904 г.)...

Однако в борьбе великих держав появилась новая сила — Япония, роль которой в международных делах до сих пор была ничтожной. Эта уединенная цивилизация почти не влияла на судьбы человечества. Японцы принадлежат к монгольской расе, их цивилизация, письменность, литературные и художественные

традиции заимствованы у китайцев. У японцев интересная и романтическая история. В первые века новой эры в Японии возникла феодальная система с присущими ей рыцарскими обычаями; нападения японцев на Корею и Китай напоминают войны англичан во Франции^[64]. Первые контакты японцев с европейцами произошли в XVI веке, когда несколько португальцев попали в Японию на китайской джонке (1542 г.), а в 1549 г. там уже проповедовал иезуитский миссионер Франциск Ксавье. Какое-то время японцы поощряли связи с европейцами, и христианские проповедники

обратили многих в свою веру. Уильям Адамс научил японцев строить корабли, на которых они совершили плавания в Индию и Перу. Затем произошли запутанные споры между испанскими доминиканцами, португальскими иезуитами и английскими и голландскими протестантами; все они доносили японцам о политических интригах своих соперников. Имевшие наибольшее влияние иезуиты ожесточенно преследовали буддистов. В конце концов японцы решили, что католическое христианство — это какая-то клоака папских вожделений и амбиций испанцев, которые и без того уже

завладели Филиппинскими островами. Начались жестокие преследования христиан, а в 1638 г. Япония была полностью закрыта для европейцев. Более двухсот лет страна была отрезана от остального мира, как если бы она находилась на другой планете. Корабли разрешалось строить только для прибрежного плавания. Ни один японец не мог выехать за границу, ни один европеец не имел права ступить на японскую землю.

Два века Япония оставалась вне потока мировой истории в состоянии романтического феодализма, при котором пять процентов населения (самураи и аристократы)

тиранически правили всеми
остальными. Тем временем большой
мир вокруг продолжал усиливаться и
расширять свои горизонты.
Неизвестные суда появлялись у
берегов Японии, время от времени
после кораблекрушений туда
попадали иностранные моряки.
Через поселение голландцев на
острове Десима (единственное
звено, связывающее страну с
внешним миром) стали поступать
сообщения об отставании Японии от
западных держав. В 1837 г. в бухту
Иеддо^[65] вошел корабль со звездно-
полосатым флагом, который привез
подобранных в Тихом океане
японских моряков, но его отогнали

пушечными выстрелами. Этот флаг стал появляться и на других судах. Одно из них пришло с требованием вернуть восемнадцать американских матросов, потерпевших кораблекрушение. В 1853 г. приплыли четыре американских военных корабля commodora Перри и бросили якорь в запретных водах. Они доставили послание к двум тогдашним правителям Японии. В 1854 г. Перри прибыл с десятью кораблями, с большими пушками, и сделал предложение о торговле, от которого японцы уже не смогли отказаться. Перри высадился для подписания договора с охраной в пятьсот человек. На улицах толпы

людей глазели на посланцев из другого мира.

Следом за Америкой шли Россия, Голландия и Англия. Одному японскому вельможе, чьи владения находились над проливом Симоносеки, вздумалось обстрелять иностранные суда, после чего эскадра английских, французских, голландских и американских кораблей разгромила его батареи и, встав на якорь неподалеку от Киото [\[66\]](#), вынудила Японию ратифицировать договоры, открывшие ее для внешнего мира (1865 г.).

Японцы остро почувствовали перенесенное унижение и с

невероятной энергией и талантом
принялись за подъем своей культуры
и всей страны на уровень Европы. Ни
один народ в истории человечества
не делал такого рывка, какой сделала
Япония. В 1866 г. она была
средневековой страной,
представлявшей собой
фантастическую пародию на
романтический феодализм, в 1899 г.
ее населял народ, перенявший
западную культуру и догнавший в
своем развитии передовые
европейские державы. Япония
полностью рассеяла предрассудок,
согласно которому Азии всегда
суждено оставаться позади Европы.

Мы не будем описывать

подробности войны Японии с Китаем в 1894—1895 гг., которая продемонстрировала, сколь глубоко она восприняла европейское влияние. У Японии была боеспособная армия западного образца и небольшой, но сильный флот. Хотя Англия и Соединенные Штаты уже относились к Японии как к европейскому государству, это не было понято другими державами, искавшими в Азии новых индий. Россия рвалась через Маньчжурию к Корее, Франция утвердилась в Тонкине и Аннаме^[67], Германия жадно высматривала места для завоеваний. Три великие державы объединились, чтобы не дать

японцам воспользоваться плодами своей победы над Китаем. Европа угрожала истощенной войной Японии новым конфликтом.

Япония на время уступила, но вскоре собралась с силами и уже через десять лет готова была сразиться с Россией, что означало новую эпоху в истории Азии и конец европейского самодовольства. Конечно, русский народ и не подозревал, какие беды готовятся для него на другой стороне земного шара. Самые мудрые из русских государственных деятелей выступали против безумной экспансии, но царя окружала шайка финансовых авантюристов, среди которых были и

великие князья. Они глубоко увязли в грязной игре, связанной с ограблением Маньчжурии и Китая, и уже не могли отказаться от нее. Как следствие, началась переброска целых японских армий в Корею и к Порт-Артуру, а по сибирскому пути — железнодорожных составов с русскими солдатами, обреченными на смерть вдали от родины.

Бездарные генералы и воры-интенданты привели русских к тяжелым поражениям на суше и на море. Балтийский флот обогнул Африку только для того, чтобы погибнуть в Цусимском проливе. Революционное движение народа, возмущенного далекой и

бессмысленной бойней, вынудило царя окончить войну (1905 г.); он вернул японцам южную часть Сахалина, захваченную русскими в 1875 г., ушел из Маньчжурии и отказался от сферы влияния на Корейском полуострове в пользу Японии. Европейское вторжение в Азию подходило к концу, его щупальца начали мало-помалу отползать назад.

LVI. БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В 1914 ГОДУ

Коротко остановимся на пестром конгломерате Британской империи в 1914 г., связанном воедино железными дорогами и паровым судоходством, — уникальном политическом явлении, подобного которому еще не существовало.

Первым и центральным в этой системе было «коронное сообщество» Соединенного Королевства Великобритании,

включавшее в себя Ирландию (вопреки воле значительной части ее населения). В британском парламенте, состоявшем из трех объединенных парламентов Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии, большинством голосов определялся состав и политика кабинета министров. Именно кабинет являлся действующим верховным правительством, решающим вопросы войны и мира для всех остальных территорий империи.

Следующими после Британских островов в порядке политической значимости являлись «коронные сообщества» Австралии, Канады, Ньюфаундленда (старейшее

владение, 1583 г.), Новой Зеландии и Южной Африки — фактически независимые и самоуправляемые государства в союзе с Великобританией, в каждом из которых находился представитель короны, назначаемый британским правительством.

Далее следовала Индийская империя с зависимыми от нее государствами (от Белуджистана до Бирмы), где британская корона заняла место прежней тюркской династии.

Затем Египет, номинально все еще часть Османской империи, со своим монархом (хедивом), но практически под английским

правлением; и еще более двусмысленный «англо-египетский» Судан, оккупированный и управляемый совместно английским и египетским (зависимым от Англии!) правительствами.

Затем некоторое число частично самоуправляемых сообществ с избираемой законодательной и назначаемой исполнительной властями (Мальта, Ямайка, Багамские и Бермудские острова). Сюда же следует отнести те колонии, где правление англичан было почти автократическим: Цейлон, Тринидад и Фиджи (с назначаемым советом), Гибралтар и остров Святой Елены (под властью губернатора).

И наконец, большие, преимущественно тропические, территории, где добывалось сырье; формально оставаясь протекторатами, они управлялись верховным комиссаром, а также туземными вождями (как в Басутоленде^[68]) или концессионными компаниями (Родезия^[69]).

Вряд ли хоть одно государственное учреждение или один человек мог представить себе Британскую империю как единое целое: это была смесь каких-то невероятных приобретений, абсолютно не похожая на то, что принято называть империями.

Империя гарантировала устойчивый мир и безопасность, именно потому ее терпели и даже поддерживали «покоренные» народы, несмотря на многие недостатки и пренебрежение к ним со стороны метрополии. Подобно Афинской республике, это была морская империя, ее дорогами были моря, а связывающим звеном — Королевский флот. Как и во всех империях, ее единство зависело от способа сообщений. Развитие мореходства и появление пароходов создало жизнеспособный британский мир — *Pax Britannica*, зато новые усовершенствования воздушного и наземного транспорта способны были в любой момент

поставить ее существование под угрозу.

LVII. ВООРУЖЕНИЕ ЕВРОПЫ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Прогресс техники, создавший колоссальную пароходо-железнодорожную Американскую республику и парходную Британскую империю, привел к совершенно иным последствиям в перенаселенных странах европейского континента. Все они оставались в границах, возникших в

эпоху лошади как единственного средства передвижения, а их заморская экспансия значительно отставала от британской. Только Россия беспрепятственно расширялась на восток и проложила через Сибирь железную дорогу, но ввязалась при этом в конфликт с Японией. Кроме того, она продвигалась на юго-восток, к границам Персии и Индии, что вызвало недовольство англичан. Тем временем в Европе продолжался ускоренный прирост населения.

Падение «империи» Наполеона III и возникновение новой Германской империи возбуждало не только страхи, но и надежды на

сплочение Европы под эгидой Германии. На протяжении сорока четырех лет неустойчивый мир вращался вокруг этой идеи. Франция, неизменный соперник немцев чуть ли не со времен Карла Великого, пыталась восполнить свою слабость союзом с Россией, а Германия тесно связала себя с Австрией (которая перестала быть Священной Римской империей еще при Наполеоне I) и менее успешно — с новым Итальянским Королевством. Сначала Великобритания, по своему обыкновению, лишь наполовину участвовала в континентальных делах, но все-таки вынуждена была присоединиться к русско-

французскому блоку вследствие агрессивного наращивания германского военного флота. Безудержные фантазии императора Вильгельма II (1888—1918) ввергли Германию в необдуманные заморские авантюры, которые привели в стан ее врагов Японию и США.

Все эти страны вооружались. От года к году увеличивалось производство пушек, военного снаряжения, броненосцев и т. п. Равновесие в Европе смещалось в сторону войны, и в конце концов, несмотря на все старания сохранить мир, она началась. Германия и Австрия выступили против Франции,

России и Сербии; когда германские армии прошли через Бельгию, Англия встала на ее сторону вместе с Японией; Турция вскоре присоединилась к Германии, в октябре 1915 года за нею последовала Болгария. В том же году Италия выступила против Австрии. В войну на стороне Антанты были вовлечены Румыния (1916 г.), Соединенные Штаты (1917 г.) и Китай. В нашу задачу не входит определение виновников этой гигантской катастрофы. Вопрос: «Почему началась Первая мировая война?» — кажется нам менее интересным, чем вопрос: «Почему ее не смогли предвидеть и избежать?»

Куда серьезнее то, что десятки миллионов людей оказались настолько «патриотичными», глупыми или безразличными, что не сумели предотвратить катастрофу бескорыстными и открытыми действиями в пользу европейского единства.

Объем нашей книги не позволяет нам упомянуть о всех хитросплетениях этой войны. Уже в первые месяцы стало очевидно, что прогресс техники глубоко изменил саму природу военных действий. Физика дает власть над сталью и расстояниями. Как используется эта власть, на добро или во зло, зависит от нравственного и политического

состояния общества. В руках европейских правительств, все еще одержимых враждой и подозрительностью, оказались небывалые доселе средства разрушения и обороны. Война превратилась во всемирный пожар, истреблявший и победителей, и побежденных совершенно несоразмерно с вызвавшими ее причинами. В первой ее фазе немцы направились на Париж, русские вторглись в Восточную Пруссию. Оба наступления были отбиты, после чего армии зарылись в окопы, перегородившие всю Европу; продвинуться вперед без огромных потерь было невозможно. Позади

миллионов солдат на фронтах целые народы занимались в тылу производством оружия и продовольствия, невоенная деятельность почти прекратилась. Все мужское население Европы было или призвано под военные знамена или трудилось на нужды войны. В промышленности широко использовался труд женщин. Вероятно, более половины населения воюющих стран переменило род своей деятельности. В социальном плане люди утратили свои корни и были пересажены на новую почву. Обучение и научная работа были сокращены или переориентированы на военные цели. Распространение

новостей было ограничено, они искажались военной цензурой и пропагандистскими организациями.

Период застоя на фронте постепенно перерастал в агрессию против мирного населения — нарушением продовольственного снабжения и бомбардировками с воздуха. Неуклонно возрастали калибр и дальнобойность пушек, появилось такое изощренное оружие, как снаряды с отравляющим газом и небольшие самоходные крепости (танки) для прорыва укрепленных позиций. Но из всех новых способов ведения боевых действий самым революционным было использование воздушного пространства. До сих пор

война велась только там, где проходили и сражались армии, теперь она распространилась повсюду. Сначала цеппелины^[70], а затем аэропланы-бомбардировщики перенесли ее на территории с мирным населением. Исчезло соблюдавшееся прежде в цивилизованных войнах различие между мирными гражданами и солдатами. Каждый, кто выращивал продукты питания, шил одежду, заготавливал лес или ремонтировал дом, каждая железнодорожная станция, каждый склад считались теперь вполне подходящей мишенью для уничтожения. Авиация достигала все более удаленных целей и сеяла

все больший страх. Огромные территории в Европе перешли на осадное положение и подвергались ночным налетам. Население таких городов, как Лондон и Париж, проводило бессонные ночи, когда разрывались бомбы, грохотали зенитные орудия и на пустынных улицах раздавался скрежет санитарных и пожарных машин. Все это губительно действовало на состояние людей, особенно стариков и детей.

Эпидемии, эти древние спутники войны, возникли только в самом ее конце, в 1918 году. Четыре года медицина успешно предотвращала их, но все-таки

разразилась пандемия гриппа,
унесшая миллионы жизней.
Некоторое время удавалось бороться
и с голодом, хотя к началу 1918 года
значительная часть Европы
пребывала в состоянии умеренного и
регулируемого недоедания.
Производство продовольствия во
всем мире резко снизилось
вследствие мобилизации крестьян.
При этом распределению
продовольствия мешали потери,
вызванные подводной войной, а
также закрывшиеся границы и
дезорганизация транспортной сети.
Многие правительства взяли
снабжение оскучающим
продовольствием в свои руки и

наладили систему *нормирования* и *распределения*. На четвертый год войны весь мир страдал от нехватки одежды, жилья и большинства обычных жизненных удобств. Деловая и экономическая деятельность пришла в упадок. Все были подавлены, большинству людей приходилось переносить непривычные для них тяготы.

Военные действия прекратились в ноябре 1918 года. Последний рывок весной едва не привел немцев в Париж, но этого сверхусилия центральные державы уже не выдержали, их боевой дух и материальные ресурсы иссякли. Наступил окончательный крах.

LVIII. НОВЫЙ ПОРЯДОК В РОССИИ

Однако за год до крушения центральных держав рухнула полуазиатская российская монархия, считавшая себя наследницей Византийской империи. Еще перед войной у царизма появились признаки разложения: двор попал под влияние религиозного шарлатана Распутина, а гражданское и военное правительство пребывало в состоянии полной недееспособности и коррупции. Начало войны

ознаменовалось в России вспышкой бурного патриотизма. В армию было призвано огромное количество новобранцев, для которых не нашлось достаточно ни современного оружия, ни нужного числа компетентных офицеров, и вся эта не обеспеченная самым необходимым и плохо управляемая масса была брошена на германские и австрийские границы.

Несомненно, появление русских в Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. ослабило первый прорыв немцев к Парижу. Страдания и смерть десятков тысяч русских солдат спасли Францию от поражения в этой кампании и

сделали западные страны должниками великого и трагического русского народа. Но напряжение войны оказалось расплывшейся и плохо организованной Российской империи не под силу. Русские солдаты шли в атаку без поддержки артиллерии и порой без патронов; офицеры и генералы совершенно их не щадили. Какое-то время люди терпели, как терпят боль животные, но и у самого невежественного человека есть свой предел. Армия заразилась глубоким отвращением к царизму. С конца 1915 г. Россия вызывала все большую и большую озабоченность своих западных союзников. Весь 1916 год она вела

преимущественно оборонительную войну; ходили слухи о сепаратном мире.

29 декабря 1916 г. в Петрограде был убит Распутин и предпринята запоздавшая попытка спасти царский режим. В марте 1917 г. события ускорились: голодные волнения в столице переросли в революционное восстание; была сделана попытка разогнать Думу и арестовать либеральных лидеров; сформировалось Временное правительство князя Львова, и, наконец, царь отрекся от престола. Сначала казалось, что удастся умеренная и управляемая революция, быть может, под главенством нового

царя. Но вскоре стало ясно, что это невозможно по причине абсолютного недоверия народа. Русским смертельно опротивел старый порядок в Европе: цари, войны и великие державы; они хотели как можно скорее избавиться от невыносимых тягот и страданий. Но союзники не понимали, что происходит в России. Их аристократические дипломаты, ориентировавшиеся на императорский двор, в каждой новой ситуации попадали впросак. Они не сочувствовали демократии и явно старались создать для нового режима как можно больше трудностей. Во главе республиканского

правительства оказался Керенский — красноречивый и экзотический лидер, основатель революционного движения «социал-революционеров»^[71]. Союзные правительства относились к нему с пренебрежением и не соглашались ни на передачу земли крестьянам, ни на заключение мира в пределах русских границ. Французская и английская пресса требовала от своего истощенного союзника нового наступления. Но когда немцы провели морскую и наземную операцию против Риги, Британское адмиралтейство не послало на помощь русским экспедиционные силы, и молодой Российской

республике пришлось сражаться в одиночку. Англичане и их союзники, несмотря на свое подавляющее морское превосходство и резкие протесты адмирала лорда Фишера (1841—1920 гг.), на протяжении всей войны позволяли немцам господствовать на Балтике, ограничиваясь разрозненными действиям своих подводных лодок.

Так или иначе, русский народ решил любой ценой покончить с войной. В Петрограде возник Совет рабочих и солдатских депутатов, потребовавший созыва международной конференции социалистов в Стокгольме. А в Берлине уже начались голодные

волнения; усталость от войны широко распространилась в Австрии и Германии. Несомненно, конференция социалистов смогла бы ускорить заключение демократического мира еще в 1917 году и, возможно, даже революцию в Германии. Керенский умолял западных союзников разрешить проведение конференции, но те не соглашались из страха перед распространением социалистических идей. Благоприятно отзывалась лишь английская Лейбористская партия. «Умеренная» Российская республика продолжала вести войну без моральной и материальной

поддержки и в июле 1917 г. даже попыталась провести наступление на фронте. После некоторых успехов оно провалилось и превратилось в еще одну бойню.

Терпение русских лопнуло. В армии начались бунты, особенно на севере. 7 ноября 1917 г. правительство Керенского было свергнуто, власть перешла к Советам, в которых преобладали большевики-ленинцы. 2 марта 1918 г. в Брест-Литовске они обещали заключить с немцами сепаратный мир, и он был подписан.

Вскоре стало ясно, что большевики — люди совершенно иного склада, чем

конституционалисты и революционеры типа Керенского. Они были фанатичными марксистами и считали свой приход к власти в России лишь началом всемирной социалистической революции. Большевики начали фундаментальную перестройку социально-экономического порядка в России со слепой верой и абсолютно к ней неподготовленные. Правительства Западной Европы и Америки мало что знали об этом и не могли оказывать им помощь, а тем более направить этот небывалый эксперимент. Пресса развернула кампанию дискредитации, а правящие классы решили любой

ценой устранить новоявленных узурпаторов. На глазах всего мира велась безудержная пропаганда: большевистских вождей представляли кровавыми монстрами, грабителями и развратными чудовищами, по сравнению с которыми распутинский царский двор выглядел сонмом непорочных ангелов. Перепуганные враги большевиков организовывали против обессиленной страны военные экспедиции, не брезгуя самыми подлыми способами борьбы. В 1919 г. обескровленная и дезорганизованная пятилетней войной страна оборонялась от английского экспедиционного

корпуса в Архангельске, японских захватчиков в Восточной Сибири, румын, французов и греков на юге, адмирала Колчака в Сибири и, наконец, от генерала Деникина, которого поддерживала французская эскадра в Крыму. В июле 1919 г. эстонская армия генерала Юденича[\[72\]](#) едва не захватила Петроград. В 1920 г. подталкиваемые Францией поляки напали на Россию, а новый реакционный кондотьер, барон Врангель, продолжил дело генерала Деникина по опустошению родной страны. В марте 1921 г. восстали кронштадтские матросы. Русское правительство, возглавляемое Лениным, с

поразительной стойкостью отбило все эти атаки; простые люди, несмотря на жесточайшие лишения, непоколебимо его поддерживали. К концу 1921 г. Англия и Италия признали новый коммунистический режим.

Но если большевистское правительство успешно боролось с иностранной интервенцией и внутренней контрреволюцией, гораздо хуже ему удавались попытки установить новый, коммунистический порядок. Русский крестьянин — жадный до земли мелкий собственник — столь же далек от коммунистических идей, как кит от полетов. Революция дала

ему землю, отобранную у помещиков, но не могла заставить его выращивать продовольствие иначе, как на продажу за твердые деньги. Однако среди прочего была уничтожена и цена денег. Сельскохозяйственное производство, и без того дезорганизованное развалом железных дорог, сократилось до уровня личного крестьянского потребления. Города голодали. Торопливые и плохо спланированные попытки перестроить промышленность в соответствии с коммунистическими идеями провалились. К 1920 г. Россия представляла собой небывалое зрелище полного краха

современного цивилизованного общества. Рельсы на путях ржавели, города превращались в руины, смертность достигла небывалых размеров. И все же страна сражалась с врагами, стоявшими у ее ворот. В 1921 году наступила засуха и среди миллионов крестьян в опустошенных войной юго-восточных губерниях возник страшный голод.

В этих чрезвычайных обстоятельствах большевики затормозили процесс преобразований. Была провозглашена Новая экономическая политика (НЭП) и в значительной степени восстановлена свобода частной собственности и

предпринимательства, что привело к некоторому подъему производства. Казалось, Россия отходит от социализма к условиям, напоминающим развитие США сто лет назад. Появился класс зажиточных крестьян-кулаков, подобие мелких американских фермеров. Увеличилось число независимых розничных торговцев. Однако Коммунистическая партия не собиралась отказываться от своих целей и позволять России развиваться по американскому образцу. В 1928 г. началась мощная кампания возврата страны на коммунистический путь. Был разработан пятилетний план

индустриализации (в первую очередь тяжелой промышленности) и замены мелких крестьянских хозяйств крупными колхозами. 21 января 1924 г. Россия лишилась искусного руководства Ленина, а у его преемника Сталина оказалась куда более тяжелая рука. Пятилетка началась в условиях жесточайших трудностей — прежде всего, безграмотности и отсталости простого народа, нехватки компетентных бригадиров, прорабов и вообще квалифицированного технического персонала. Добавим к этому не только отсутствие помощи Запада, но и прямой антагонизм с его стороны. Власти сообщали об

успехах индустриализации, хотя были и бесполезные затраты, и несоразмерность в развитии. Быстрые и решительные перемены не принесли ощутимых результатов в сельском хозяйстве, и зимой 1933—1934 гг. Россия вновь оказалась перед угрозой нехватки продовольствия.

Весь мир, основанный на системе частного владения, наблюдал за русским экспериментом со смесью любопытства, недоверия и уважения. Но и старая система работала плохо — покупательная способность все более сокращалась. Капитализм уже не казался самодостаточным, в мире появилось слово «планирование». По мере того

как возрастала экономическая напряженность, множилось и число «планов». К 1933 г. у каждого уважающего себя политика был свой план. Хотя бы таким образом мир все-таки принес России свою дань уважения.

До 1934 года, несмотря на неурожай 1933-го, казалось, что дела в России идут успешно. Производство росло, поголовье скота восстанавливалось. В страну приезжало немало туристов из Европы и Америки, которых угощали икрой и водкой. Появились первоклассные научные достижения, в частности в генетике и исследовании Арктики, а также

великие стройки, например Днепрогэс и Турксиб^[73]. Произошло коренное преобразование и перестройка промышленности. Вместе с тем продолжалось жесткое подавление критики и любых форм оппозиции, которая была загнана в подполье и объявлена преступной. Раздоры проникли в самое сердце нового режима. Безвременная смерть Ленина повлекла за собой ожесточенную борьбу за власть между Троцким, блестящее военное руководство которого помогло отстоять республику в 1919—1920 гг., и секретарем Коммунистической партии Сталиным. Ни один из них не

обладал популярностью Ленина. Троцкий был талантлив, но тщеславен; Сталин обладал угрюмой цепкостью. В июне 1928 г. изгнанный из Центрального комитета Троцкий был выслан сначала в Турцию, а затем переехал во Францию, Норвегию и наконец в Мексику. Он не прекращал ожесточенной полемики против своих бывших соратников, раскалывавшей «левое» движение во всем мире.

По всей видимости, и в России шла подпольная борьба оппозиционных чиновников и государственных служащих против Сталина, но почти все в этой

истории покрыто мраком неизвестности. Сопротивление несомненно существовало, так же как саботаж и предательство. Вполне вероятно, что оппозиция, пусть и неорганизованная, имелась еще при Ленине, но после его смерти она приняла более организованный характер. Какое-то время советское правительство проявляло в борьбе с оппозицией определенную умеренность. Некоторые высшие чиновники (и даже несколько английских инженеров) были преданы суду за намеренное вредительство в промышленности. Затем начались политические процессы, но до убийства Кирова,

одного из доверенных министров Сталина, большинство обвиняемых приговаривались разве что к заключению или ссылке. Киров был убит 1 декабря 1934 г. в своем кремлевском кабинете^[74], и после этого Сталин стал еще более жестоким. Интриги его прежних соратников грозили подорвать возрождение России; он понимал, что необходимо любой ценой сохранить сплоченность перед лицом враждебного окружения. Единственный его друг, с которым он мог говорить откровенно, Максим Горький, умер в 1936 г.^[75] Теперь один политический процесс следовал за другим, показания

подсудимых добывались все более беспощадными методами, и смертные приговоры стали обычным явлением^[76]. Один за другим гибли бывшие вожди, пока их не осталось всего двое-трое. Сталин превратился в самодержца, для которого компромисс и отступление были уже невозможны. Тем не менее материальная жизнь в России продолжала улучшаться, тяготы облегчались, и народного недовольства заметно не было.

ЛІХ. ЛИГА НАЦІЙ

Первая мировая война оказалась столь ужасной, что стала для нас как бы концом целой эпохи, предвещавшим начало новой и лучшей эры в истории человечества. Но разум склонен верить в воздаяние и отказывается принимать безразличие судьбы к нашим воображаемым заслугам и достоинствам. Послевоенные предрассудки чрезвычайно медленно стусеивались в умах людей; лишь теперь мы начинаем понимать, что этот всемирный конфликт (при всей его катастрофичности) ничего не

разрешил и ничему начало не положил. Погибли миллионы, мир разорен и ввергнут в бедствия и лишения. В лучшем случае война явилась острым и устрашающим напоминанием о неразумности и беспорядочности нашей жизни, где почти нет места планированию и предусмотрительности.

Организованные эгоисты, наделенные национальными и имперскими вожделениями, ввергли человечество в катастрофу, а вышли из нее почти неослабшими, и опасность нового катаклизма никуда не исчезла. Войны и революции ничего не дают, их единственная польза — в том, что своими грубыми

средствами они устраняют все лишнее и устаревшее. Первая мировая война уничтожила несколько монархий, но над Европой по-прежнему реяло множество флагов, сохранились мешающие всем границы, а огромные армии продолжали накапливать колоссальные арсеналы оружия.

Мирная Версальская конференция не была способна на что-то большее, чем объявить об окончании войны. Туда не были допущены немцы, австрийцы, турки и болгары, которые вынуждены были принять продиктованные им решения. Это было собрание победителей. Даже выбор места

оказался неудачным: в 1871 году в Версале со всеми атрибутами торжествующей вульгарности была провозглашена новая Германская империя.

Мелодраматическое зеркальное повторение этой сцены в зале Зеркал Версальского дворца являлось не чем иным, как нарочитой демонстрацией силы.

Народы-победители остро ощущали свои потери и страдания и совершенно не обращали внимания на то, что побежденные находились точно в таком же положении. Война возникла как неизбежное и естественное следствие соперничающих национализмов при полном отсутствии объединительных

устремлений. Суверенные нации оказались замкнутыми на слишком малых пространствах при наличии мощного оружия. Организованные для войн государства будут воевать с той же неизбежностью, с какой несутся куры на птицефабрике, но эмоции искалеченных войной народов отказывались принимать эту очевидную истину, и потому вся ответственность возлагалась на побежденных. Впрочем, то же самое случилось бы и при ином исходе войны. Французы и англичане обвиняли немцев, немцы — русских, французов и англичан, и только интеллектуалы понимали, что все дело в раздробленности

политического устройства Европы. Версальский договор предназначался быть актом показательного возмездия, в нем содержались колоссальные санкции в виде огромных репараций, налагаемых на побежденные государства. А политика победителей по восстановлению международных отношений посредством создания Лиги наций оказалась неискренней и совершенно недостаточной.

Что касается Европы, то весьма сомнительно ее желание организовать международные отношения с целью поддержания мира. Идея Лиги наций была предложена американским

президентом Вильсоном и поддерживалась в первую очередь Соединенными Штатами, которые так и не выработали никаких отчетливых идей в международных делах, не считая доктрины Монро, защищавшей Новый Свет от европейского вмешательства. И вдруг эту страну призвали к решению огромных проблем современности, несмотря на ее полную к этому неспособность. Американцы по своей природе — сторонники прочного мира во всем мире, однако с этим связано традиционное недоверие к европейской политике и привычка не ввязываться в дела Старого Света. Америка только-

только начала вырабатывать свое собственное понимание мировых проблем, когда подводная война немцев втянула ее в конфликт на стороне Антанты. План президента Вильсона по созданию Лиги наций был попыткой чисто американского решения, опасного и поверхностного. Но в Европе его приняли как вполне зрелое понимание международной ситуации. В 1918—1919 гг. человечество настолько устало от войны, что было готово на все, лишь бы воспрепятствовать ее повторению, но ни одно правительство не хотело ради этого хотя бы на йоту поступиться своим суверенитетом. Публичные речи

президента Вильсона, предлагавшего создать Всемирную Лигу наций, какое-то время казались призывом к народам через головы правительств и принимались с колоссальным энтузиазмом. К несчастью, Вильсону приходилось иметь дело не с народами, а с правительствами; он был человеком, способным на потрясающие прозрения, но в практической политике оставался ограниченным и эгоистичным, и поднятая им волна всеобщего воодушевления бесследно рассеялась.

Когда президент

явился в Европу, она была
подобна мягкой глине,
ждущей руки мастера.
Никогда прежде народы не
были так готовы следовать
за новым Моисеем к земле
обетованной, где
запрещены войны. Именно
Вильсон представлялся
великим вождем. Во
Франции перед ним
преклонялись с
благоговением и любовью.
Руководители парижских
рабочих говорили мне, что,
увидев его, проливали
слезы, а их товарищи
готовы были пройти огонь

и воду ради осуществления его благородных замыслов. Для трудящихся Италии имя Вильсона было гласом небесным, призывающим к обновлению мира. Немцам он казался единственным якорем спасения. <...> Не только в Германии, но и в Австрии Вильсон прославился как спаситель, и одно упоминание его имени было бальзамом для страждущих...

*(З.-Дж. Диллон.
Мирная
конференция.*

1919).

Президент Вильсон всюду пробудил великие надежды. И вот результат: мучительная и прискорбная история разочарования в нем и в Лиге наций, оказавшейся слабой и никчемной. Вильсон был велик в своих мечтах и беспомощен в делах. Америка отреклась от деяний своего президента и не вступила в Лигу, созданную им для европейцев. Американский народ осознал излишнюю поспешность ее появления на совершенно неподготовленной почве. Да и в самой Европе понимали, что Америка ничем не способна помочь

Старому Свету в его бедственном положении. Родившаяся раньше срока и искалеченная при родах, Лига наций, с ее громоздким и недееспособным устройством и слабыми силами, стала серьезным препятствием на пути эффективной реорганизации международных отношений. Все было бы проще, если бы она вообще не существовала. Однако вспышка энтузиазма во всем мире в ответ на план Вильсона, готовность людей всей земли (в отличие от правительств) предотвратить новые войны — все это должно остаться в истории как выдающееся явление. За близорукими правительствами,

которые лишь разделяют страны и плохо управляют ими, существует и растет реальная сила, стремящаяся к единству человечества.

Версальский мир был чисто политическим договором, а Лига наций — политической организацией, попыткой как-то залатать проблемы, сохраняя существующие правительства и существующие концепции государства. В этом-то и заключается ее главная ошибка. Правительства и государства суть временные явления.

Они могут и должны меняться в соответствии с меняющимися потребностями человека. Но еще важнее экономические факторы,

которые зависят от понимания сущности собственности и человеческих отношений, что, в свою очередь, определяется уровнем образования. С 1918 года и по 1933-й мир вступил в период конференций, медленных и неуклюжих попыток хоть как-то улучшить существующее положение. Тем не менее в деле объединения мировых финансов и мировой экономики стояла намечаться определенный прогресс. Но общество, политики и пресса учатся медленно и неохотно, а наряду с этим беспорядочность экономических отношений привела к такой безработице и бедности, каких мир не знал уже в течение ста лет.

Жизненные силы человечества вырождались, что приводило к ухудшению общественного порядка и угрожало личной безопасности граждан. Возросла преступность, политика утратила свою стабильность. Трудно сейчас оценить, способно ли еще человечество воспитать в себе нравственную силу и самоотверженность, необходимые для того движения вперед, которое сделало XIX век выдающейся главой мировой истории.

LX. КРАХ ЛИГИ НАЦИЙ

С самого начала Лига наций была объединением стран-победительниц, и заявленная ею цель заключалась в сохранении границ, установленных Версальским договором при полном пренебрежении экономическими последствиями. Были наложены огромные репарации, а всегдашняя корысть французского и английского министерств иностранных дел едва скрывалась за изящной дипломатической фразеологией. Заморские территории Германской

империи и многие области Турции, хотя и не подверглись аннексии в ее традиционных формах, но передавались «по мандату» победителям согласно решению Лиги наций. Но и среди победителей в отношениях между собой особого благородства не наблюдалось. Львиная доля досталась Франции и Англии. Амбиции Италии, Греции и Японии были далеко не удовлетворены. Неспособность либерального и социалистического движения в Англии и других странах честно взглянуть на реальное положение парализовала всю мировую прогрессивную политику на десять лет вперед.

В Англии, например, школьников учили тому, что Лига наций — это воплощение международного права и надежная гарантия всеобщего мира. С этой целью издавалось бесчисленное множество учебников. Но в странах, которые не удовлетворились той долей, что досталась им в Версале, детей кормили не столь сладкой умственной пищей. Уже через десять лет в немецких, венгерских, итальянских и японских школах внушалась необходимость силового пересмотра Женевских соглашений^[77]. Поток ожесточения, обрушившийся со всей энергией легковерной молодости, год от года

набирал силу, и уже никто, кроме дипломатов, не сомневался в неизбежности нового взрыва. Но министры иностранных дел с упорством держались за преимущества, полученные после Первой мировой войны.

Греческие вторжения в Турцию закончились разгромом (сентябрь 1922 г.), и греки были изгнаны Кемаль-пашой из Малой Азии и Фракии; Смирна сожжена и разграблена; тысячи людей убиты. Во время войны царская Россия сражалась за Константинополь, однако Советы не захотели ввязываться в этот конфликт. Древняя столица Византийской империи

была оккупирована в 1921 г. войсками Антанты под командованием английского генерала Милна, но после изгнания греков и продолжительных переговоров ее возвратили туркам по Лозаннскому договору 1923 года. Под руководством Кемаля в Турции началась быстрая вестернизация. Султан, фески и затворничество женщин были отменены как символы старого порядка; Турция стала республикой; столицей, несмотря на возвращение Константинополя, осталась Анкара.

Годы, следовавшие за подписанием Версальского договора, для Германии были временем

страшных бедствий. Побежденных принудили признать свою «вину» и выплачивать победителям огромные репарации. Получилось так, что весь народ осуждался на экономическое рабство ради того, чтобы победители воспользовались плодами его труда. Однако здесь скрывалась некая ловушка: огромное возмещение могло быть произведено только за счет экспорта; но поток экспортных товаров привел бы в полное расстройство промышленность стран-победительниц, которые во избежание этого установили заградительные тарифы. Поэтому, даже если бы немцы и согласились на непрерывный труд для

выполнения навязанных им обязательств, они напрасно бились бы о тарифные барьеры.

20-е и 30-е годы были периодом тяжких усилий Германии и Австрии добиться сносного существования. Англия и Франция категорически не соглашались принимать во внимание эти непреодолимые трудности, а тем временем подрастало новое поколение немцев, накопивших огромный заряд ожесточения. Династия Гогенцоллернов^[78] завершилась бегством последнего кайзера в Голландию в ноябре 1918 года, после чего последовали попытки республиканского устройства. В этой главе невозможно

подробно изобразить конвульсии и неизбежное банкротство Германии и непоколебимую решимость Франции применять самые жестокие санкции, предусмотренные мирным договором. Немцев надо держать под каблуком — такой была идея президента Пуанкаре. Последовала карательная оккупация германской территории, и в Рур были введены сенегальцы. Под эгидой Франции пытались даже создать Рейнскую Республику. Кроме того, происходили коммунистические мятежи, а в Мюнхене на день-два установилась монархическая диктатура генерала Людендорфа. В столь напряженных условиях премьер-министр

Штреземан (при президенте Эберте) пытался всеми силами удержать единство квазилиберального рейха.

Посреди смуты германских дел неожиданно послышался новый голос, пронзительный и рассерженный, который затронул чувства миллионов смятенных немцев и в первую очередь массы послевоенной молодежи. Германию обманули и предали; высшим напряжением сил, ценой любых жертв необходимо вернуть себе то достойное место, которое она занимала до войны, и даже более того. Германия не побеждена, потому что победить ее невозможно; ее предали изнутри, и в этом повинны

евреи, интеллигенты и Коммунистический интернационал. Германия должна вернуться к своей расовой чистоте и суровой дисциплине предков, арийских тевтонских воинов. Голос австрийского художника Адольфа Гитлера обладал неотразимой привлекательностью для широких слоев молодежи, лишенной каких-либо надежд на будущее. Гитлер создал быстро растущую организацию — воинствующую политическую партию национал-социалистов.

Экономическая и социальная конкуренция со стороны космополитических евреев и их

претензия на роль «избранного народа» выделяли этих людей не только как объект мести, но и как жертву для грабежа. Патологический тоталитаризм всегда начинается с нападения на евреев и коммунистов. В 1932 г. Гитлер стал рейхсканцлером и вступил на порог высшей власти.

В Италии также происходили сходные события, хотя и с некоторыми отличиями (например, сначала там не было антисемитизма). Начавшись совершенно самостоятельно, оба движения по мере своего развития все больше влияли друг на друга. Поначалу Гитлер мало что знал об

итальянском вожде Муссолини, а тот, в свою очередь, о Гитлере. Позднее они с удивлением обнаружили свое сходство: оба были естественными продуктами социальной эволюции эпохи — оба организовали и дали возможность для самовыражения и деятельности потерянному и бунтарски настроенному молодому поколению, неизбежно появившемуся во всех экономически неблагополучных странах.

В начале своей карьеры Муссолини был социалистом-революционером и издателем социалистической газеты «Аванти». Он стал известен как смелый и энергичный лидер еще до войны.

Разойдясь со своими «левыми» товарищами из-за вступления Италии в войну на стороне Антанты, Муссолини основал собственную газету «Иль Пополо дель Италиа». После войны в стране, не стяжавшей себе громкой военной славы, началось социальное брожение, сопровождавшееся стихийными коммунистическими выступлениями. Правительство было слабым и нерешительным, поэтому многие считали весьма вероятным коммунистический путч. Муссолини испытывал такое же патриотическое унижение, как и Гитлер, и начал создавать национальное фашистское движение «чернорубашечников»,

требуя от правительства твердой руки не только для народа, но и для финансовой и деловой элиты. Он получил поддержку со стороны промышленников и банкиров, вероятнее всего потому, что у них было преувеличенное мнение о способности красных революционеров экспроприировать их богатства и прекраснодушное убеждение в возможности управлять этим авантюристом. Они слишком боялись красных и недооценивали черных. Но ни на одном этапе своей деятельности Муссолини не проявил признаков служения капиталу. Его теория корпоративного государства подразумевала жесткий контроль над

частным предпринимательством.

Фашистское движение возникло за несколько лет до гитлеровского, возможно потому, что молодые итальянцы среднего класса не были уничтожены на войне, как их немецкие сверстники. Террористическая волна нападений, убийств и избиений, совершавшихся «чернорубашечниками», вполне уравнивала террор фанатиков «классовой борьбы». В октябре 1922 г. произошел фашистский переворот — «Марш на Рим», после которого началось быстрое и беспрепятственное возвышение Муссолини. Он стал диктатором на десять лет раньше Гитлера.

По всей Европе, а также в Китае и Японии одинаковые причины вызывали одинаковые конфликты и сходные результаты. Повсюду левые догматики разрушали старый политический и социальный порядок, ссорились друг с другом и тем самым расчищали путь милитаристам и диктаторам, «сильным людям», создававшим режим личной власти и ожесточенно преследовавшим свободу слова и политической деятельности. Теория мало что для них значила, будь то коммунизм или корпоративное государство, практический результат был один и тот же: отход от творческих и космополитических

идеалов и возвращение к воинствующему национализму. Русская диктатура более других была склонна к миру, довольствовалась существующими границами и стремилась сотрудничать с хрупким и ненадежным механизмом Лиги наций. Германия, Италия и Япония относились к этой злополучной организации со все нарастающим пренебрежением.

Япония, как и большинство победителей, не думала разоружаться и готовилась отвлечь беспокойную энергию молодежи на раздираемый острейшими конфликтами Китай. Германия и Италия серьезно взялись за улучшение здоровья и дисциплины

нового поколения и приоритетное развитие военно-воздушных сил. Немецкое вооружение противоречило Версальскому договору, но Италии это не касалось. В школах и в печати неустанно проповедовалась воинственная агрессивность.

В некоторых частях Европы определенные Лигой наций границы не соблюдались. Предназначенный Литве Вильно оспаривался русскими и поляками, которые не собирались его отдавать. В виде компенсации Литва захватила в 1923 г. занятый французским гарнизоном по мандату Лиги наций Мемель^[79] и удержала его в своих руках.

Пренебрежение

международными нормами проявилось и в убийстве итальянского генерала из пограничной комиссии на греко-албанской границе. Италия, не дожидаясь санкций, бомбардировала остров Корфу и потребовала возмещения. Конфликт был исчерпан лишь после признания правомерности ее действий.

Другой болевой точкой был город Фиуме^[80], предназначенный для Хорватии. На него был совершен налет отрядом авантюристов под командованием итальянского поэта Д'Аннунцио (1919 г.). Город несколько раз переходил из рук в

руки, но в 1924 г. окончательно стал итальянским. Эти сравнительно мелкие конфликты недвусмысленно предупреждали о недостаточном авторитете Лиги наций.

Вся нереальность осуществленного Лигой наций нового мироустройства особенно ярко проявилась на Дальнем Востоке. Никто из западных политиков и государственных деятелей, создавших Лигу наций, по-видимому, не имел отчетливого представления о проблемах четырехсотмиллионного сообщества, чье древнее политическое, социальное и экономическое устройство развалилось на глазах

одного поколения. Для них Китай был одним из тех воображаемых юридических организмов, подобно Англии, Франции и Германии, которые могут участвовать в судебных разбирательствах, принимать обязательства, отвечать по долгам и т. п. Среди всеобщего беспорядка в кругах китайской интеллигенции возникла концепция Нового Китая, и после 1912 г. политическая организация, называемая Гоминдан, старалась поддерживать обновленный китайский патриотизм. При этом неизбежны были расхождения между теорией и жизнью в провинциях, да и самый обычный бандитизм. Общая

ситуация ухудшалась тем, что Лига наций в нарушение своих же принципов передала провинцию Шаньдун, занятую перед войной Германией, японцам. Повторимся еще раз: в этой краткой книге мы не можем проследить за деятельностью всех вождей: реформатора Сунь Ят-сена, «христианского генерала» Фын Юй-сяна, монгола Чжан Цзо-лина, который нацеливался на императорский трон, равно как и за всеми перемещениями правительств между Пекином, Нанкином и Кантоном и попеременными интервенциями Советской России и Японии. Постепенно выяснилось, что главный агрессор в Китае —

японцы, неуклонно стремящиеся к господству над всей Восточной Азией, следуя худшим традициям довоенного империализма. В 1932 г. Маньчжурия была отделена от Китая и фактически стала японским протекторатом.

Тем временем неуклонное развитие авиации заметно усиливало международную напряженность. Дипломаты старой школы не желали признавать, что характер войны принципиально изменился. Подводные лодки устаревали, уступая место скоростным бомбардировщикам. Теряли смысл и такие традиционные понятия, как «фронт» и «морские пути». Самым

восприимчивым к этим переменам оказались реваншистские и агрессивные страны, которые скрытно и быстро наращивали военно-воздушные силы. Англия и Франция, сохранявшие на протяжении этих «безмозглых двадцатых» безоговорочное военное превосходство, в «испуганных тридцатых» внезапно осознали, что отстают в развитии авиации. Германия Гитлера и Геринга и Италия Муссолини становились сильнее и смелее. Они смотрели на западные страны все с большей самоуверенностью. Милитаристская японская клика расширяла агрессию на территории Китая. Захватив

Маньчжурию, японские армии оккупировали провинцию Жэхэ (1932 г.), а в 1933 г. вышли к Великой Китайской стене.

Ни Англия, ни Франция, ни Россия — войны не хотели. Они могли все потерять и ничего от нее не выигрывали. Все три страны каждая по-своему были дезорганизованы финансово-экономическими трудностями. Зато три агрессора, перемежая реальные угрозы блефом, принялись окончательно затаптывать Версальский договор и Лигу наций.

В конце 1934 г. возник острый конфликт между Италией и Абиссинией, и к осени 1935 г.

Италия уже вела полномасштабную захватническую войну. Применяя зажигательные бомбы и химическое оружие, она победила (май 1936 г.), но Абиссиния оказалась для итальянцев трудной страной для колонизации.

Осенью того же года в Испании, где республиканцы были ослаблены долгой борьбой с каталонскими националистами и радикалами-коммунистами, произошло восстание марокканских войск генерала Франко, тайно поддержанного Германией и Италией. Путч немедленным успехом не увенчался — испанцы сплотились вокруг правительства в Мадриде, и на

полуострове целых два года бушевала варварская война, в которой все более открыто участвовали Германия и Италия^[81]. Города подвергались беспощадным бомбардировкам, гибли огромное количество женщин и детей, хотя война так и не была объявлена. Германия и Италия оставались *де-юре* в мирных отношениях с Испанией, так же как и Япония с Китаем.

Весной 1938 г., захватив Австрию, Гитлер бросил открытый вызов Версальскому договору. Ему никто не сопротивлялся, ни в самой Австрии, ни за ее пределами. Гитлер (при пособничестве своего услужливого союзника Муссолини)

все больше ощущал себя вершителем судеб мира, а нацистская Германия продолжала набирать силу. Страх перед нападением с воздуха — возможно преувеличенный — парализовал демократические страны. Началась бешеная гонка вооружений — куда более изнурительная, чем перед Первой мировой войной 1914—1918 гг.

Отсутствие ясной и твердой политики со стороны США, Англии и Франции можно понять только с учетом того, что каждая из этих держав страдала от болезней, связанных с переменами и запутанными экономическими отношениями.

В них тоже происходила коренная перестройка производства, приводившая к дисбалансу распределения, что нарушало спрос на рабочую силу. По мере того как подрастало молодое поколение, профессиональные кадры сменялись слоем недовольных безработных. В Соединенных Штатах подобная напряженность приводила к снижению потребления, а поскольку во время войны и в период послевоенной стабильности широко распространились инвестиции, это привело к обвалу ценных бумаг и финансовому кризису. В затруднительном положении оказалось множество американских

банков. Последовала паника 1931—1932 гг., но стране повезло с президентом — Франклином Рузвельтом, который установил беспрецедентный контроль за банками и повернул страну от традиционного индивидуализма, связанного с накоплением богатств и разбазариванием ресурсов, к планируемой обновленной экономике. Эта политика получила название Нового курса. Для такой социализации не хватало подготовленных и образованных чиновников, и, кроме того, с самого начала президенту сильно мешали некоторые недостатки его слишком открытого характера, раздоры между

министрами и сильнейшее пристрастие американской юстиции, начиная с Верховного суда, к частной инициативе. Кроме того, Америка начала осознавать опасность для своих океанских побережий в случае катастрофы с Британской империей, а угроза с воздуха увеличивалась по мере возрастания скорости и размеров самолетов. К тому же приготовления к войне могли снизить безработицу. Таким образом, по-прежнему цепляясь за миф об изоляционизме, США вслед за Англией и Францией включились в гонку вооружений.

Экономические трудности Великобритании возрастали, и она

опередила Америку в протесте народа против власти богатых, что привело к введению чрезвычайных налогов на доходы, убийственных ввозных пошлин и пособий для безработных. Революционное напряжение удалось снять, однако довольно мало делалось для здравоохранения, правопорядка, образования и занятости молодежи. Частное богатство, частное предпринимательство и частный капитал были в Англии политически слишком сильны, чтобы допустить национализацию промышленности или природных ресурсов. В 1937 г. Великобритания осознала угрозу войны и вопреки своей воле вместе с

остальным миром приступила к милитаризации страны.

Становилось все понятнее, что пока существуют суверенные национальные государства и систематическая пропаганда расистского лжеучения, основанного на национальных и культурных предрассудках, пока продолжается присвоение источников богатства для извлечения выгоды, до тех пор нестабильность будет нарастать, а жизни и умам людей будут все сильнее угрожать несвобода, зависимость и страх перед разрушительной войной. Роду человеческому следует опасаться агрессивной истерии, которая шаг за

шагом тащит его вниз, к жестокой и дегенеративной воинственности; к жизни, где мало что останется, кроме боли, ненависти и примитивных инстинктов, а из добродетелей сохранится разве что спартанская выносливость.

Но распознать тенденции легче, чем найти лекарство, а диагнозы социологов и экономистов и их рекомендации перед лицом всех настоятельных нужд не достойны даже презрения. Устраивались бесчисленные и никчемные конференции и конгрессы, делались заявления, исполненные лжи, общих мест, а то и бессмысленного бреда, тогда как крайне необходимы были

координация действий и самопожертвование. Повсюду проявляется жажда того, что называют миром, но мало кто стремится к здоровой и созидательной жизни. В пацифизме слишком много вялости, и если люди в конце концов сумеют создать эффективную систему поддержания мира, это, несомненно, произойдет не на пути непротивления злу. Если *Pax Romana*^[82] возник из завоеваний, то *Pax Mundi*^[83] потребует для своего осуществления твердой решимости.

LXI. НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В марте 1938 г. русский министр иностранных дел Литвинов предложил Англии, Франции и США обсудить необходимость более тесного сближения для предотвращения дальнейшей агрессии, особенно в Центральной Европе. Германию, Италию и Японию на эти консультации не пригласили, поскольку, как сказал Литвинов, «мы не хотим обсуждать агрессию с агрессором». Это

простое и очевидное предложение могло бы пресечь европейские конфликты, но антикоммунизм английского консервативного большинства оказался куда сильнее осознания германской угрозы. Предложение Литвинова было повторено Сталиным (март 1939 г.) и Молотовым (май), при этом указывалось на то, что Англия и Франция отказались гарантировать совместно с Россией безопасность прибалтийских государств в случае агрессии со стороны Германии.

Следующим шагом Гитлера было уничтожение Чехословакии. После аннексии Австрии эта небольшая страна оказалась окруженной с трех

сторон, и началась истерическая кампания в защиту немецкого населения, которое по Версальскому договору было из стратегических соображений включено в состав Чехословакии. Последовали угрозы войны и совсем уж фантастические переговоры. Чемберлен^[84] пустился во все тяжкие ради умиротворения общего врага. Впоследствии английский народ отверг его политику, но в то время Чемберлен пользовался поддержкой большинства. В конце концов, на переговорах в Мюнхене Чемберлен бросил на произвол судьбы Бенеша^[85] и отверг предложение быстрого отпора Германии со

стороны России, Франции, Англии и Чехословакии. Он привез с собой жалкий клочок бумаги и обратился к толпе на Даунинг-стрит^[86] со словами: «Это мир, друзья мои. Можете идти по домам и спокойно спать». Его приветствовали бурной овацией, и об этом никогда нельзя забывать.

В жестоком миропорядке природы наказания за безумие и слабость так же тяжелы, как и за уголовные преступления. Англия и все человечество искупают ныне свое пренебрежение честью и долгом. Немцы вовсе не собирались соблюдать принятые обязательства, и теперь кажется невероятным, что им

можно было поверить. Германия пребывала в полной боевой готовности, а «друзья» господина Чемберлена спокойно спали. Немецкие войска вошли в отведенные им области Чехословакии, но на этом не остановились. В марте 1939 г. Чехословакия прекратила свое существование, и завод «Шкода» стал выпускать оружие для германской армии. Польша и Венгрия, не задумываясь о собственной судьбе, с жадностью набросились на поверженную Чехословакию. Польша отхватила Тешинскую область, а Венгрия завладела полосой территории, населенной

украинцами.

Но Польше недолго пришлось наслаждаться новыми приобретениями. Она была следующей мишенью германской агрессии, прологом к которой послужил данцигский вопрос^[87]. По мере развития ситуации метания Чемберлена делались все более жалкими. Англия предала Чехословакию из страха перед большевизмом и все еще верила, что главной целью Гитлера является коммунистическая Россия, однако Польша была католической и антисоветской страной. Снова начались переговоры о коллективном сдерживании Германии, и снова они

кончились ничем из-за
нескрываемого отвращения к
сотрудничеству с Россией со стороны
английских правящих кругов,
которые больше всего боялись не
Гитлера, а социальной революции.

В марте 1939 г. литовский порт
Мемель был включен в состав
Германского рейха. В апреле Италия
аннексировала Албанию, не обращая
ни малейшего внимания на
пустопорожнюю шумиху, и в Лиге
наций освободилось еще одно место.
В мае русский комиссар
иностранных дел Литвинов, твердый
сторонник сотрудничества с
Западом, ушел в отставку в знак
последнего предупреждения^[88].

Этого доверенного и опытного дипломата сменил Молотов, значительно менее ориентированный на демократические страны, чем его предшественник. Английское министерство не восприняло в должной мере отставку Литвинова. Еще со времен русской революции оно избегало делать выводы из того, что происходит в России. У него было одно простое и очевидное желание — чтобы этой страны вообще не существовало.

24 августа Англия подписала договор о взаимопомощи с Польшей, которому предшествовал договор о ненападении между Германией и Россией. Немецкий министр

иностранных дел Риббентроп приехал в Москву и, очевидно, сумел убедить Сталина и Молотова в двойной игре англичан. Россия с чувством вполне оправданной подозрительности отвернулась от демократических стран, а Германия отошла от антикоминтерновской позиции, которая до сих пор сильно подогревала пронацистские настроения влиятельных кругов Франции и Англии; теперь она была отброшена за ненадобностью. 1 сентября 1939 г. немцы перешли польскую границу, а 3 сентября Англия и Франция объявили войну. «Добрые друзья» Чемберлена, проснувшись, обнаружили, что на

них надвигается самая совершенная военная машина из когда-либо существовавших, а самый мощный из возможных союзников ничего о них знать не желает. И тем не менее еще полгода они пребывали в состоянии летаргии.

Польская кампания была короткой и решительной, возможно, из-за деятельности «пятой колонны». Большинство аэродромов в Польше подверглось массированным налетам и было выведено из строя. Стойко сражавшиеся польские армии ничего не могли поделать против танковых прорывов и подавляющего преимущества немецкого оружия. 12 сентября германское командование

объявило, что в случае сопротивления гражданского населения города и деревни будут подвергаться бомбардировкам с воздуха и артобстрелу; было убито множество мирных жителей. Польские войска отступали в Литву, Венгрию и Румынию. Правительство бежало в Бухарест, 28 сентября пала Варшава.

16 сентября Россия, понимая, что Польша уже сломлена, ввела свои войска до границ, установленных в 1918—1920 гг. по «линии Керзона»^[89]. На занятой территории оставалась лишь незначительная часть польского населения. Вильно, присоединенный поляками вопреки

решению Лиги наций, было возвращено Литве. Затем Россия приступила к переговорам с тремя балтийскими государствами (которым, как мы упоминали, Англия и Франция отказали в гарантиях). Речь шла о договорах, передававших всю их воздушную и береговую оборону русской армии. Россия хотела укрепить свои позиции на Балтике. Она боялась нападения объединенных капиталистических государств, и у нее были определенные основания считать Финляндию потенциальным авангардом такого нападения, хотя, возможно, и преувеличенные. Финские орудия могли обстреливать

подходы к Ленинграду, чего, конечно, не допустила бы никакая другая страна. Невозможно представить себе, чтобы Соединенные Штаты безропотно терпели иностранные укрепления на Статен-Айленде^[90]. Начатые переговоры не привели ни к каким результатам, и 30 ноября 1939 г. русская авиация бомбила финские города. Это была совершенно излишняя жестокость. Для Советов война оказалась трудной и дорогостоящей, но в конце концов после трех с половиной месяцев доблестной обороны Финляндия признала себя побежденной и заключила мир.

Тем временем на западе война

шла главным образом на море. Французские и германские войска противостояли друг другу вдоль укрепленных линий Мажино и Зигфрида, хотя на северном участке фронта французы предприняли незначительное наступление. Начатая Германией подводная война оказалась безуспешной, и Королевский флот при помощи новых технических приборов довольно успешно уничтожал подводных хищников, неся незначительные потери (линкор, авианосец, кое-какие мелкие корабли). Урон в конвоях был значительно меньше ожидавшегося, и Великобритания получала обильную

помощь. К тому же англичане потопили больше судов, чем потеряли. Немецкий линкор «Граф Шпее» проиграл бой трем меньшим кораблям («Эксетер», «Ахилл» и «Аякс») и был потоплен командой, а его капитан застрелился.

Почти полгода на Западном фронте сохранялось состояние тревожного ожидания. Интенсивность английских приготовлений возрастала, и все больше войск, орудий и снаряжения переправлялось на другую сторону Ла-Манша.

Пока длилась эта интерлюдия, во Франции происходили события, о которых впоследствии пришлось

пожалеть — массовое преследование коммунистических и левых активистов, направленное, судя по всему, и против профсоюзных лидеров. Более пятидесяти депутатов-коммунистов оказались под арестом или ушли в подполье, а коммунисты из муниципалитетов по всей стране были заменены назначенными чиновниками. Эту акцию никак нельзя назвать разумной, поскольку идеи левого социализма широко распространились среди горожан и крестьян, призванных в армию. Для многих Россия все еще оставалась символом социальной революции, и они стали задаваться вопросом:

неужели война идет только за Францию богатых? Дух саботажа распространялся не только в армии, но и на военных заводах. Однако и справа от Даладье^[91] тоже назревала измена, но тайная и куда более опасная.

Наступила очень суровая зима, принеся войскам на фронте немало страданий, а прогнозы на урожай не предвещали ничего хорошего. В середине февраля центр событий переместился в Норвегию. Нейтральность этой страны стала вызывать сомнения. Король Хокон занимал твердую проанглийскую позицию, среди простого народа преобладали демократические

убеждения. Тем не менее союзники видели, что трехмильная прибрежная зона Норвегии используется немцами для доставки грузов и нападения на английские суда. Положение резко обострилось после инцидента с «Альтмарком». Около четырехсот моряков с судов, потопленных «Адмиралом Шпее», были с ведома портовых властей тайно доставлены в Норвегию. Посланный для их спасения британский эсминец вошел в порт и освободил пленников.

Дальше события развивались очень быстро. 9 апреля 1940 г. немцы вторглись в Норвегию и Данию, которая сразу же капитулировала.

Осло сопротивлялось, но было предано норвежскими фашистами, хотя еще несколько недель продолжалось разрозненное сопротивление. 8 мая Палата общин обсуждала создавшееся тяжелое положение. В своей речи Ллойд Джордж^[92] сказал следующее:

Гитлеру удалось занять гораздо лучшее стратегическое положение чем то, что было у Германии в 1914 году. Скандинавия и Норвегия, предоставляющие огромные стратегические возможности, — в

немецких руках.
Бессмысленно критиковать
Швецию, окруженную
Германией слева и справа.
И вообще какое у нас
может быть недовольство
малыми странами? Мы
обещали защищать их, но
не послали ни одного
солдата в Польшу и
упустили Норвегию.
Совершенно очевидно, что
наш престиж пошатнулся.
Мы обещали поддержку
Чехословакии, Польше,
Финляндии. Все эти
обещания оказались
чепухой и пустословием.

<...>

В 1935 году нам говорили о перевооружении, и в 1936-м Палате были представлены реальные предложения. Однако все знали, что дела идут вполсилы, неэффективно и неразумно. Потом наступила война, но усилия почти не изменились при той же неторопливости и той же некомпетентности. Всему миру было известно, что мы в наихудшем из возможных положений в стратегическом

отношении. <...>

Г-н Чемберлен сказал: «У меня есть друзья». Но дело не в том, кто эти друзья. Проблема намного глубже. Г-н премьер-министр не должен забывать, что он встречался с нашим страшным врагом и в дни мира, и в дни войны, но каждый раз терпел поражение. Он призывал к жертвам, и нация готова к ним, но лишь до тех пор, пока у нее деятельное руководство. Я торжественно заявляю, что г-н премьер-министр

может сам подать пример жертвенности: он окажет величайшую услугу делу победы, если оставит занимаемый им пост.

Пока Англия с трудом стаскивала с себя удушающую маску Чемберлена, зловещая тройца Геринг, Геббельс и Гитлер неустанно продолжала свою работу. Следующий удар по бездарной стратегии Англии и Франции был нанесен 10 мая 1940 г., когда немцы вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург.

Как ни поразительно для будущих историков (если, конечно, в будущем еще останутся историки),

ни одна из этих стран даже перед лицом прямой угрозы не соглашалась на общую с Англией и Францией систему обороны. Французы так и не продолжили линию Мажино за бельгийскую границу, а планы союзников вести мобильную войну на открытом фланге остались недоработанными. Верные долгу бельгийцы и голландцы упорно оборонялись, но предательство в тылу и массированные парашютные десанты, явившиеся для союзников полной неожиданностью, вынудили их сложить оружие. Роттердам постигла судьба Герники^[93], множество людей погибло под руинами домов. Сопротивление

голландцев было сломлено в четыре дня.

Давление на сократившуюся линию обороны усиливалось. Чехословацкие танки оказались в руках немцев весьма эффективным оружием. Французский фронт раскололся в районе Седана, и германские войска направились в образовавшийся прорыв. Обойдя Париж с левого фланга, они устремились к Ла-Маншу. Союзники не смогли закрыть прорыв, англо-франко-бельгийские войска на севере были безнадежно отрезаны от главных сил, и им ничего не осталось, как капитулировать. Большую часть северной армии

составляли англичане, их потеря оголила бы оборону самой Великобритании. Бельгийский король Леопольд, просивший Англию и Францию о помощи, вдруг резко изменил своему долгу перед народом и союзниками. Ни с кем не посоветовавшись, отвергнув единодушное мнение правительства и не вспомнив об английских и французских солдатах, он начал переговоры с немцами и отдал приказал бельгийской армии прекратить военные действия (28 мая 1940 г.).

Английская армия оказалась в западне, но высокий боевой дух спас ее от капитуляции. С боями она

пробилась к Дюнкерку и в течение нескольких дней удерживала его. Несмотря на колоссальную мощь немцев, англичане вместе с французами и верными им бельгийцами сумели переправиться в Великобританию. Этот подвиг духа и организованности воодушевил англичан, однако заменивший Чемберлена Уинстон Черчилль предупредил: «Успешное отступление — это отнюдь не победа», тем более что было потеряно огромное количество военной техники и снаряжения, а главный фронт во Франции уже проявлял признаки распада.

Теперь пришел черед Муссолини

вступить в войну, что и произошло 10 июня 1940 г. Итальянские войска покрасовались на альпийской границе, и там же, на французской земле, сфотографировался сам дуче. Французская армия была разгромлена, Париж оставлен, правительство бежало в Бордо. 13 июня Рейно^[94] направил последний отчаянный призыв президенту Рузвельту о помощи в борьбе за «само существование Франции». Президент незамедлительно ответил, выразил глубокое сочувствие и обещал материальную помощь, но предупредил: «Надеюсь, вы понимаете, что все сказанное мною не влечет за собой никаких военных

обязательств,
исключительно
Конгресса».

являющихся
прерогативой

LXII. ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ НОМО SAPIENS^[95]

Вряд ли будет преувеличением сказать, что в настоящее время у рода человеческого повредился рассудок и у него нет ничего более настоящего, чем восстановить умственный самоконтроль. Мы считаем человека безумным, если руководящие им мысли настолько не соответствуют окружающей действительности, что он опасен и

для себя, и для общества. Такому определению безумия вполне соответствует нынешнее человечество, и это отнюдь не фигуральное выражение, а лишь констатация того, что человек должен или одуматься, или погибнуть. Судя по всему, третьего ему не дано: или вверх, или вниз. Оставаться в этом положении невозможно.

В нашем кратком обзоре всемирной истории мы обрисовали непрерывный прогресс человеческого сообщества. Мы видели, как с каждым усовершенствованием средств связи и передвижения, несмотря на

сопротивление отживших религий, предрассудков и древних обычаев, зачастую с огромными жертвами, люди приспособлялись к более широкой общественной жизни. В частности, мы рассмотрели те сдвиги, которые были произведены свободной наукой в XIX столетии, и указали на социальную напряженность, связанную с отношениями собственности. Массы людей стали выходить из повиновения. Особый аспект в проблеме собственности относится к такой гибкой ее форме, как деньги, и после Первой мировой войны вопросы монетаризма начали привлекать к себе преобладающее

внимание. Однако большинство дискуссий не дало никакого результата из-за неправильного понимания денег, являющихся отнюдь не автономной системой, а входящих в комплекс «деньги-собственность», где изменение одного приводит к перемене целого. Например, при инфляции цены растут и разоряются кредиторы; в случае «дефляции» страдают должники. Деньги меняют свою сущность, когда меняются условия купли и продажи. Есть вполне резонное мнение, что кредиты частных банков представляют собой узурпацию власти. Существуют не какие-то одни деньги, а множество

их разновидностей: одни — при коммунизме, совсем другие в случае крайнего индивидуализма или каких-то иных систем собственности, власти и деятельности.

Если отсутствуют здоровый смысл и организация, деньги и кредит становятся полем деятельности для авантюристов и биржевых спекулянтов, что разрушает повседневную экономическую жизнь. К сожалению, для устранения этой анархии волшебного средства не существует.

Только сейчас мы начинаем сознавать истинный масштаб и глубину происходящих с

человечеством перемен. В XIX веке энергичные люди хватались за власть и богатство, даруемые наукой, без особой благодарности, не подозревая, какую цену придется за это заплатить. Теперь счет предъявлен. Расстояния настолько сократились, а материальные силы настолько возросли, что суверенитет государств становится невозможным, и однако же мы упорно и катастрофически цепляемся за него. Но так или иначе, все хитроумные финансовые системы должны быть ликвидированы — если человечество не желает погибнуть, необходимо организовать всемирное управление экономической и политической

жизнью.

Многое из общепринятого подлежит неизбежному изменению, вплоть до полной неузнаваемости. Англичанам не следует слишком жалеть об утрате британского всемирного владычества. Мы не так уж плодотворно употребили его, хотя сделали и кое-что хорошее. Необходимо признать, что идеалами человечества должны быть равенство и всемирное единение. Господство — опасная идея, престиж — ненадежный идеал. Хотим мы того или нет, чтобы избежать наихудшего, нам придется готовить себя к всемирной демократии и к всемирному сообществу.

ХРОНОЛОГИЯ

Около 1000 года до н. э. арийские народы осваивали полуострова Испании, Италии и Балкан и расселялись на севере Индии; Кнос был уже разрушен, а со времен расцвета в Египте при Тутмосе III, Аменофисе III и Рамсесе II прошло три-четыре века, и в долине Нила правили слабые фараоны XX династии. Израиль объединился при первых царях: Сауле, Давиде и, возможно, Соломоне. Для Вавилона Шумерское царство Саргона I (2750 год до н. э.) было более древним, чем Константин

Великий для нас. После Хаммурапи прошло тысячелетие. Ассирийцы господствовали над менее воинственными, чем они, вавилонянами, которых в 1100 году до н. э. покорил Тиглатпаласар I, однако Ассирия и Вавилон все-таки остались отдельными царствами. В Китае процветала династия Чжоу, английскому Стоунхенджу^[96] было уже несколько столетий.

В последующие два века произошло возрождение Египта при XXII династии, разделение недолговечного царства Соломона, расселение греков на Балканах, в Италии и Малой Азии, возвышение этрусков в Центральной Италии.

Ниже следует перечень известных нам достоверных дат.

До нашей эры

800. Основание Карфагена.

790. Завоевание эфиопами Египта (основание XXV династии).

776. Первая Олимпиада.

753. Тиглатпаласар III завоевывает Вавилон и основывает новое Ассирийское царство.

722. При Саргоне II у ассирийцев появляется железное оружие.

721. Он уводит евреев в рабство.

680. Асархаддон захватывает

Фивы в Египте (свержение XXV династии).

664. Псамметих I освобождает Египет и основывает XXVI династию (до 610 года).

608. Фараон Нехо побеждает иудейского царя Иосию в битве при Мегиддоне.

606. Захват Ниневии халдеями и мидянами. Основание Халдейского царства.

604. Фараон Нехо выходит к Евфрату, но разгромлен Навуходоносором II. Навуходоносор уводит евреев в Вавилон.

550. Кир Персидский свергает Астиагита Мидянина и побеждает Креза.

Жизнь Будды, Конфуция и Лао-цзы.

539. Кир захватывает Вавилон и основывает Персидскую империю.

521. Сын Гистаспа Дарий I царствует от Геллеспонта (Дарданеллы) до Инда. Поход Дария на скифов.

490. Сражение при Марафоне.

480. Сражения при Фермопилах и Саламине.

479. Поражение персов в битвах при Плате и Микале.

474. Флот этрусков разгромлен сицилийскими греками.

431. Начало Пелопоннесской войны (до 404 года).

401. Отступление Десяти тысяч.

359. Воцарение Филиппа
Македонского.

338. Сражение при Херонее.

336. Македонское войско
вступает в Азию. Убийство Филиппа.

334. Сражение при Гранине.

333. Сражение при Иссусе.

331. Сражение при Арбелах.

330. Убийство Дария III.

323. Смерть Александра
Великого.

321. Воцарение Чандрагупты в
Пенджабе. Римляне разгромлены
самнитами в битве при Кавдинском
ущелье.

281. Вторжение Пирра в
Италию.

280. Сражение при Геракле.

279. Сражение при Аускуле.

278. Галлы вторгаются в Малую

Азию и поселяются в Галатии.

275. Пирр уходит из Италии.

264. Первая Пуническая война.

Ашока начинает править в

Бехаре.

260. Сражение при Милах.

256. Сражение при Экноме.

246. Ши-хуанди воцаряется в

империи Цинь.

220. Ши-хуанди — император

Китая.

214. Начало строительства

Великой Китайской стены.

210. Смерть Ши-хуанди.

202. Сражение при Заме.

146. Разрушение Карфагена.

133. Аттал III Филометр
завещает Пергам Риму.

102. Марий отражает вторгшихся
германцев.

100. Триумф Мария.

89. Все жители Италии
становятся римскими гражданами.

73. Восстание рабов под
предводительством Спартака.

71. Поражение и гибель
Спартака.

66. Помпей ведет римское
войско на Каспийское море и к
Евфрату. Его встреча с аланами.

48. Юлий Цезарь побеждает
Помпея при Фарсале.

44. Убийство Юлия Цезаря.

27. Август Цезарь — император

(до 14 года н. э.).

4. Истинная дата рождения Иисуса из Назарета.

Наша эра

14. Смерть Августа. Тиберий — император.

30. Распятие Иисуса Христа.

41. Клавдий — первый император, возведенный на престол преторианской гвардией после убийства Калигулы.

68. Самоубийство Нерона.
(Последующие императоры: Гальба, Отон, Вителлий.)

69. Веспасиан.

102. Бань Чао выходит к Каспийскому морю.

117. Адриан наследует Траяну. Римская империя в своих наибольших границах.

138. Индоскифы уничтожают последние остатки эллинского правления в Индии.

161. Марк Аврелий наследует Антонину Пию.

164. Начало великой чумы, продлившейся до смерти Марка Аврелия (180 г.) и опустошившей также Азию. В Римской империи начались смуты и войны.

220. Конец династии Хань. Начало четырехсотлетних междоусобиц в Китае.

227. Ардашир I (первый сасанидский шах) смещает династию Аршакидов в Персии.

242. Мани проповедует свое учение.

247. Набег готов, перешедших Дунай.

251. Решающая победа готов. Убийство императора Деция.

260. Взятие Антиохии вторым сасанидским шахом Шапуром I и пленение императора Валериана, убитого на обратном пути из Малой Азии Оденатом Пальмирским.

277. В Персии распят Мани.

284. Диоклетиан — император.

303. Гонения Диоклетиана на христиан.

311. Галерий прекращает преследования христиан.

312. Константин Великий — император.

323. Константин созывает Никейский собор.

337. Крещение Константина перед смертью.

361-363. Юлиан Отступник пытается заменить христианство митраизмом.

392. Феодосий Великий — император Востока и Запада.

395. Смерть Феодосия Великого. Гонорий и Аркадий делят империю при фактической власти Стилихона и Алариха.

410. Вестготы под

предводительством Алариха
захватывают Рим.

425. Вандалы поселяются на юге Испании, гунны в Паннонии, готы в Далмации, вестготы и свевы в Португалии и на севере Испании. Англы вторгаются в Британию.

439. Вандалы захватывают Карфаген.

451. Атила вторгается в Галлию, но разгромлен франками, алеманами и римлянами при Труа.

453. Смерть Атилы.

455. Разграбление Рима вандалами.

476. Вождь тевтонских племен Одоакр сообщает в Константинополь, что на Западе

больше нет императора. Конец Западной империи.

493. Предводитель остготов Теодорих завоевывает Италию и становится королем, оставаясь под номинальной властью Константинополя. Готские короли и готы поселяются на конфискованных землях в качестве гарнизонов.

527. Юстиниан — император.

529. Юстиниан закрывает афинские школы, процветавшие почти тысячу лет. Велизарий (полководец Юстиниана) захватывает Неаполь.

531. Начало правления Хосрова I.

543. Великий мор в

Константинополе.

553. Юстиниан изгоняет готов из Италии.

565. Смерть Юстиниана. Ломбарды захватывают большую часть Северной Италии (Равенна и Рим остаются византийскими).

570. Рождение Мухаммеда.

579. Смерть Хосрова I.

Владычество ломбардов в Италии.

590. Чума в Риме.

Начало правления Хосрова II.

610. Начало правления Ираклия.

619. Хосров II захватывает Египет, Иерусалим и Дамаск. Его войска на Геллеспонте (у Дарданелл). Начало династии Тан в

Китае.

622. Хиджра^[97].

627. Разгром персов при Ниневии императором Ираклием.

628. После убийства своего отца Хосрова II Кавад II вступает на престол.

Мухаммед отправляет послания всем правителям земли.

629. Возвращение Мухаммеда в Мекку.

632. Смерть Мухаммеда. Абу-Бекр — халиф.

634. Битва при Ярмуке. Мусульмане захватывают Сирию. Омар — второй халиф.

635. Несторианские миссионеры в Китае.

637. Сражение при Кадесии.

638. Сдача Иерусалима калифу

Омару.

642. Смерть императора

Ираклия.

644. Осман — третий халиф.

655. Победа мусульман над византийским флотом.

668. Халиф Муавия нападает на Константинополь с моря.

687. Майордом Пипин Геристальский воссоединяет Австразию и Нейстрию.

711. Мусульмане вторгаются в Испанию из Африки.

715. Владения халифа Валида II простираются от Пиренеев до Китая.

717-718. Сыну и наследнику

Валида Сулейману не удастся взять Константинополь.

732. Карл Мартелл побеждает мусульман при Пуатье.

751. Пипин Короткий — король франков.

768. Смерть Пипина Короткого.

771. Карл Великий — единовластный король франков.

774. Карл Великий завоевывает Ломбардию.

786. Гарун аль-Рашид из династии Аббасидов — халиф в Багдаде (до 809 г.).

795. Папа Лев III (до 816 г.).

800. Карл Великий коронован Львом III как император Запада.

802. Эгберт, английский

изгнанник при дворе Карла
Великого, становится королем
Уэссекса.

810. Болгарский князь Крум
побеждает и убивает императора
Никифора.

814. Кончина Карла Великого.

828. Эгберт — первый король
Англии.

843. Смерть Людовика
Благочестивого и развал империи
Каролингов. До 962 г. отсутствует
правильное наследование
императоров Священной Римской
империи.

850. Приблизительная дата
воцарения норманна Рюрика в
Новгороде и Киеве.

852. Борис, первый христианский царь Болгарии (до 884 г.).

865. Флот русов (норманнов) у Константинополя.

904. Флот русов снова угрожает Константинополю.

912. Норманн Рольф обосновывается в Нормандии.

919. Генрих Птицелов избран королем Германии.

936. Оттон I наследует германскую корону после своего отца Генриха Птицелова.

941. Флот русов снова угрожает Константинополю.

962. Король Германии Оттон I коронован как германский

император папою Иоанном XII
(первый саксонский император).

987. Гуго Капет — король
Франции. Конец династии Ка-
ролингов.

1016. Канут — король Англии,
Дании и Норвегии.

1043. Флот русов угрожает
Константинополю.

1066. Завоевание Англии
герцогом Нормандии Вильгельмом.

1071. Возрождение ислама
турками-сельджуками. Битва при
Манцикерте.

1073. Гильдебранд становится
папой Григорием VII (до 1085 г.).

1084. Норманн Роберт Гюискар
разграбляет Рим.

1087—1090. Папа Урбан II.

1095. Урбан II провозглашает в Клермоне Первый Крестовый поход.

1096. Резня народного ополчения крестоносцами.

1099. Пленение в Иерусалиме Годфруа Бульонского.

1147. Второй Крестовый поход.

1169. Салладин — султан Египта.

1176. Фридрих Барбаросса признал главенство папы Александра III.

1187. Салладин захватывает Иерусалим.

1189. Третий Крестовый поход.

1198. Папа Иннокентий III (до 1216 г.) — опекун четырехлетнего

короля Сицилии Фридриха II.

1202. Четвертый Крестовый поход против Византийской империи.

1204. Захват Константинополя латинянами.

1214. Взятие Пекина Чингис-ханом.

1226. Кончина Франциска Ассизского. Францисканцы.

1227. Смерть Чингис-хана, властвовавшего от Каспийского моря до Тихого океана. Его преемник — хан Угедей.

1228. Фридрих II отправляется в Шестой Крестовый поход и завоевывает Иерусалим.

1240. Разрушение Киева

МОНГОЛАМИ. Русь — данница
МОНГОЛОВ.

1241. Победа монголов при
Лигнице в Силезии.

1250. Смерть Фридриха II,
последнего императора из династии
Гогенштауфенов. Междоусобица в
Германии до 1273 г.

1251. Мункэ — великий хан.
Хубилай — правитель Китая.

1258. Хулагу разрушает Багдад.

1260. Хубилай — великий хан.

1261. Греки отвоевывают у
латинян Константинополь.

1273. Рудольф Габсбург избран
императором. Образование
Швейцарской Конфедерации.

1280. Хубилай основывает

династию Юань в Китае.

1292. Смерть Хубилая.

1293. Умер Роджер Бэкон, предтеча экспериментальной науки.

1348. «Черная смерть».

1360. Падение монгольской династии Юань в Китае и установление династии Мин (до 1644 г.).

1377. Папа Григорий XI возвращается в Рим.

1378. Великий раскол. Урбан VI — в Риме, Климент VII — в Авиньоне.

1398. Гус и его проповедь учения Уиклифа в Праге.

1414—1418. Собор в Констанце. Сожжение Гуса (1415 г.).

1417. Конец Великого раскола.

1453. Османские турки под
водительством Магомета II
овладевают Константинополем.

1480. Великий князь
Московский Иван III освобождает
Русь от монгольского ига.

1481. Смерть султана Магомета
II во время приготовлений к
завоеванию Италии.

1486. Диас огибает мыс Доброй
Надежды.

1492. Колумб переплывает
Атлантический океан и достигает
Америки.

1493. Максимилиан I —
император.

1498. Васко да Гама плывет

вокруг мыса Доброй Надежды в Индию.

1499. Швейцария становится независимой республикой.

1500. Рождение Карла V.

1509. Генрих VIII — король Англии.

1513. Папа Лев X.

1515. Франциск I — король Франции.

1520. Сулейман Великолепный — султан (до 1566 г.), правил от Багдада до Венгрии. Карл V — император.

1525. Бабур одерживает победу при Панипате, захватывает Дели и основывает империю Моголов.

1527. Немецкие войска

коннетабля Бурбона берут Рим.

1529. Сулейман осаждает Вену.

1530. Карл V коронован папой.

Генрих VIII начинает борьбу с папским престолом.

1539. Основание Общества Иисуса.

1546. Кончина Мартина Лютера.

1547. Иван IV (Грозный) принимает титул царя Всея Руси.

1556. Отречение Карла V. Акбар — великий могол (до 1605 г.).
Смерть Игнатия Лойолы.

1558. Смерть Карла V.

1566. Смерть Сулеймана Великолепного.

1603. Яков I — король Англии и Шотландии.

1620. Эмигранты с «Мэйфлауера» основывают Нью-Плимут. Первые черные рабы привезены в Джеймстаун (Вирджиния).

1625. Карл I — король Англии.

1626. Умер сэр Фрэнсис Бэкон, лорд Веруламский.

1643. Начало царствования Людовика XIV, продолжавшегося семьдесят два года.

1644. Маньчжуры низложили династию Мин.

1648. Вестфальский мир, по которому Голландия и Швейцария признаны свободными республиками; начинается возвышение Пруссии. Ни князя, ни

император не добиваются решающей победы. Фронда во Франции завершается победой короля.

1649. Казнь Карла I в Англии.

1658. Аурангзеб — великий могол. Смерть Кромвеля.

1660. Карл II — король Англии.

1674. Новый Амстердам по договору отходит к Англии и переименовывается в Нью-Йорк.

1683. Последнее турецкое наступление на Вену отражено польским королем Яном Собеским.

1689. Петр Великий в России (до 1725 г.).

1701. Фридрих I — первый король Пруссии.

1707. Смерть Аурангзеба. Распад

империи Великих Моголов.

1713. Рождение прусского короля Фридриха Великого.

1715. Французский король Людовик XV.

1755—1763. Борьба Англии и Франции за Индию и Америку. Семилетняя война Франции в союзе с Австрией и Россией против Пруссии и Англии.

1759. Английский генерал Вольф захватывает Квебек.

1760. Английский король Георг III.

1763. Парижский мир; Канада отходит к Англии. Английское преобладание в Индии.

1769. Рождение Наполеона

Бонапарта.

1774. Начало царствования
Людовика XVI.

1776. Декларация
независимости Соединенных Штатов
Америки.

1783. Парижский мир между
Англией и США.

1787. Конституционное
Собрание в Филадельфии учреждает
федеральное правительство США.
Банкротство Франции.

1788. Первый Федеральный
конгресс США в Нью-Йорке.

1789. Созыв Генеральных
Штатов во Франции. Штурм
Бастилии.

1791. Бегство в Варенн.

1792. Франция объявляет войну Австрии, Пруссия — Франции. Битва при Вальми. Франция становится республикой.

1793. Казнь Людовика XVI.

1794. Казнь Робеспьера и конец якобинской республики.

1795. Директория. Бонапарт подавляет восстание и назначается командующим армией в Италии.

1798. Экспедиция Бонапарта в Египет. Сражение у пирамид.

1799. Бонапарт возвращается во Францию и становится первым консулом с неограниченными полномочиями.

1804. Бонапарт — император.

1805—1806. Франц II принимает

титул императора Австрии и отказывается от титула императора Священной Римской империи, которая заканчивает свое существование.

1806. Разгром Пруссии при Иене.

1808. Наполеон возводит своего брата Жозефа на испанский престол.

1810. Испанская Америка становится республиканской.

1812. Отступление Наполеона из Москвы.

1814. Отречение Наполеона. Людовик XVIII.

1824. Карл X — король Франции.

1825. Российский император

Николай I.

Первая железная дорога из
Стоктона в Дарлингтон.

1827. Сражение при Наварине.

1829. Независимость Греции.

1830. Луи-Филипп смещает
Карла X. Бельгия отпадает от
Голландии, Леопольд Саксен-Кобург-
Готский становится королем этой
новой страны. Неудавшееся
восстание в русской Польше.

1835. Впервые появляется слово
«социализм».

1837. Королева Виктория.

1840. Брак королевы Виктории с
принцем Альбертом Саксен-Кобург-
Готским.

1852. Наполеон III — император.

1854—1856. Крымская война.

1856. Русский император

Александр II.

1861. Виктор Эммануил —

первый король Италии. Авраам

Линкольн — президент США.

Начало Гражданской войны в

Америке.

1865. Капитуляция в

Аппоматтоксе.

Япония открывает себя для

внешнего мира.

1870. Наполеон III объявляет

войну Пруссии.

1871. Сдача Парижа (январь).

Король Пруссии становится

германским императором.

Франкфуртский мир.

1878. Берлинский договор. В Западной Европе наступает мир, продолжающийся на протяжении тридцати шести лет.

1888. Германские императоры Фридрих II (март) и Вильгельм II (июнь).

1912. Китай становится республикой.

1914. Начало Первой мировой войны в Европе.

1917. Две русские революции. Установление в России большевистского режима.

1918. Окончание Первой мировой войны.

1920. Первое заседание Лиги наций, на которое не были допущены

Германия, Австрия и Турция, а также не представлены Соединенные Штаты.

1921. Греки, игнорируя Лигу нации, нападают на турок.

1922. Разгром греков в Малой Азии. Фашистский марш на Рим.

1924. Смерть Ленина.

1927. Борьба Сталина с Троцким. Троцкий в эмиграции.

1928. Начало первого пятилетнего плана в России.

1930. Партия Гитлера добивается влиятельного положения в рейхстаге.

1931. Финансовый кризис в Великобритании и отмена золотого стандарта. Лига наций не разрешает

установления австро-германского
таможенного союза. Испания
становится республикой.

1932. Создание Японией
Маньчжоу-Го — марионеточного
государства на северо-востоке Китая.

Франклин Рузвельт избран
президентом США.

1933. Пожар рейхстага в Берлине
и нацистский переворот. Гитлер
становится диктатором. Бесплодная
всемирная экономическая
конференция в Лондоне. Япония
(апрель) и Германия (октябрь)
покидают Лигу наций.

1934. Россия вступает в Лигу
наций. Убийство Кирова.

1935. Возвращение Саара

Германии. Бесплодные жалобы Абиссинии в Лигу наций на агрессию Италии. Евреи лишены германского гражданства, запрещены их браки с арийцами.

1936. Смерть английского короля Георга V. Фактический захват Абиссинии Италией. Мятеж Франко в Испании. Отречение английского короля Эдуарда VIII.

1937. Осада Мадрида и постепенное истощение сил испанского правительства.

1938. Германия захватывает Австрию, не встретив вооруженного сопротивления. Испанское сопротивление Франко выдыхается. Британское правительство признает

захват Абиссинии Италией.
Английский премьер-министр
Чемберлен едет с умиротворяющим
визитом в Мюнхен и соглашается с
германской гегемонией в Европе в
обмен на мир.

1939. Британское и французское
правительства бросают
Чехословакию на произвол судьбы,
ее делят между собой Германия и
Польша (осень). Германия нападает
на Польшу, Англия объявляет ей
войну.

1940. Германия оккупирует
Норвегию, Данию, Голландию и
Бельгию. Разгром Франции. Венгрия,
Румыния и Словакия
присоединяются к державам Оси.

Провал итальянского вторжения в Грецию. Черчилль — премьер-министр Англии. Рузвельт переизбран президентом США на третий срок. Англия передает атлантические базы Америке. Убийство Троцкого в Мексике.

1941. Переменные успехи войны в Северной Африке. Англичане наступают и отступают в Ливии. Болгария присоединяется к державам Оси. Немецкая оккупация Греции, Югославии и Крита. Освобождение Абиссинии. Англичане и французы занимают Сирию. Германия вторгается в Россию (22 июня). Атлантическая хартия. Оккупация Ирана Англией и Россией. Падение

Киева.

Провал немецкого наступления на Москву. Нападение Японии на США. США объявляют войну Германии.

1942. Падение Сингапура. Япония захватывает Бирму и добивается господства на Тихом океане. Сражение на атолле Мидуэй. Наступление Роммеля в Ливии выводит немцев к Египту. Эль-Аламейн. Англо-американский десант в Северной Африке. Тунис остается у немцев до полного освобождения Северной Африки в 1943 г. Убийство адмирала Дарлана в Алжире. Падение Севастополя, немцы вторгаются на Кавказ, но

остановлены у Сталинграда.

1943. Конференция в Касабланке. Требование безоговорочной капитуляции. Англо-американская оккупация Туниса. Вторжение на Сицилию и в Италию. Русские освобождают Харьков, Смоленск, Киев. Конференция в Квебеке. Тегеранская конференция.

1944. Союзники высаживаются во Франции. Освобождение Франции и Бельгии. Военные действия на границах Германии. Освобождение Греции, борьба в ней монархистов и «антибольшевиков» с коммунистами. Русские через Румынию и Болгарию вторгаются в Венгрию, Югославию и Чехословакию. Рузвельт избран на

четвертый срок. Американцы высаживаются на Филиппинах.

1945. Ялтинская конференция. Соглашение о послевоенном сотрудничестве, но без договоренности о всемирном финансовом и экономическом сотрудничестве.

ИСТОРИЯ БЕЗ ФАНТАСТИКИ

Трудно оценить значение Герберта Уэллса (1866—1946) для истории фантазий европейца XX века. Он был одним из тех писателей, которые сделали сюжеты созданных ими произведений своего рода джазовыми стандартами фантастики. Ему принадлежат печальная история путешествий по времени, первый масштабный эпик о вторжении инопланетян, романы о природных и, как сказали бы сейчас, техногенных катастрофах, фантастические утопии и антиутопии, романы-

предупреждения об открытиях в сфере военного дела и о масштабах новых войн, ожидающих человечество... Как сказали бы сейчас, Уэллс писал в различных жанрах фантастики. На самом же деле он создавал эти жанры, приучая воображение своих читателей к неожиданным персонажам и поворотам сюжета.

У Уэллса более мрачный, скорее даже «готический» взгляд на будущее и на роль изобретений в истории человечества, чем, например, у Жюль Верна. Эпоха дредноутов, отравляющих газов и социальных революций, в которую он жил, настраивала писателя на печальный

лад. Как любой великий фантаст, он прозревал будущее, и далеко не все из увиденных им картин вдохновляли. Еще при жизни Уэллса фантастика совершит «великий побег» в мир «фэнтези», — мир магических способностей, тайных знаний и героических судеб. В известной степени это будет бегством от реальности XX века. Но Уэллс радикально не похож на писателей «фэнтези», — как и на большинство фантастов, которые придут в литературу после его смерти. Его фантастика всегда на пороге реального, она показывает нам события, которые должны или могут случиться.

Фантастический роман для Уэллса — это прогноз, который обращен не только к читателю, но и к политическому деятелю. С этой точки зрения творчество Уэллса ближе советской фантастике, чем западной: он, как и отечественные авторы, стремился научить читателя, предупредить его. Уэллс принадлежал к тому — почти вымершему ныне — типу писателей, которые верят, что подлинное призвание литературы быть властительницей дум. И он добивался того, чтобы к нему прислушивались: Уэллс встречался в Лениным, Сталиным, Рузвельтом, возглавлял один из комитетов при

Лиге Наций, а с 1934 года до самой своей смерти был председателем международного ПЕН-клуба.

Сразу после окончания Первой мировой войны Уэллс совершил радикальный шаг — от будущего обратился к прошлому. В 1920 году он подготовил первый вариант «Краткой истории мира», которую перерабатывал вплоть до самой смерти.

Сейчас уже не имеет смысла оценивать научное значение этой книги. Уэллс писал на основании данных антропологии и исторической науки первой половины XX века. В наше время многое звучит по-другому:

современная наука имеет совершенно иные концепции по поводу происхождения человека и древности рода *homo sapiens*; мы куда больше знаем об индийской, шумерской, египетской цивилизациях, мы по-другому смотрим на религиозную историю средних веков и на эпоху экспансии цивилизации Запада. И даже оценка событий, произошедших перед Второй мировой войной, выглядит ныне иначе.

Но книга Уэллса — прежде всего увлекательное чтение, а не учебник по истории. Уэллс не мог себе позволить быть скучным. История рода человеческого

раскрывается на страницах этого сочинения как роман, сочетающий в себе черты приключенческой литературы, семейной драмы и трагедий Шекспира. Занявшись историей, Уэллс явно старался разобраться и со своим видением будущего. Предсказав в своем первом знаменитом сочинении «Машина времени» крах современной цивилизации, здесь он попытался объяснить, что привело человека к порогу абсолютной деградации. И нашел ответ на этот вопрос: «В девятнадцатом веке энергичные люди хватали власть и богатство, даруемые наукой, без особой благодарности и не подозревая,

какую цену придется заплатить за все это. Теперь счет уже представлен». Ответ, быть может, не исчерпывающ, но достаточно точен. Первая половина XX века Уэллсом трактуется как эпоха человеческого безумия. Если вспомнить, что именно тогда возник институт психоанализа и появилась «мода» на перманентное лечение человеческой души, то и этот диагноз великого фантаста не кажется слишком резким. Рецепт выздоровления, предлагаемый Уэллсом, едва ли будет принят большинством российских читателей: «Расстояния настолько сократились, а материальные силы столь возросли,

что суверенитет государств становится уже невозможным. И тем не менее мы упорно и катастрофически цепляемся за него. Но так или иначе, а все хитроумные финансовые системы должны быть ликвидированы, и необходимо организовать всемирное управление экономической и политической жизнью, если человечество не желает своей гибели». И ведь Уэллс пишет не о некой умозрительной ситуации, он пишет о той самой глобализации, с последствиями которой мы начинаем сталкиваться уже сейчас.

Свой дар пророка Уэллс подтверждает и в популярной книге

по истории. В этом, наверное, главная ценность его творчества: всегда смотреть в будущее и рассказывать нам о нем, даже когда картина не выглядит оптимистичной.

Р. В. Светлов

Спасибо, что скачали книгу в
[бесплатной электронной библиотеке](#)
[Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

Имеется в виду четырехтомный труд Уэллса The Outline of History. Being a Plain History of Life and Mankind. New York, 1923. (*Примеч. пер.*)

Млекопитающие (*лат.*).

Приматы (*лат.*).

В 1973—1975 гг. в Кении, Танзании и Эфиопии были найдены ископаемые останки, свидетельствующие о значительно большей древности гоминид — до 3—3,5 миллионов лет назад. (*Примеч. пер.*)

Новые исследования (1953) показали, что пилтдаунский человек — антропологическая подделка. Кости черепа относились к неоантропу (70—60 тыс. лет назад), а нижняя челюсть принадлежала шимпанзе.

Предполагается, что человек из Брокен-Хилла жил довольно поздно, быть может, одновременно с людьми современного физического типа. Многие ученые считают его боковой ветвью антропогенеза.

Габриель де Мортилье (de Mortillet) (1821—1898) — французский археолог. Разработал хронологическую схему развития палеолитических культур, основанную на способах обработки орудий. (*Примеч. пер.*)

Джеймс Джеспер Аткинсон (Atkinson) (?—1899) — антрополог, изучавший нравы и обычаи туземцев Новой Каледонии. В книге «Первобытный закон» («Primal Law», 1903) исследовал происхождение семейной морали. *(Примеч. пер.)*

Tabus — табу, у первобытных народов — запрет, налагаемый на какое-либо действие, предмет, нарушение которого карается сверхъестественными силами.
(Примеч. пер.)

Термин «палеолитический» употреблялся также применительно к неандертальским и даже эолитическим (т. е. относящимся к самому раннему Каменному веку. — Д. С.) орудиям. Дочеловеческая эпоха называется «Древним палеолитом», а время, когда появились первые настоящие люди, употреблявшие неполированные орудия, — «Новым палеолитом».

Джеймс Джордж Фрезер (Frazer) (1854—1941) — английский этнограф и историк религии. Систематизировал огромный материал по первобытным верованиям и указал на их генетическую связь с иудаизмом и христианством. Труды в русском переводе: «Золотая ветвь» (1928; 1998), «Фольклор в Ветхом Завете» (1931). *(Примеч. пер.)*

Стоунхендж (Stonehenge) — одна из крупнейших мегалитических построек в Англии (у г. Солсбери). Состоит из двух concentрических кругов мегалитов (высота до 8,5 м, вес до 28 т). Возможно, это древний храм, связанный с культом солнца. Датируется 1900—1400 гг. до н. э. (*Примем. пер.*)

Пепи II (Пиопи II) — один из фараонов Древнего Царства (ок. 2800 — ок. 2250 гг. до н. э.). *(Примеч. пер)*

Древняя столица государства Элам (III—I тысячелетие до н. э.), находилась на территории современного Ирана. (*Примем. пер.*)

Греческий город того же имени,
что и Великие Фивы в Египте.
(Примеч. авт.)

Геродот. История в девяти
книгах. М., 1888. Т. II, с. 23.

Так до середины XIX века было принято называть естествознание.
(Примеч. пер.)

Имеется в виду героическая поэма английского историка Т. Б. Маколея «Lays of Ancient Rome» (1842). (*Примеч. пер.*)

«Император» и «Великий»,
«Священный» (*лат.*).

Римская колония в Испании,
основанная в 207 г. до н. э. (*Примеч.
пер.*)

Личное имущество (*лат.*).

Мф. 12,46—50.

Мк. 10,17—25.

Мк. 7, 5—9.

Эдуард Гиббон (1737—1794) —
английский историк, автор
классического труда «История
упадка и разрушения Римской
империи». (*Примеч. пер.*)

Эликсир жизни (*лат.*)

Первосвященник (*лат.*).

Пиетизм — не вполне корректное хронологически употребление автором названия религиозного течения, отвергавшего обрядовую сторону веры и придававшего особое значение внутреннему благочестию и нравственному совершенствованию. Термин «пиетизм» возник только в конце XVII века. (*Примеч. пер.*)

Последним Гогенштауфеном был Конрадин (1252—1268 гг.), сын императора Конрада IV (1228—1254 гг.), царствовавшего после смерти Фридриха II в 1250 году.
(Примеч. пер.)

Имеется в виду борьба за императорский престол между Гогенштауфенами и Анжуйской династией, которую поддерживала Франция (1250—1268 гг.). (*Примеч. пер.*)

Имеется в виду так называемое стояние на Угре, когда татарское войско не решилось напасть на русских и отступило. (*Примеч. пер.*)

С невероятной
стремительностью (*лат.*).

Юго-восточная область Малой
Азии. *(Примеч. пер.)*

Во время первого плавания 1492
года Колумб высадился не на
материке, а на одном из островов
Багамского архипелага. (*Примеч.
пер.*)

За исключением Чехии.

(Примеч. пер.)

Королевство обеих Сицилий объединяло остров Сицилию и южную часть Италии. Существовало в 1504—1860 годах. (*Примеч. пер.*)

В Священной Римской империи князья, обладавшие правом (с XIII века) избрания императора. (*Примеч. пер.*)

Карл V родился и получил воспитание в Нидерландах. (*Примеч. пер.*)

Будапешт был образован только в 1872 году путем соединения находившихся на противоположных берегах Дуная городов Буды (столицы Венгрии) и Пешта. *(Примеч. пер.)*

Уильям Хиклин Прескотт (1796—1859) — американский историк, автор фундаментальных трудов «История завоевания Мексики» и «История завоевания Перу». *(Примеч. пер.)*

Из приложений Прескотта к
«Истории Карла V» Уильяма
Робертсона. *(Примеч. автора.)*

Аллюзия на Людовика XIV, которого прозвали Королем-Солнцем, и на республику Нидерландов. (*Примеч. пер.*)

Жап Батист Александр Леблон
(1679—1719). *(Примеч. пер.)*

Португалия потеряла эти владения в следующем порядке: Гоа (1961), Тимор (1974), Мозамбик (1975), Макао (1999). *(Примеч. пер.)*

Роберт Клайв, лорд Плэсси (1725—1774) — английский полководец, вел войны с французами в Индии. Победой при Плэсси (1757) положил начало британскому владычеству. Занимал пост губернатора Индии (1757—1760, 1765—1767). Был обвинен в коррупции, но оправдан с определением, что он «оказал достойные услуги своей стране». Покончил с собой под влиянием опиума. (*Примеч. пер.*)

Уоррен Гастингс (1732—1818)
— губернатор Индии (1773—1785).
Вел войны с французами и расширил
владения Ост-Индской компании. За
вымогательства и хищнические
войны был отозван и предан суду
(1788). (*Примеч. пер.*)

Джеймс Эдуард Оглеторп (1696—1785) — английский генерал и филантроп. Организатор эмиграции в американские колонии. Основатель штата Джорджия. (*Примеч. пер.*)

Генеральные Штаты последний раз перед этим заседали в 1614 году.
(Примеч. пер.)

В настоящее время территория Франции разделена на девяносто шесть департаментов. (*Примеч. пер.*)

Республика Соединенных
Провинций (Голландии, Зеландии,
Фрисландии и др.) возникла в
результате революции 1566—1609
годов. В 1795 г. после вступления в
нее французских войск была
образована зависимая от Франции
Батавская республика, ставшая в 1806
г. Голландским королевством во
главе с братом Наполеона I Луи
Бонапартом. *(Примеч. пер.)*

C. F. Atkinson. French Revolutionary Wars. Encyclopaedia Britannica. London — New-York, 1929, vol. 29, p. 807.
(Примеч. пер.)

Священный союз был создан в 1815 году русским и австрийским императорами и прусским королем для обеспечения решений Венского конгресса и противодействия революционному движению. К нему присоединились почти все монархи Европы. (*Примеч. пер.*)

Имеется в виду федеративная система автономных территориальных образований, имеющих собственные конституции и органы законодательной и исполнительной власти. (*Примеч. пер.*)

Запрещение польского языка не носило всеобщего характера, оно касалось делопроизводства Административного совета и канцелярии наместника, а также преподавания в средних учебных заведениях. *(Примеч. пер.)*

В Наваринском сражении участвовала и русская эскадра под командованием адмирала Л. М. Гейдена. *(Примеч. пер.)*

Человек, не связанный ни
государственной, ни какой-либо
иной службой или зависимостью.
(Примеч. пер.)

Имеются в виду события 1806 года, когда Наполеоном был создан вассальный Рейнский союз, в который входили шестнадцать немецких государств, а также разгром Пруссии в войне с Францией, когда она потеряла почти половину своей территории и оказалась в полной зависимости от Наполеона. *(Примеч. пер.)*

Капер — частновладельческое судно, занимающееся с ведома своего правительства захватом судов противника и нейтральных стран.
(Примеч. пер.)

Имеется в виду закончившаяся неудачей интервенция Великобритании (1862), Испании (1861—1862) и Франции (1862—1867). В апреле 1864 года на мексиканский престол был возведен ставленник Наполеона III Максимилиан I. Общественное сопротивление и успешные действия мексиканской армии привели к краху этой авантюры. *(Примеч. пер.)*

Австрийский эрцгерцог, брат
императора Франца-Иосифа.
(Примеч. пер.)

Ассам — ныне штат на крайнем северо-востоке Индии; Синд — провинция на юго-востоке Пакистана; Агра — город на севере Индии, бывшая столица страны.
(Примем. пер.)

В 1947 году англичане ушли из Индии, и на ее территории возникли два независимых государства — Индия и Пакистан. (*Примеч. пер.*)

Потомки голландских
колонистов в Южной Африке.
(Примеч. пер.)

Имеются в виду войны
английского короля Иоанна
Безземельного (1202—1204) и
Столетняя война (1337—1453).
(Примеч. пер.)

Ныне Токийская бухта. (*Примеч.
пер.*)

До 1868 года столица Японии и резиденция императора. (*Примеч. пер.*)

Анна́м — прежнее название Северного и частично Центрального Вьетнама. (*Примеч. пер.*)

Бывшее английское владение в Южной Африке, ныне входящее в Лесото и частично в Ботсвану.
(Примеч. пер.)

Родезия (Северная и Южная) — бывшие английские колонии в Южной Африке, получившие независимость в 1964—1965 годах как республики Замбия и Зимбабве. *(Примеч. пер.)*

Дирижабли, получившие свое название по имени их изобретателя немецкого графа Ф. Цеппелина (1838—1917). (*Примем. пер.*)

А. Ф. Керенский (1881—1970) не только не был основателем партии социал-революционеров, но и никогда не состоял в ней. Как депутат Государственной думы (1912—1917) он возглавлял фракцию трудовиков. *(Примеч. пер.)*

Армия Н. Н. Юденича была сформирована на территории Эстонии, однако эстонские части в ее состав не входили. (*Примеч. пер.*)

Турксиб (Туркестано-Сибирская железная дорога) соединяет республики Средней Азии с районами Сибири (длина 1452 км). Построена в 1927—1931 годы. *(Примеч. пер.)*

Убийство С. М. Кирова
произошло в коридоре Смольного в
Ленинграде. (*Примеч. пер.*)

В последние годы Горький жил под почти открытым надзором НКВД. *(Примеч. пер.)*

В 1937—1938 годы в СССР
ежедневно приводилось в
исполнение 1000 смертных
приговоров. (*Примеч. пер.*)

Имеется в виду международная Конференция по разоружению в Женеве, проходившая в 1932—1933 годах. (*Примеч. пер.*)

Династия бранденбургских курфюрстов (1415—1701), прусских королей (1701—1918) и германских императоров (1871—1918). (*Примеч. пер.*)

Ныне город Клайпеда на территории Литвы. *(Примеч. пер.)*

Ныне город Риека в Хорватии.

(Примеч. пер.)

Массированное военное участие на стороне республиканского правительства принимал Советский Союз. (*Примем. пер.*)

Римский мир (*лат.*).

Вселенский мир (*лат.*).

Невилл Чемберлен (1869—1940) — английский государственный деятель, премьер-министр (1937—1940) и лидер Консервативной партии. (*Примеч. пер.*)

Эдуард Бенеш (1884—1948) — чехословацкий государственный деятель, президент республики (1935—1938, 1946-1948). *(Примеч. пер.)*

Улица в Лондоне, где находится
резиденция премьер-министра.
(Примеч. пер.)

Принадлежавший тогда
Германии Данциг (ныне Гданьск)
являлся анклавом на территории
Польши, и немцы требовали
создания «данцигского коридора»
для беспрепятственного доступа в
город. *(Примеч. пер.)*

Литвинов, конечно, ни в коей мере не определял политику СССР. Его отставка означала переориентацию Сталина на союз с Германией, что развязало Гитлеру руки для начала войны. (*Примеч. пер.*)

Условное название восточной границы Польши, рекомендованной в 1919 году Верховным советом Антанты. Названа по имени Дж. Керзона, английского министра иностранных дел (1919—1924).
(Примеч. пер.)

Один из районов Нью-Йорка.

(Примеч. пер.)

Эдуард Даладье (1884—1970) в 1933—1934 и 1938—1940 годы занимал пост премьер-министра Франции. *(Примеч. пер.)*

Дэвид Ллойд Джордж (1863—1945) — лидер Либеральной партии. В 1916—1922 годы возглавлял правительство Англии. (*Примеч. пер.*)

Город на севере Испании, подвергшийся во время Гражданской войны 1936—1939 годов разрушительной бомбардировке германской авиацией. (*Примеч. пер.*)

Поль Рейно (1878—1966) — французский государственный деятель. В марте-июне 1940 года премьер-министр и министр иностранных дел. (*Примеч. пер.*)

Человек разумный (*лат.*).

Сооружение в 12 км от г. Солсбери, представляющее собой круг из вертикальных больших камней, в центре которого поставлены огромные голубые камни, перекрытые мощными плитами.

Датируется приблизительно 2000 годом до н. э.

(Примеч. пер.)

Хиджра — 622 год н. э., начало мусульманского летосчисления (от переселения Мухаммеда из Мекки в Медину). (*Примеч. пер.*)